РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИНИОН РАН)

Распространяется на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 International
(«С указанием авторства 4.0 Всемирная»).
Описание и полный текст лицензии доступны по адресу
https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/deed.ru

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ:

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

СБОРНИК СТАТЕЙ, ОБЗОРОВ
И РЕФЕРАТОВ

МОСКВА
2 0 1 8

ББК 63.3(2)53
63.3(2)611
63.3(2)612
Р 32

Серия
«История России»

Центр социальных научно-информационных исследований

Отдел истории

Ответственный редактор – д-р ист. наук *В.П. Любин*
Редактор-составитель – канд. ист. наук *М.М. Минц*

Р 32 **Революция и Гражданская война в России: Современная историография:** Сб. статей, обзоров и рефератов / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отдел истории; отв. ред. В.П. Любин; ред.-сост. М.М. Минц. – М., 2018. – 223 с. – (Сер. История России).
ISBN 978-5-248-00903-9

Представлены труды российских и зарубежных исследователей, посвященные революции 1917 года и Гражданской войне в России. Особое внимание уделено новым подходам в историографии, дискуссиям в среде историков по поводу происхождения, хронологических рамок, значения этих событий для дальнейшего развития страны.

Для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

Статьи в сборнике даны в авторской редакции.

ББК 63.3(2)53
63.3(2)611
63.3(2)612

ISBN 978-5-248-00903-9
© ИНИОН РАН, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5
1917 год в России: Социалистическая идея, революционная мифология и практика: Сборник научных трудов. (Реферат) 12
Ауст М. Русская революция: От царской державы до советской империи. (Реферат) 17
1917: Вокруг Зимнего. (Реферат) 22
Файджес О. Ленин и Октябрьский переворот. (Реферат) 29
Назаренко К.Б. Балтийский флот в революции, 1917–1918 гг. (Реферат) 33
Брентон Т. Короткая жизнь и преждевременная смерть русской демократии: Дума и Учредительное собрание. (Реферат) 39
Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны, 1917–1923: Сб. статей. (Реферат) 43
Смил Дж. «Русские» гражданские войны: Десять лет, которые потрясли мир. (Реферат) 52
Концепция Гражданской войны в России Андреа Грациози (по монографии: *Грациози А*. История СССР). (Реферат) 60
Ратьковский И.С. Хроника красного террора ВЧК: Карающий меч революции. (Реферат) 65
В.П. Любин. Гражданская война и красный террор в Крыму 71
М.М. Минц. Спецслужбы в Гражданской войне. (Обзор) 91
Ливен Д. Иностранная интервенция в длительном контексте. (Реферат) 102
В.С. Коновалов. Претенденты на лидерство: Большевистские вожди в Гражданской войне. (Обзор) 105
В.С. Коновалов. Проблемы управления территориями во время Гражданской войны. (Обзор) 112

Новикова Л. Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и Гражданская война на русском Севере. (Реферат) 119
Кокоулин В.Г. Белая Сибирь: Борьба политических партий и групп (ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.). (Реферат) 124
Ретиш А.Б. Крестьяне России в годы революции и Гражданской войны: Гражданство, идентичность и создание советского государства. (Реферат) 129
Ландис Э. Судьба советской деревни. (Реферат) 136
Посадский А.В. Зеленое движение в Гражданской войне в России: Крестьянский фронт между красными и белыми, 1918–1922 гг. (Реферат) 141
О.В. Бабенко. Русская революция и Гражданская война глазами деятелей культуры 147
Еремеева А.Н. «Находясь по условиям времени в провинции…»: Практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны. (Реферат) 157
Трошина Т.И. «Интернированная Красная армия» в Германии в 1920–1921 годах: Об одном полузабытом эпизоде Гражданской войны. (Реферат) 164
Саква Р. У истоков ленинизма: Гибель политического плюрализма в большевистской партии после революции 1917 г. (Реферат) 171
В. Дённингхаус. Немецкие секции РКП(б): Несостоявшийся авангард «мировой революции» (1918–1921) 179
Т.М. Фадеева. Столетняя годовщина русской революции. (Обзор) 192
Голдин В.И. Гражданская война в России сквозь призму лет: Историографические процессы. (Реферат) 208
Гражданская война в России 1917–1921 гг.: Историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16–17 июня 2016 г.). (Реферат) 215
Сведения об авторах 221

ПРЕДИСЛОВИЕ

Революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война в России продолжают приковывать внимание исследователей. В связи со столетним юбилеем этих событий появилось огромное количество научных работ отечественных и зарубежных историков[1].

Целью составителей предлагаемого сборника было познакомить читателей с новейшей литературой по данной тематике и отразить по возможности как связанные с отечественной и зарубежной научной традицией, так и отличающиеся оригинальностью новые подходы ученых разных стран.

Учитывая, что недавно Отделом истории ИНИОН РАН был издан сборник «Революции 1917 года в России», в предисловии к которому было отмечено, что 2017 год обнажил «неготовность и государства, и общества, и науки к формированию ясной и тем более консолидированной позиции в отношении революционных событий, в огне которых сто лет назад зародилось Советское государство», и на сегодня «консенсус отсутствует даже в терминологии»[2], в данном

---

[1] См., например, обобщающую коллективную монографию: Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: Очерки истории и историографии. – М.; СПб.: ЦГИ, 2018. – 608 с. «Настоящим изданием Институт российской истории РАН завершает цикл исследований, посвященных эпохе “великих потрясений” 1914–1922 гг.», – отмечает в предисловии директор ИРИ РАН Ю.А. Петров (с. 7).

[2] Революции 1917 года в России: Современная историография: Реферативный сборник / Отв. ред. А.А. Алиев; Ред.-сост. О.В. Большакова; Отв. за выпуск М.М. Минц. – М.: ИНИОН РАН, 2017. – С. 4–5. См. также предшествующие сборники: Россия в Первой мировой войне: Новые направления исследований: Сборник обзоров и рефератов: (Препринт) [Электронный ресурс] / Редкол.: И.И. Глебова (отв. ред.), О.В. Большакова, М.М. Минц. – М., 2013. – 242 с. – Режим доступа: http://legacy.inion.ru/files/File/Russia_in_WW1_SOR_Preprint.pdf; Первая мировая война: Современная историография: Сборник обзоров и рефератов / Отв. ред. В.П. Любин; Ред.-сост. М.М. Минц. – М.: ИНИОН РАН, 2014. – 230 с. – Режим доступа: http://inion.ru/site/assets/files/2582/ww1_2014_sor_text.pdf. Бумажный тираж последнего сборника, нашедшего большой спрос в научных кругах, был довольно быстро исчерпан.

сборнике мы хотели бы продолжить освещение наиболее интересных тенденций в историографии революции, произошедшей в стране сто лет назад, и добавить к этому труды, в которых исследователи изучают события Гражданской войны и приходят к новым, прежде не делавшимся выводам. Так как тематика революции 1917 г. стала центральной в предыдущем сборнике, продолжая представлять здесь новую литературу о революционных перипетиях, сосредоточим всё же большее внимание на интерпретациях истории Гражданской войны.

Каноническим для советского времени стал начавший выходить в 1935 г. коллективный труд «История гражданской войны в СССР, 1917–1922»[1]. Том первый был назван «Подготовка великой пролетарской революции (от начала войны до начала октября 1917 г.)». Книга выпущена в твердой красного цвета обложке тиражом 300 тыс. экз., иллюстрации проложены папиросной бумагой. В качестве иллюстративного приложения в книгу вложена красная повязка с надписью черного цвета: «27 февраля 1917 года. КРАСНАЯ ГВАРДІЯ Васильевского Острова». На обложке рельефно вытеснена фигура В.И. Ленина, произносящего речь с броневика. В начале тома помещены иллюстративные вкладки с портретами Маркса, Энгельса, Ленина с выделенной красным цветом цитатой из высказывания вождя: «Превращение современной империалистической войны в войну гражданскую есть единственно правильный пролетарский лозунг». Том вышел под редакцией М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова, А. Бубнова, Я. Гамарника, И. Сталина. Отчеканенные авторами, придерживавшимися твердой большевистской линии в освещении событий, марксистско-ленинские положения и выводы стали на долгие годы господствующими в тогдашней советской историографии и подверглись, хотя и не слишком глубокой, но всё же ревизии, лишь во времена хрущёвской «оттепели» и позднее в «перестроечные» годы накануне распада СССР[2].

---

[1] История гражданской войны в СССР, 1917–1922: В 5 т. – М., 1935. – Т. 1; 2-е изд. – М., 1936. – Т. 1; М., 1943. – Т. 2; М., 1958. – Т. 3; М., 1959. – Т. 4; М., 1960. – Т. 5.

[2] Они вошли в появившийся в 1938 г. при участии И.В. Сталина «Краткий курс истории ВКП(б)» и в принудительно изучавшийся во всех советских вузах вплоть до окончания существования Советского Союза предмет «История КПСС». В недавней книге «История Коммунистической партии Советского Союза: РСДРП, ВКП(б), КПСС» (М.: РОССПЭН, 2014. – 671 с.) авторы критикуют однобокое освещение истории партии в советское время. Для них КПСС – уже объект исторического анализа.

В советское время сразу же по окончании Гражданской войны начали публиковаться воспоминания ее участников. С уходом этого поколения, в 1960–1970-е годы количество таких публикаций стало иссякать. Споры о Гражданской войне и вопрос о том, почему они проиграли в ней, раздирали сообщество белоэмигрантов. Острые дискуссии шли и в советском обществе, отражаясь на менявшей свои подходы историографии. Так, например, дискуссия о реабилитации А.В. Колчака, начавшись со времен перестройки, продолжалась до середины 2000-х годов; в конце концов в 2004 г. в реабилитации было отказано. Неудивительно: ведь тем, кто считал, что красный террор превысил все возможные пределы человеческой жестокости, отвечали те, кто приводил примеры бесчеловечной жестокости белых. «Как человек, не могу принять ни однозначную правоту “белых”, ни правоту “красных”, – замечает дочь одного из красных командиров Гражданской войны писательница О.А. Кучкина. – В детстве видела дома страшные фотографии: огромное количество замороженных трупов людей, сложенных штабелями, как дрова. Это то, что колчаковцы делали с “красными” в Сибири. Думаю, что “красные” делали примерно то же»[1].

К настоящему времени накал страстей начал спадать и ученые пытаются более беспристрастно разобраться в тех событиях. В 2018 г. в стране прошли многочисленные научные конференции историков и представителей других специальностей, посвященные столетнему юбилею начала Гражданской войны. Так, на одной из них, проведенной ведущим в изучении данной тематики Институтом российской истории РАН в октябре 2018 г., были подняты самые разные проблемы и отражены новые подходы и достижения современной отечественной и зарубежной историографии[2].

Составители данного сборника собрали под одной обложкой совершенно различные материалы, которые с их точки зрения при-

---

[1] *Кучкина О.А.* О моем отце // История и историки, 2005. – М.: Наука, 2006. – С. 260. Как пример работы о Гражданской войне, написанной ее участником, см. книгу ее отца: *Кучкин А.П.* В боях и походах от Волги до Енисея: (Записки военного комиссара). – М.: Наука, 1969. – 296 с.

[2] 1–3 октября 2018 г. – Международная научная конференция «Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: Власть и общество по обе стороны фронта» // Российское историческое общество. – Режим доступа: https://historyrussia.org/sobytiya/anonsy/1-3-oktyabrya-2018-g-mezhdunarodnaya-nauchnaya-konferentsiya-rossiya-v-gody-grazhdanskoj-vojny-1917-1922-gg-vlast-i-obshchestvo-po-obe-storony-fronta.html (дата обращения: 5.10.2018).

званы как можно более полно отразить новые тенденции в российской и мировой исторической науке.

Первый блок материалов посвящен революциям 1917 г. Его открывает реферат М.М. Минца на сборник «1917 год в России: Социалистическая идея, революционная мифология и практика», изданный в 2016 г. в Уральском университете. В сборнике собраны материалы одноименного семинара, участники которого в своих выступлениях постарались охватить разнообразные аспекты революционных потрясений в России, включая и региональное измерение революции и Гражданской войны. Значительным хронологическим охватом отличается монография немецкого историка М. Ауста «Русская революция: От царской державы до советской империи», посвященная истории России в первой трети XX в. (реферат В.П. Любина). Тему продолжает сборник «1917: Вокруг Зимнего», подготовленный коллективом петербургских ученых под редакцией Ю.З. Кантор (автор реферата – М.М. Минц). Авторы сборника исследуют роль и место ряда наиболее известных зданий и других исторических объектов Петербурга/Петрограда в событиях 1917 г. Следующие несколько материалов посвящены более узким сюжетам. Роль Ленина в подготовке Октябрьского переворота анализируется в статье британского историка О. Файджеса, опубликованной в сборнике «Была ли революция неизбежной? Поворотные пункты русской революции», подготовленном в Оксфордском университете (реферат И.К. Богомолова). Политической роли Балтийского флота в революционных событиях осени 1917 – весны 1918 г. посвящена монография К.Б. Назаренко (реферат О.В. Бабенко). Английский историк и дипломат Э.Р. Брентон в своей статье описывает короткую историю Всероссийского Учредительного собрания, разогнанного большевиками после первого и единственного заседания 5(18) января 1918 г.; реферат на статью подготовил И.К. Богомолов.

Следующий блок материалов содержит рефераты, обзоры и статьи, посвященные истории Гражданской войны. Он открывается рефератом сборника «Война во время мира», выпущенного в 2014 г. совместно Германским историческим институтом в Москве и издательством «Новое литературное обозрение» (реферат В.М. Шевырина). В статьях этого сборника описывается целая серия локальных войн и вооруженных конфликтов в разных частях Европы и на Ближнем Востоке в 1917–1923 гг., ставших своеобразным продолжением Первой мировой войны. Рассматрива-

ется в сборнике и Гражданская война в России, которую авторы таким образом помещают в более широкий исторический контекст. Более подробно социальные и этнические конфликты на территории бывшей Российской империи описывает Дж. Смил в монографии с характерным заглавием во множественном числе: «“Русские” гражданские войны: Десять лет, которые потрясли мир» (реферат И.К. Богомолова). Хронологически книга охватывает период с 1916 по 1926 год; автор анализирует самые разные стороны изучаемых событий, отнюдь не сводимых к одному лишь противостоянию между большевиками и Белым движением. Концепция Гражданской войны в России, предложенная итальянским историком А. Грациози, рассматривается в реферате И.Е. Эман, подготовленном на основе монографии Грациози «История СССР», переведенной в 2016 г. на русский язык.

Несколько работ посвящены отдельным частным вопросам истории Гражданской войны. История красного террора описывается в книге И.С. Ратьковского «Хроника красного террора ВЧК: Карающий меч революции» (реферат О.В. Бабенко). Тему продолжает подготовленная специально для данного сборника статья В.П. Любина, посвященная истории большевистского террора в Крыму. В обзоре М.М. Минца описывается история противоборства большевистских и белогвардейских спецслужб. Историю иностранной интервенции анализирует в своей статье Д. Ливен (реферат И.К. Богомолова). В обзоре В.С. Коновалова рассматривается проблема лидерства в годы Гражданской войны. Обзор основан на четырех отечественных монографиях, посвященных борьбе за власть в высших эшелонах большевистского руководства, а также проблеме вождизма и феномену красных командиров.

Особое направление в современной историографии Гражданской войны – это исследование социально-политических процессов, протекавших на «белых» территориях, начавшееся по существу лишь в 1990-е годы. В предлагаемом сборнике данной проблематике посвящен отдельный блок материалов. Внешняя и национальная политика белых правительств, в том числе в сопоставлении с политикой большевиков, рассматривается во втором обзоре В.С. Коновалова. Историю Гражданской войны на Русском Севере исследует Л.Г. Новикова в монографии «Провинциальная “контрреволюция”» (реферат О.В. Большаковой). В книге показана специфика белогвардейской Северной области, где антибольшевистский режим продержался достаточно долго в относи-

тельно стабильных границах и не трансформировался в военную диктатуру, как в Сибири и на Юге России. Внутриполитическую борьбу на территории белой Сибири в период диктатуры А.В. Колчака подробно описывает в своей книге В.Г. Кокоулин (реферат М.М. Минца).

Следующие пять материалов посвящены социальному измерению Гражданской войны. Ситуацию в советской деревне в этот период, отношения между крестьянством и новой властью рассматривают А.Б. Ретиш (США) в книге «Крестьяне России в годы революции и Гражданской войны» и Э. Ландис (Великобритания) в статье «Судьба советской деревни» (оба реферата подготовлены И.К. Богомоловым). Книга А.В. Посадского посвящена крестьянскому «зеленому» вооруженному движению в 1918–1922 гг. (реферат О.В. Бабенко). О.В. Бабенко в своей статье анализирует воспоминания деятелей культуры о революции и Гражданской войне. Основную источниковую базу исследования составили документальные свидетельства С.В. Рахманинова, Ф.И. Шаляпина (покинули Россию в 1917 и 1922 гг. соответственно) и К.С. Станиславского (остался в РСФСР/СССР). Практики выживания российских ученых в годы Гражданской войны исследуются в книге А.Н. Еремеевой «Находясь по условиям времени в провинции…» (реферат Ю.В. Дунаевой).

Тематика еще трех работ относится уже к периоду перехода от войны к миру. В монографии Т.И. Трошиной (реферат И.Е. Эман) описывается судьба красноармейцев, интернированных в Германии после разгрома советских войск под Варшавой в августе 1920 г.; большинство из них благополучно вернулись на родину в мае-июле 1921 г. Р. Саква в статье «У истоков ленинизма: Гибель политического плюрализма в большевистской партии после революции 1917 г.» (реферат И.К. Богомолова) прослеживает процесс свертывания внутрипартийной демократии в РКП(б) в 1917–1922 гг. Статья немецкого историка В. Дённингхауса посвящена истории немецких секций в структуре РКП(б) в 1918–1921 гг.

Завершает сборник блок материалов по историографии революции и Гражданской войны. В обзоре Т.М. Фадеевой анализируются пять статей, опубликованных к столетней годовщине революции 1917 г. в «Журнале современной истории» (Journal of contemporary history). Историография Гражданской войны, как отечественная, так и зарубежная, подробно рассматривается в книге В.И. Голдина «Гражданская война в России сквозь призму лет» (реферат Ю.В. Дунаевой). Особое внимание автор уделяет новым направлениям и подходам в исследовании этого сложного

и драматичного исторического периода. Наконец, вопросам исторической памяти о Гражданской войне посвящен сборник «Гражданская война в России 1917–1921 гг.: Историческая память и проблемы мемориализации “красного” и “белого” движения», выпущенный по итогам одноименной конференции, состоявшейся в 2016 г. в Омске (реферат И.К. Богомолова).

В.П. Любин, М.М. Минц

1917 ГОД В РОССИИ: СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ, РЕВОЛЮЦИОННАЯ МИФОЛОГИЯ И ПРАКТИКА: Сборник научных трудов / Редкол.: О.С. Поршнева (гл. ред.) и др. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. – 382 с. (Реферат)

В реферируемом сборнике статей под редакцией О.С. Поршневой (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) собраны материалы одноименного семинара, проходившего в Уральском федеральном университете 12–13 ноября 2016 г. Участники семинара в своих выступлениях постарались охватить самые разные аспекты революционных потрясений в России, проанализировать причины успеха большевиков, проследить влияние их идей и политической практики на различные стороны жизни раннесоветского общества. Семинар и выпущенный по его итогам сборник задумывались, таким образом, как возможность суммировать и оценить в сжатой форме основные достижения отечественной и зарубежной историографии к приближающемуся столетнему юбилею описываемых событий. В связи с продолжающимся поиском наиболее адекватной терминологии для описания этих событий авторы предпочитают говорить о единой Русской революции 1917 г., выделяя в ней два этапа – демократический и большевистский. Кроме того, они характеризуют 1917–1920-е годы как единый период революционных катаклизмов, завершившийся победой большевиков и построением нового советского государства на развалинах Российской империи. В статьях сборника эти события рассматриваются как в общероссийском масштабе, так и в региональном (на примере Урала).

Авторы статей, представленных в первом разделе сборника, сосредоточились в основном на вопросах теории и методологии, а также историографии и исторической памяти. Раздел открывает

статья Л.Н. Мазур (УрФУ), посвященная применению теории социального проектирования к истории Советской России и Советского Союза 1917–1936 гг. (построение раннесоветского общества от революции 1917 г. к принятию «сталинской» конституции и окончательной кристаллизации тоталитарной системы в конце 1930-х годов как социальный проект). Автор дает краткий обзор существующей литературы по данному вопросу, анализирует саму концепцию социального проектирования, описывает особенности ее применения на историческом материале. Тему продолжает статья О.В. Горбачева, также из УрФУ, в которой рассматриваются концепции социального проектирования и социальной инженерии, разработанные рядом западных мыслителей XX в., прежде всего идеи К. Поппера и Ф. фон Хайека. Эти теории также могут быть использованы при осмыслении советского опыта, тем более что для многих из них именно он и послужил исходным материалом. Краткий, но довольно информативный обзор современной историографии революций 1917 г. и Гражданской войны в России дает в своей статье О.С. Поршнева. Наконец, А.В. Трофимов (Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург) анализирует эволюцию представлений о революциях 1917 г. в общественном сознании постсоветской России, в основном на материале учебной литературы и социологических опросов.

Во втором разделе рассматривается главным образом государственное строительство в раннесоветский период, в том числе соотношение между первоначальными доктринальными установками большевиков и фактическими результатами проводимых ими преобразований. Раздел открывается статьей М.А. Пономаревой (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону), посвященной осмыслению сущности и причин революции и Гражданской войны в работах П.Б. Струве. Процесс строительства нового государственного аппарата после Октябрьской революции и создания Совета народных комиссаров описывается в статье Т.Г. Архиповой (РГГУ). Тему продолжает С.Б. Лугвин (Гомельский государственный технический университет); в его статье прослеживается генезис советской бюрократии, анализируются основные особенности ее мышления и мировоззрения. Эволюция партийного аппарата, его место в управлении страной в период Гражданской войны и в 1920-е годы исследуются в статьях И.А. Анфертьева (РГГУ) и В.А. Бондаря (УрФУ). И.В. Алферова и В.Ф. Блохин (Брянский государственный университет) в своей статье описывают раннюю историю Социалистической академии с момента ее основания в

1918 г. (до 1919 г. называлась Социалистической академией общественных наук) и до переименования в Коммунистическую академию в 1924 г. За эти первые шесть лет своего существования академия стала ведущим центром по разработке новой «марксистско-ленинской» методологии для различных отраслей знания и ее насаждению в научной среде. Две статьи посвящены проектам социалистических преобразований в сельском хозяйстве: О.М. Семерикова (УрФУ) описывает попытки создания в деревне трудовых коммун, предпринимавшиеся в 1917–1919 гг., В.А. Ильиных (Институт истории Сибирского отделения РАН) – проекты модернизации сельского хозяйства, разработанные на рубеже 1920–1930-х годов, и их соотношение с фактическими итогами сталинской форсированной коллективизации. Завершает раздел статья А.В. Шмыглевой (Сибирский государственный индустриальный университет, Новокузнецк), посвященная эволюции экологической политики Советской России и СССР и ее противоречиям.

«Человеческому измерению» изучаемой эпохи посвящен третий раздел. В центре внимания его авторов – прежде всего идеология, массовое сознание и мифы раннесоветского периода. Так, М.В. Брянцев (Брянский государственный университет) в своей статье рассматривает представления населения советской провинции 1920-х годов о возможности построения социализма в СССР. Опираясь главным образом на первичные информационные сводки о настроениях населения, хранящиеся в региональных архивах, а также на «письма во власть», он приходит к выводу, что сталинская идея построения социализма в одной стране воспринималась населением крайне скептически по нескольким причинам, включая негативное отношение к самим коммунистам, превратившимся в новый правящий класс. А.П. Килин (УрФУ) анализирует биографию П.П. Капустина (1890–1938) – агронома, до революции и в годы Гражданской войны члена партии народных социалистов – на фоне целой серии переломных периодов отечественной истории, имевших место в первой половине XX в. В статье показано, как в этих условиях эволюционировала жизненная позиция самого Капустина и как менялось отношение властей к его политическим взглядам и профессиональным навыкам. К.Д. Бугров (Институт истории и археологии УрО РАН), анализируя политический язык изучаемого периода, приходит к выводу о том, что собственно марксистский дискурс в СССР с конца 1920-х годов сосуществовал с особой идеологией массового энтузиазма и героизма, во многом противоположной марксистскому

экономическому детерминизму. Автор определяет эту идеологию как «красный республиканизм». Государственные праздники раннесоветского периода рассматриваются в статье Е.В. Барышевой (РГГУ). Тему продолжает статья О.С. Нагорной и О.Ю. Никоновой (Южно-Уральский государственный университет, Челябинск), посвященная формированию мемориального дискурса об Октябрьской революции в странах Восточной Европы в годы «Холодной войны». Завершают раздел статьи Л.Я. Барановой (УрФУ) об отношении солдатских масс к большевикам на протяжении 1917 г., Д. Ланца (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет) о соотношении между советской и национальной идентичностями и Е.М. Роговой (УрФУ) – об особенностях советской идеологии, обусловивших репрессии против «бывших белых» в 1920–1930-е годы.

Региональные аспекты изучаемых событий анализируются в четвертом разделе, посвященном месту Урала в революциях 1917 г., Гражданской войне и социальных процессах 1920–1930-х годов. Особенности процесса смены власти в регионе в октябре 1917 – марте 1918 г. описываются в статье М.А. Фельдмана (Уральский институт – филиал РАНХиГС). Автор приходит к выводу, что решающую роль в победе большевиков сыграли не рабочие Урала, а сосредоточенные на его территории армейские части, тогда как среди рабочих популярность леворадикальных партий даже осенью 1917 г. оставалась невысокой. И.В. Нарский (Южно-Уральский государственный университет) в своей статье показывает, что «новая экономическая политика» в 1921–1922 гг. проводилась на Урале во многом прежними методами, унаследованными от «военного коммунизма», и привела не к улучшению, а, наоборот, к дальнейшему ухудшению экономической ситуации в регионе. Прекращение массовых выступлений против большевиков в 1921 г. было, таким образом, обусловлено не началом НЭПа, а массовым голодом. В статье Т.В. Соловьевой (УрФУ) описывается непродолжительная история Временного областного правительства Урала (ВОПУ, 19 августа – 10 ноября 1918 г.), созданного с целью укрепить экономическое положение региона в условиях кризиса путем объединения уральских губерний в автономное территориально-административное образование в составе России. Опыт ВОПУ сравнивается с аналогичной попыткой создания Уральской республики в апреле-ноябре 1993 г. Статья М.И. Люхудзаева (Музейный ресурсный центр, г. Ноябрьск Тюменской области) посвящена деятельности местных организаций Партии революционного коммунизма (отде-

лилась от левых эсеров в сентябре 1918 г.) в Вятской и Уфимской губерниях в 1918–1920 гг. и их взаимоотношениям с большевиками. Наконец, Д. Ирвин (докторант Университета Северной Каролины в Чапел-Хилл, США) описывает безуспешные попытки городских властей и местного самоуправления Екатеринбурга восстановить общественный порядок в городе в первые месяцы после Февральской революции.

В последнем разделе сборника представлены четыре статьи, авторы которых реконструируют восприятие изучаемых событий их очевидцами, российскими и иностранными. Раздел открывает подготовленный М.И. Вебером (Институт истории и археологии УрО РАН) обзор дневника Дж.Л. Хафтэлинга-мл. – специального атташе американского посольства в Петрограде в январе-апреле 1917 г., имевшего возможность лично наблюдать многие события Февральской революции, в том числе и ее решающего дня – 27 февраля (12 марта). Автор характеризует его дневник как довольно ценный исторический источник, требующий перевода на русский язык. Отношение поляков к Февральской революции описывается в статье Д. Тарасюка (Университет Марии Склодовской-Кюри, Люблин). А.В. Шаманаев (УрФУ) в своей статье анализирует письмо выдающегося историка византийского и древнерусского искусства, археолога Н.П. Кондакова (1844–1925) Б.В. Фармаковскому (1870–1928, археолог, историк античного искусства) от 28 января 1918 г., отложившееся в РГИА. Относительно небольшое по объему письмо (две рукописные страницы) содержит довольно ценные сведения о жизни ученого в Крыму зимой 1917–1918 гг., в том числе о боевых действиях между большевиками и отрядами Таврического губернского совета народных представителей в январе 1918 г., завершившихся установлением советской власти на полуострове. В заключительной статье В.А. Бабинцева и Ю.М. Галкиной (УрФУ) описывается отношение сотрудников французской военной миссии в России к событиям ноября 1917 – первой половины 1918 г. (захват власти большевиками, Декрет о мире, Брестский мирный договор и т. д.).

М.М. Минц

Ауст М.

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ОТ ЦАРСКОЙ ДЕРЖАВЫ ДО СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ (Реферат)

Aust M. Die Russische Revolution: Vom Zarenreich zum Sowjetimperium. – München: C.H. Beck, 2017. – 278 S.

Автор книги – профессор Мартин Ауст, заведующий кафедрой истории стран Восточной Европы Боннского университета, ФРГ. Ранее им опубликованы монографии, связанные с историей России, Украины и Польши.

Книга состоит из предисловия, введения, пяти глав и заключения. Главы выстроены по хронологическому принципу: «1905–1907: Первая революция в России», «1914–1915: Россия в Первой мировой войне», «1916–1917: Восстание и революции», «1918–1921: Гражданская война и мировая война», «1921–1928: Советский “моментум” мировой истории».

Как отмечается в предисловии, «в 1989 г. Франсуа Фюре заявил, что Французская революция 1789 г. окончательно завершилась. Идеологический потенциал 1789 г. в течение 200 лет оказался исчерпанным. Революционную Россию 1917 г., казалось бы, ничто не связывает с Россией Путина столетие спустя. Но можно заметить, что основные проблемы 1917 г. ожили вновь» (с. 7).

С научной точки зрения юбилей является долгожданным поводом для обобщения богатого урожая последних исследований по истории империи, наций и регионов России и Советского Союза в первой трети XX в. и включения их в общие списки работ по истории революции, продолжает Ауст. До сих пор все исследования революционных событий в России в значительной степени были сосредоточены на политической и социальной истории таких цен-

тров, как Петроград и Москва, а также центральных регионов России. В последнее время появляется всё больше работ о событиях революции в провинции.

Автор отмечает, что он мог опираться на удивительно большое число исследований, предпринятых в российской историографии последних 20 лет. Она занималась многообразными сюжетами, связанными с проблемами империи, а также выяснением подробностей событий революций 1905 и 1917 гг. Название книги «Русская революция» взято как давно принятое в языковой среде. Подобно Французской революции 1789 г., русская революция стала общепринятым термином, который как в первом, так и во втором случае включает в себя множественность социальных и региональных революций и их собственных хронологий, отмечает Ауст (с. 9–10).

Рисуя картину России в 1900 г., автор обращает внимание на черты характера пришедшего к власти в 1896 г. царя Николая II и замечает, что он не отреагировал на катастрофу на Ходынском поле, где во время коронации нового монарха в Москве от давки погибло более тысячи человек. Не реагировал он и на письмо 83-летнего Л.Н. Толстого, отправленное ему 16 января 1902 г., в котором тот просил его отказаться от абсолютистских методов правления и от применения насилия по отношению к народу. Насилие было применено в воскресенье 9 января 1905 г., когда на демонстрацию в Петербурге вышли от 50 тыс. до 100 тыс. человек. Эта мирная манифестация была встречена залпами солдат, убивших и ранивших сотни демонстрантов. Результатом стала разразившаяся первая русская революция 1905–1907 гг. Царь пошел на уступки, подписав Октябрьский манифест 1905 г. о созыве парламента и предоставлении ряда свобод. Дальнейшая политика самодержавия в период до Первой мировой войны была политикой кнута и пряника (с. 44–55).

Касаясь жизни России во время Первой мировой войны, в которой она участвовала с 1 августа 1914 г., автор обращает внимание на накапливавшуюся усталость народных масс и нарастание острых экономических проблем к концу 1916 г. Ауст воспроизводит подробности, связанные с выступлением в IV Государственной думе Милюкова 1 ноября 1916 г., со звучавшим рефреном вопросом по поводу политики двора: «Что это: глупость или измена?» Речь стала отражением раскола в высших политических кругах царского режима. Автор приводит мнения иностранных историков по поводу этой речи, ставшей подстрекательством к революции. Так, по мнению Кристофера Рида (Cristopher Read),

это было поступком «неумным», а по мнению Доминика Ливена (Dominic Lieven), – «безответственным» (с. 94–95).

После убийства Распутина 16 января 1916 г. раскол в верхах быстро нарастал. Когда 1916 год приближался к концу, Николай II ничего не хотел знать о нестабильности. 30 декабря он принял английского посла Дж. Бьюкенена, повторившего вопрос, уже заданный царю Думой: не пора ли поставить во главе правительства человека, которому народ доверяет? На что Николай II возразил: не должен ли сначала народ вновь завоевать его доверие? Услышав такое, Бьюкенен повел себя «безжалостно» и заявил царю, что тот «находится на развилке: или победа в мировой войне, или революция» (с. 97).

Отречение царя в результате революции февраля 1917 г., когда на Невский проспект вышли сначала в Международный женский день 23 февраля (8 марта) протестующие жительницы Петрограда, в последующие дни – тысячи рабочих, уволенных с Путиловского завода, а следом за ними и солдаты столичного гарнизона, стало неожиданностью для жителей царской империи. Страну охватила революционная эйфория.

Когда Ленин в апреле 1917 г. вернулся из Цюриха через Берлин и Стокгольм в Россию, было абсолютно неясно, станут ли большевики значимой политической силой осенью 1917 г. Ленин сам сомневался в этом. Он прояснил в апрельских тезисах политику своей партии и потом весь 1917 год боролся за их осуществление. Летом 1917 г. Россия переживала глубокую трансформацию. 4 июля войска Временного правительства расстреляли народную демонстрацию в Петрограде. Главе правительства Керенскому было 37 лет, он был на десять лет моложе Ленина и Троцкого, вернувшегося из США.

У разных слоев населения были разные интересы. Интеллигенция и средний класс хотели быстрого принятия новой конституции, которую должно было подготовить Учредительное собрание, для крестьян и рабочих важнее всего были вопросы повседневного выживания, для солдат и матросов приоритетом было окончание войны (с. 129–130). Керенский, чувствуя, что Временное правительство теряет поддержку населения, сначала хотел обратиться за помощью к генералу Корнилову, но потом отверг эту идею, обвинив генерала в том, что тот готовит военный переворот. Получилось так, что «крестовый поход за спасение России провалился, еще и не начавшись» (с. 133).

Осенью 1917 г. большевики не имели поддержки масс. Политическая самоорганизация общества находилась на начальной стадии. Ленин больше, чем другие, обладал политическим инстинктом. 30 августа он призвал Центральный комитет своей партии поддержать Керенского, если тот арестует Милюкова и Родзянко, вооружит народ и установит рабочий контроль. Далее во многих письмах в ЦК в конце сентября – начале октября Ленин заявлял, что будет преступлением перед революцией, если большевики не будут стремиться взять всю полноту власти. Политический ландшафт к осени стал благоприятен для большевиков, несмотря на то что они в нем не доминировали.

Керенский отдал приказ 24 октября военным частям занять стратегические пункты столицы – вокзалы, телеграфные станции, мосты – и нанести удар по большевистской прессе. Но войска не были лояльны к Временному правительству. Инициативу взяли на себя Петроградский совет и его Военно-революционный комитет (ВРК). Утром 25 октября именно ВРК, а не Ленин и большевики, объявил, что Временное правительство низложено. Власть перешла к Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов и ВРК. День прошел спокойно, и у Керенского была возможность покинуть город. Только поздно вечером пришла мысль арестовать заседающее в Зимнем дворце Временное правительство. В ночь с 25 на 26 октября туда пришел отряд Красной гвардии и революционные солдаты, которые арестовали министров, поместив их в Петропавловскую крепость.

Второй всероссийский съезд советов открылся также в ночь с 25 на 26 октября. Из 650–700 депутатов 300 были большевиками, 100 левыми социал-революционерами. После того как меньшевики и эсеры покинули заседание, сопровождаемые возгласом Троцкого, что им пора отправиться на свалку истории, оставшиеся провели второе заседание, на котором были приняты подготовленные большевиками декреты о мире и о земле. После Октября большевикам надлежало консолидировать власть, которую они получили (с. 145).

Глава «1918–1921: Гражданская война и мировая война» начинается с раздела «Bellum omnium contra omnes 1918» («Война всех против всех 1918»). Наступление немецких войск заставило большевистское правительство покинуть Петроград, и с 12 марта 1918 г. столицей стала Москва. С немцами был заключен мир в Брест-Литовске. На организованные контрреволюционными силами террористические акты против большевиков они ответили по-

литикой красного террора. Началась кровавая Гражданская война, противостояние красных и белых, продлившееся до 1922 г.

Задаваясь вопросом, почему большевики одержали победу в этой войне, автор замечает, что силы белых были очень разнородны. Их сильными чертами были «образование, знания и опыт в военной сфере». Слабыми – «полная политическая неопытность в том, что касалось программных и организационных вопросов». «Белые, и как пример Деникин, отличались аполитичными жестами, выставляя себя спасителями матушки-России. Вопрос, какими особенностями должно обладать это отечество, они предпочитали замалчивать» (с. 194).

В последней главе немецкий историк анализирует советскую внутреннюю политику 1921–1928 гг. Большевики поставили своей задачей модернизировать страну, провести индустриализацию, урбанизацию, ликвидацию неграмотности. Ауст так обобщает перемены во внутренней политике: формирование культа личности Сталина, коллективизация сельского хозяйства, создание централизованной и ориентированной на пятилетние планы развития экономики, а также «безудержный террор против воображаемых врагов и саботажников» (с. 202). Обращаясь к национальной политике большевиков, автор замечает, что с 1934 г. возобладала линия на русификацию и поддержку советского патриотизма.

В заключении ставится вопрос: когда закончилась русская революция? На эти вопросы историки всегда отвечали по-разному. Некоторые из них считают, что она закончилась в годы Большого террора 1937–1938 гг. Были репрессированы представители ленинской гвардии, на смену им пришли другие деятели, занявшие ведущие позиции. Орландо Файджес ввел в историографию идею, что следует добавить к революционному периоду также четыре десятилетия после смерти Сталина. От этого утверждения Файджеса недалеко и до того, чтобы дойти до современности. Но прямую линию от революции до нынешней России Путина протянуть нельзя. «Революция в России 1917 года – прежде всего это термин, который по-разному понимается различными сторонами, и он связывается у них с опасениями и ожиданиями» (с. 231).

В.П. Любин

1917: ВОКРУГ ЗИМНЕГО / Ред.-сост. Ю. Кантор. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 247 с.: ил. (Реферат)

Реферируемый сборник посвящен жизни революционного Петрограда на протяжении 1917 г. на примере ряда наиболее известных зданий и других исторических объектов (Зимний дворец, Таврический дворец, Петропавловская крепость, крейсер «Аврора», особняк М. Кшесинской и т. д.). Как отмечается во введении, эти «места памяти» (сохранившиеся до сих пор, несмотря на все перипетии российского XX века) упоминаются в любом исследовании по истории Февральской и Октябрьской революций, но лишь эпизодически, в связи с теми наиболее важными событиями описываемого периода, которые эти места напрямую затронули. Повседневная, рутинная жизнь вокруг таких объектов в промежутках между революционными потрясениями в основном остается в тени. Авторы сборника постарались частично восполнить данный пробел.

Сборник подготовлен коллективом исследователей из Санкт-Петербургского института истории РАН, Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. М.М. Бонч-Бруевича и ряда петербургских музеев под редакцией Ю.З. Кантор (РГПУ им. А.И. Герцена). Книга состоит из 12 статей и оформлена как научно-популярное издание, но фактически представляет собой оригинальное научное исследование. Многие статьи сопровождаются большим числом фотографий, современных и исторических.

Открывает сборник статья А.А. Конивец (Государственный Эрмитаж), посвященная комплексу Зимнего дворца и Эрмитажа в революционные месяцы. К моменту отречения Николая II от престола императорская семья уже более десяти лет проживала в Царском Селе и посещала Зимний лишь эпизодически; к тому же во

время Первой мировой войны часть помещений дворца стала использоваться как госпиталь. В июле 1917 г. во дворец переехало также Временное правительство с собственным аппаратом и охраной, что уже тогда сопровождалось многочисленными хищениями имущества. Положение усугубляла безответственность самих членов нового правительства: А.Ф. Керенский, к примеру, занял бывшие апартаменты Николая II, а роскошный образ жизни во дворце впоследствии заметно подорвал его репутацию. Значительную часть ценностей дворца и Эрмитажа осенью 1917 г. удалось перевезти в Москву, эвакуацию прервал захват власти большевиками. После 25 октября (даты в книге даются по старому стилю) почти все помещения дворца были разгромлены, значительная часть оставшегося имущества расхищена. Раненых, которые всё еще находились во дворце, пришлось развезти по другим лазаретам, поскольку нормальное функционирование госпиталя в помещениях Зимнего стало невозможным. 30 октября 1917 г. «ставший уже “бывшим” Зимний дворец был объявлен “Государственным музеем наравне с Эрмитажем”. Вскоре он стал именоваться Дворцом искусств: в его парадных залах, где совсем недавно происходили исторические события, стали устраивать киносеансы, лекции и модные в те годы диспуты» (с. 30).

История Октябрьского переворота тесно связывает Зимний дворец с двумя другими местами памяти – Петропавловской крепостью и крейсером «Аврора». Петропавловской крепости посвящена статья Ю.Б. Демиденко (Русский музей). На протяжении 1917 г. крепость неоднократно оказывалась в самом центре революционных событий. Этому способствовало ее географическое положение в самом центре города, прямо напротив Зимнего дворца, и наличие значительных запасов оружия. К тому же еще в XVIII в. крепость начали использовать в качестве тюрьмы для государственных преступников, а Петропавловский собор, являвшийся также усыпальницей дома Романовых, делал ее одним из символов Российской империи. В ходе Февральской революции в крепости были освобождены политические заключенные и впервые захвачено большое количество оружия. В последующие месяцы здесь содержались арестованные царские министры и другие крупные сановники; обсуждался вопрос о заключении в Петропавловскую крепость самого Николая II, позднее также Ленина. В двадцатых числах октября большевикам удалось привлечь солдат гарнизона на свою сторону, арсеналы крепости были использованы для вооружения отрядов Красной гвардии, гарнизон при-

нял участие и в штурме Зимнего дворца. После 25 октября в крепости содержались (от нескольких дней до нескольких месяцев) бывшие министры Временного правительства, позже сюда стали свозить и других действительных и предполагаемых противников новой власти. В крепости неоднократно производились массовые расстрелы, останки более чем 150 человек, казненных предположительно в 1917–1920 гг., были обнаружены в 2007–2011 гг. во время раскопок напротив Кронверка.

Место крейсера «Аврора» в событиях 1917 г. показано в статье Ю.З. Кантор. В Петроград «Аврора» пришла в декабре 1916 г. на ремонт. Перед этим она в течение продолжительного времени находилась в море и, как следствие, была изолирована от политических баталий на суше, а также и от революционной агитации. За первые два месяца, проведенных на стоянке, напротив, произошла стремительная политизация экипажа, матросы «Авроры» принимали участие в Февральской революции, были убиты командир корабля М.И. Никольский и старший офицер П.П. Огранович. Влияние большевиков, однако, оставалось практически ничтожным вплоть до лета. На корабле по-прежнему поддерживался довольно высокий уровень дисциплины; этому способствовало ожидание предстоящего возвращения в состав действующего флота. К концу октября 1917 г. крейсер закончил ремонт и представлял собой «плавучую крепость, расположенную в центре столицы. В Петрограде в это время не было такой воинской части, которая по своей силе и организованности могла бы противостоять “Авроре”» (с. 158); этим и было обусловлено решение большевиков использовать ее в ходе вооруженного восстания.

Во всех трех статьях обсуждаются и события 25–26 октября 1917 г. По сведениям А.А. Конивец, так называемый «штурм Зимнего» является в значительной степени мифом, причем само это выражение, насколько можно судить по сохранившимся источникам, впервые употребили противники большевиков. В действительности до полномасштабного штурма дело не дошло: после продолжавшейся несколько часов осады защитники дворца приняли решение сложить оружие, поскольку стало очевидным, что их положение практически безнадежно. Около 2 часов ночи 26 октября В.А. Антонова-Овсеенко с группой сопровождающих пропустили во дворец в качестве парламентеров, однако «переговоры» довольно быстро завершились сдачей гарнизона и арестом Временного правительства (с. 16–22). Ю.Б. Демиденко в своей статье добавляет, что перешедший на сторону большевиков гарнизон Петропавловской

крепости отказался обстреливать Зимний боевыми снарядами, ссылаясь на плохое состояние орудий (что соответствовало действительности). Тем не менее обстрел дворца состоялся, хотя и с опозданием. В 21:45 сигнальным фонарем была передана команда экипажу «Авроры» о начале штурма Зимнего; она была продублирована холостыми выстрелами из вестовой пушки в крепости и носовой пушки самой «Авроры». Позже, в 11 часов вечера, со стороны крепости было дано еще четыре холостых выстрела и два боевых; в здание дворца попал один из двух снарядов, второй «по недосмотру улетел в район Сенной площади, где убил четырех человек» (с. 108). «Аврора» сделала лишь один выстрел холостым зарядом, хотя впоследствии в городе ходили слухи, что она стреляла боевыми (с. 159–160).

Эти же события рассматриваются в статье К.А. Тарасова (Санкт-Петербургский институт истории РАН), посвященной деятельности штаба Петроградского военного округа. Главнокомандующий округом полковник Г.П. Полковников, только недавно назначенный на эту должность и не имевший опыта службы в революционной столице, после первых слухов о готовящемся вооруженном восстании, появившихся 12–13 октября, ожидал повторения массовых беспорядков 3–5 июля и не придал должного значения чисто бюрократическому, на первый взгляд, конфликту с вновь образованным Военно-революционным комитетом. Масштаб опасности был осознан лишь 24 октября, когда солдаты, матросы и красногвардейцы, подконтрольные ВРК, окончательно превратившемуся к тому моменту в большевистский штаб восстания, уже начали занимать правительственные здания и другие стратегические объекты в городе, причем без боя, поскольку охрана не оказывала сопротивления. К исходу дня стало ясно, что большинство воинских частей, дислоцированных в Петрограде, вообще не намерены участвовать в вооруженном противостоянии ни на одной из сторон; что касается войск, сохранивших верность Временному правительству, то для успешного противодействия силам большевиков их было явно недостаточно. Это стало одной из причин, предопределивших быстрое, неожиданное и почти бескровное падение Временного правительства.

Статья В.С. Измозика (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций) посвящена мемориалу на Марсовом поле. Автор дает краткую предысторию этого места; прослеживает, как вызревало в марте 1917 г. решение устроить именно здесь братскую могилу погибших в дни Февральской ре-

волюции; описывает саму церемонию похорон 23 марта и последующую историю мемориала в 1917–1922 гг.

С.В. Куликов (Санкт-Петербургский институт истории РАН) в своей статье описывает события, происходившие в Мариинском дворце. До 1917 г. здесь размещался целый ряд высших государственных учреждений империи, включая Государственный совет и Комитет/Совет министров, так что дворец воспринимался как своеобразное «продолжение» Зимнего. После Февральской революции он стал резиденцией Временного правительства; после его переезда в июле в Зимний дворец в Мариинском продолжали функционировать его вспомогательные учреждения, в частности Юридическое совещание и Всероссийская комиссия по делам о выборах в Учредительное собрание. Здесь же в октябре 1917 г. проходили заседания вновь сформированного Временного совета Российской республики (Предпарламента). Последний 25 октября был разогнан большевиками, так же как и Юридическое совещание. 29 ноября были арестованы члены Всероссийской комиссии по делам о выборах.

Следующая статья, также написанная С.В. Куликовым, посвящена роли Петроградской городской думы в событиях 1917 г. Противостояние между городским самоуправлением и царской администрацией имело давнюю историю; ее символическим отражением стали неоднократные перестройки здания городской думы, высота которого в конце концов превысила высоту Зимнего дворца. Это противостояние продолжалось и накануне революции, несмотря даже на то, что значительная часть гласных (депутатов) придерживалась достаточно консервативных взглядов. Именно попытки городской думы взять в свои руки продовольственное снабжение столицы во многом спровоцировали беспорядки в двадцатых числах февраля, завершившиеся свержением Николая II. В последующие месяцы, однако, эффективность городской думы значительно снизилась. В критический момент вечером 25 октября депутаты приняли решение поддержать Временное правительство, однако оказать ему сколько-нибудь действенную помощь они были уже не в состоянии. 16 ноября дума была распущена решением Совета народных комиссаров.

К числу менее известных мест памяти, связанных с Февральской революцией, относится дом № 12 по Миллионной улице, где 3 марта 1917 г. отрекся от престола великий князь Михаил Александрович. Его переговоры с Николаем II и представителями Государственной думы в конце февраля – начале марта описываются во

второй статье В.С. Измозика. Местонахождение квартиры князя П.П. Путятина, в которой проживал в эти дни Михаил Александрович, удалось установить уже в 2000-е годы Е.И. Красновой (с. 86).

Еще один исторический объект, прочно связанный с революционными событиями 1917 г., – это особняк балерины М.Ф. Кшесинской, судьбу которого описывает в своей статье А.М. Кулегин (Государственный музей политической истории России). 1 марта здание было разгромлено ворвавшейся толпой (сама Кшесинская покинула Петроград еще 27 февраля), а 11 марта занято большевиками и на несколько месяцев стало фактически их штабом: в особняке разместились и Петроградский, и Центральный комитеты РСДРП(б). Властям удалось выселить их лишь в июле, однако все попытки Кшесинской вернуть особняк окончились неудачей. В 1954 г. здание было передано Музею Великой Октябрьской социалистической революции (ныне Государственный музей политической истории России).

А.Б. Николаев (РГПУ им. А.И. Герцена) описывает события вокруг Таврического дворца, который до революции являлся резиденцией Государственной думы. На протяжении 1917 г. в нем продолжали работать различные учреждения Думы и ее Временного комитета, здесь же размещался и Петроградский совет рабочих депутатов, проходил I Всероссийский съезд советов, работал избранный им ВЦИК советов 1-го созыва. В августе советские органы переехали в Смольный институт; это было связано с начавшимся ремонтом Таврического дворца перед предстоявшим созывом Учредительного собрания. Учреждения Государственной думы продолжали свою работу даже после ее официального роспуска 6 октября; окончательно ее аппарат был ликвидирован лишь постановлением Совета народных комиссаров от 18 декабря 1917 г. В статье также подробно описывается деятельность депутатов Государственной думы в дни Февральской революции, показана их роль в свержении старого порядка.

Вторая статья Ю.З. Кантор посвящена дому № 2 по Гороховой улице, где до революции работало Управление градоначальства; это же здание являлось штаб-квартирой петроградской полиции и охранки. После Февральской революции здесь разместилось Общественное градоначальство Временного правительства, а 10 декабря в здание въехала образованная 7 декабря Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Особенно подробно автор описывает неудачные попытки полиции пресечь революционные выступления в последних числах февраля, а также первые операции, проводившиеся ВЧК в конце

1917 – начале 1918 г., прежде всего ликвидацию Петроградского союза защиты Учредительного собрания. В марте 1918 г., после переезда центрального аппарата ВЧК в Москву, в здании на Гороховой, 2, «поселилась» Петроградская ЧК. В настоящее время здесь находится филиал Музея политической истории России.

Завершает сборник третья статья Кантор, посвященная зданию Смольного института. Сам Институт благородных девиц был фактически закрыт весной 1917 г., но какая-то часть персонала и воспитанниц проживала в здании вплоть до осени: те, кому не удалось 20 октября эвакуироваться вместе с другими институтами в Новочеркасск, были выселены большевиками в ноябре. В Новочеркасске институт продолжал функционировать как учреждение белого правительства Юга России, последний его выпуск состоялся в 1919 г. В августе 1917 г., одновременно с Петросоветом и ВЦИК, в Смольный переехали также все входившие в их состав партийные фракции, включая и большевистскую. Как результат, именно Смольный оказался в октябре центром большевистского переворота. В последующие месяцы, вплоть до переноса столицы в Москву, здание использовалось как резиденция Совета народных комиссаров.

М.М. Минц

Файджес О.

ЛЕНИН И ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ
(Реферат)

Figes O. The «harmless drunk»:
Lenin and the October insurrection // Was revolution inevitable?
Turning points of the Russian revolution / Ed. by T. Brenton. –
Oxford: Oxford univ. press, 2017. – P. 123–141.

В статье профессора Лондонского университета Орландо Файджеса анализируется роль Ленина в подготовке большевиками Октябрьского переворота и возможные пути развития Русской революции в том случае, если бы большевикам не удалось взять власть 25 октября 1917 г. Решимость Ленина свергнуть Временное правительство зачастую оценивается как единственный путь для установления советской власти в России. Файджес призывает скорректировать эту точку зрения: свержение Временного правительства до начала работы II Всероссийского съезда советов было единственным путем прихода большевиков к единоличной власти. Арест Ленина (который в октябрьские дни был весьма вероятен) стал бы весомым поводом для большевистского руководства отказаться от восстания в Петрограде, полагает автор. На первый взгляд, в этом случае ситуация развивалась бы по схожему сценарию: съезд объявил бы о переходе власти в руки советов. Однако по своему содержанию этот сценарий «в корне изменил бы дальнейшую историю России» (с. 124).

В том, что дни Временного правительства сочтены, не было сомнений ни у современников событий, ни у позднейших исследователей революции 1917 г. Файджес полагает, что съезду советов хватило бы полномочий и «морального авторитета», чтобы вообще отказаться от захвата почты и телеграфа в столице. Несмотря на то что Керенскому удалось подавить Корниловский мятеж, поддержка

Временного правительства таяла на глазах. Одновременно усиливалось крайне левое крыло политического спектра, причем ни Керенский, ни силы «правее центра» до поры не видели в этом большой проблемы. Западные союзники также выступили против Керенского, отрицательно восприняв его «временный союз» с большевиками для победы над Корниловым. Свою роль сыграли и упорные слухи о желании Керенского подписать сепаратный мир с Германией. Все эти факторы лишали Временное правительство как внутренней, так и внешней поддержки, что, по мнению Файджеса, делало бессмысленным всякий насильственный переворот. Страна необратимо приближалась к полностью социалистическому правительству, вопрос был только в его составе.

Одним из последствий Корниловского мятежа стало «массовое полевение» настроений населения, прежде всего в рабочей и солдатской среде. На этом основании, полагает Файджес, происходило и происходит до сих пор приравнивание левацких настроений к массовой поддержке большевиков. Даже в сентябре-октябре 1917 г., на фоне подавления попытки «переворота справа», большевики такой поддержки не имели, явно уступая эсерам (что и продемонстрировали итоги выборов в Учредительное собрание). Важным фактором были внутренние разногласия внутри РСДРП(б) относительно необходимости свергать Временное правительство «в обход» съезда советов. Некоторые из большевистских лидеров высказывались против захвата власти, так как это был очень рискованный шаг для партии, не имеющей массовой поддержки и популярной фактически в одном только Петрограде. Поэтому, полагает Файджес, в октябре произошел именно «переворот, руководимый узкой группой людей и поддерживаемый небольшой частью населения» (с. 126).

Один из ключевых вопросов – почему Ленин так настаивал на необходимости вооруженного восстания перед съездом советов? К сентябрю 1917 г. ситуация явно складывалась для большевиков благоприятно: «Страна разваливалась, советы стремительно левели, и предстоящий съезд почти наверняка поддержал бы большевистский призыв к передаче власти советам» (с. 133). Зачем рисковать гражданской войной и возможным поражением, задумав вооруженный переворот, который даже соратники считали преждевременным? Многие старые большевики поддерживали необходимость «формального» установления советской власти; со временем эта тактика принесла бы большевикам политическое доминирование на всех уровнях новой властной вертикали. Однако Ленин был непреклонен, обосновывая свой призыв к захвату власти до съезда опасностью

репрессий со стороны Керенского или возможностью новой попытки «правого переворота». Эти опасения, по мнению Файджеса, были серьезно преувеличены и, возможно, скрывали причину истинную: Ленин уже летом 1917 г. оценивал ситуацию как последний шаг перед открытой гражданской войной, в которой большевикам противостояли фактически все, включая и сторонников других социалистических партий. Торопливость Ленина автор объясняет его убеждением, что «военное счастье будет на стороне тех, кто осмелится нанести удар первым» (с. 134).

Уверенный в том, что гражданская война уже началась, Ленин не видел смысла в том, чтобы делить плоды победы в ней. Между тем переход власти в руки советов через съезд неизбежно предполагал создание коалиционных правительств, пусть и «освобожденных» от представителей буржуазных партий. Сторонники перехода власти через съезд – главным образом Троцкий и Каменев – тоже не отличались любовью к эсерам и меньшевикам, но не представляли себе на данном этапе какого-либо иного варианта политического процесса. Конечно, значительная часть министерских портфелей досталась бы большевикам, однако сама мысль о сотрудничестве с меньшевиками и эсерами, необходимость считаться с их позицией и о чем-то с ними договариваться претила Ленину. Файджес полагает, что в этом крылась боязнь Ленина потерять лидерство в партии, которая наконец вышла из подполья и будет вынуждена встраиваться в новые реалии, адаптироваться к легальным методам политической борьбы. Однако главным автор всё же считает приверженность Ленина тому, что тот считал «революционным процессом»: скатывание умеренных социал-демократов «вправо» и предательство ими идеалов революции было, в его представлении, неизбежно и служило достаточным основанием, чтобы не договариваться с ними, а бороться против них со всей жестокостью, характерной для военного времени. Гражданская война, по мнению Ленина, была необходимой и жизненно важной фазой в любой социальной революции, углублением «классовой борьбы» в форме вооруженного противостояния. С июля 1917 г. он «утверждал, что гражданская война была начата силами справа», и политического выхода из сложившейся ситуации уже быть не может. Россия была разделена на воюющие лагеря – «военная диктатура» и «диктатура пролетариата» – и вопрос состоял только в том, кто одержит полную и безоговорочную победу. В этом «ленинском сценарии» Файджес видит сознательную провокацию оппонентов и подстрекание их к прекращению попыток наладить политический диалог (с. 135).

Из 670 делегатов II Съезда советов 300 – большевики, 193 – эсеры (из них более половины – левые эсеры) и 82 – меньшевики (из них 14 были интернационалистами). Подавляющим большинством голосов съезд высказался за формирование нового правительства, и сначала необходимо было договориться о принципах его формирования. Ю.О. Мартов предложил создать «единое демократическое правительство», куда вошли бы представители всех партий на съезде. Это, по его словам, был единственный способ остановить гражданскую войну. Предложение «было встречено громом аплодисментов», и даже Луначарский «был вынужден признать, что большевики ничего не имеют против». Но в момент обсуждения вопроса о коалиции пришло известие о захвате Зимнего дворца. Осуждая это «преступное деяние», большинство меньшевистских и эсеровских делегатов вышли из зала в знак протеста. «Подстроенная Лениным провокация – упреждающий захват власти – сработала»: оппоненты сами отказались от политического диалога и сами покинули единственный на тот момент легитимный орган власти в стране (с. 137). В напряженной атмосфере того времени «легко понять, почему эсеры и меньшевики действовали подобным образом». Однако это не отменяет того факта, что социалисты, по выражению Н.Н. Суханова, «развязали большевикам руки», отдав им «монополию на советы, массы и революцию» (цит. по: с. 138).

Дальнейшие попытки навязать большевикам коалицию и заставить их сесть за стол переговоров (как того требовал профсоюз железнодорожников в конце октября – начале ноября) лишь подтвердили непримиримость Ленина и Троцкого. Захват власти «бесповоротно расколол социалистическое движение в России, и никакие переговоры не могли преодолеть этот разрыв» (с. 140). Рассуждая о возможности иного сценария, Файджес обращает больше внимания не на позицию Ленина, а на промахи его оппонентов-социалистов, не сумевших воспользоваться последствиями июльского кризиса и подавлением Корниловского мятежа. В то время большевистское руководство и сам Ленин «были готовы согласиться с Каменевым» и пойти на сотрудничество с другими социалистами. Автор полагает, что именно летом 1917 г. позиции будущих противников по гражданской войне определились окончательно, а сама гражданская война стала практически неизбежна. Однако ее масштабы, ход и итоги могли быть совсем иными, если бы меньшевики и эсеры были более осмотрительны и сумели со всей серьезностью оценить готовность большевиков узурпировать власть.

И.К. Богомолов

Назаренко К.Б.

БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ В РЕВОЛЮЦИИ, 1917–1918 гг. – М.: Эксмо: Яуза; СПб.: Якорь, 2017. – 448 с. (Реферат)

Монография профессора исторического факультета СПбГУ, д-ра ист. наук К.Б. Назаренко посвящена политической роли Балтийского флота в революционных событиях осени 1917 – весны 1918 г. События от февраля до осени 1917 г. рассматриваются с точки зрения зарождения тенденции политического влияния матросов и офицеров. Из представителей Балтийского флота выделяются две символические фигуры – матрос Павел Ефимович Дыбенко и капитан 1-го ранга Алексей Михайлович Щастный, которые создавали свой политический курс, исходя из собственных представлений о благе Отечества и долге моряка. Исследование написано на основе неопубликованных архивных материалов (Российский государственный архив Военно-морского флота), опубликованных нормативных актов, мемуарных источников, периодики.

Книга состоит из введения, семи глав («Матросские кадры Первой мировой войны», «Офицерские кадры Первой мировой войны», «Моряки после Октября», «Политический портрет», «От Февраля к Октябрю», «Расцвет флотской демократии», «Спад флотской демократии»), заключения, приложений, аннотированного списка персоналий, списка источников и литературы. Автор отмечает, что до февраля 1917 г. в русском флоте существовал самый длительный в мире срок службы по призыву – 7 лет до 1907 г., а затем – 5 лет. Призыв происходил по достижении возраста 22 лет. Но во время Первой мировой войны проходили и досрочные призывы. Большинство матросов дореволюционного флота были выходцами из деревни, но необязательно крестьянами. По данным на осень 1913 г., уровень грамотности новобранцев был очень высок – 76%. Кроме того, во время Первой миро-

вой войны русский флот значительно вырос: с 53 400 нижних чинов накануне войны до 137 200 к 1917 г. После Февраля для матросов вводились выплаты за исполнение дополнительных обязанностей. Происходило выравнивание окладов матросов и высокооплачиваемых специалистов. Ответственность матросов за многие преступления смягчалась. Автор утверждает, что в результате Февральской и Октябрьской революций матросы «добились не только полного уравнения в правах с офицерами, но их положение стало даже в чем-то более привилегированным, чем у бывших господ» (с. 42).

Строевых офицеров флота России до Первой мировой войны готовил Морской кадетский корпус (МКК). По происхождению они были сыновьями флотских офицеров или потомственных дворян. После русско-японской войны в МКК начали принимать сыновей всех офицеров морского и военного ведомств, сыновей лиц с высшим образованием, священников и гражданских чиновников не ниже восьмого класса. Единственным ограничением было обязательное христианское вероисповедание абитуриентов. Жесткий сословно-профессиональный отбор действовал на протяжении многих лет. Лишь накануне Первой мировой войны на флоте стали появляться мичманы, принятые в корпус на более либеральных основаниях. В годы Первой мировой войны создавались учебные заведения военного времени, например Курсы гардемарин флота, Школа прапорщиков флота, Школа прапорщиков по адмиралтейству и др. Материальное положение офицеров до революции было стабильным и обеспеченным. По мнению автора, жалобы на сложное материальное положение офицеров армии и флота в начале XX в. были связаны не с размером жалованья офицеров, а с тем, «что их стандарты потребления были весьма высокими» (с. 115).

15 декабря 1917 г. был подписан декрет «Об уравнении в правах всех военнослужащих», согласно которому были отменены военные звания (солдатские) и чины (офицерские), ордена и денщики. Однако, как отмечает К.Б. Назаренко, такое положение «не вызвало массового бегства офицеров с флота» (с. 134). Позднее была упразднена выдача денежных наград. Для всех категорий военнослужащих денежное довольствие начислялось теперь по единой схеме (оклад+прибавка, именовавшаяся «регулятором дороговизны»). От изменения размеров окладов «больше всего выиграли матросы», причем «чем ниже было служебное положение матроса, тем больше он выигрывал» (с. 138).

Политический портрет русского морского офицерства определялся принципом нахождения армии и флота «вне политики».

На это, в частности, указывало лишение военнослужащих избирательных прав на выборах в Думу и земства. В 1905 г. вышел приказ, запретивший военным «принимать участие или присутствовать в скопищах, сходках или манифестациях…» (цит. по: с. 151). Офицерский корпус отличался монархически окрашенной аполитичностью. В то же время в Отдельных гардемаринских классах встречались представители революционно настроенной молодежи, а среди офицеров запаса были профессиональные революционеры, такие как С.А. Гарфилд (Гарин). Автор утверждает, что офицеры «не интересовались политикой в смысле участия в деятельности парламентских партий, тем более совсем молодые офицеры» (с. 152–153). Они надеялись на то, что положение офицерского корпуса останется неизменным при любом государственном строе. В то же время высказывание военными своего мнения по политическим вопросам было формой давления на власть, поскольку она «не может не учитывать фактор вооруженной силы» (с. 164). К подобным случаям относится идея Морского штаба верховного главнокомандующего провести в премьеры морского министра И.К. Григоровича, которую довели до Николая II.

На поведение матросов во время революции оказала влияние господствовавшая в дореволюционном флоте дисциплинарная практика. Те формы, в которые облекалась дисциплина царского флота, были в значительной степени унаследованы от крепостнического времени и воспринимались матросами как унизительные. Ненормальность старых форм проявлялась, в частности, в разных наказаниях, которые налагались на офицеров и матросов за одинаковые преступления. Для нижних чинов существовали также сложные правила чинопочитания. Интересно, что резкая грань между офицерами и матросами не считалась последними унизительной до начала XX в. Всё изменили русско-японская война и революция 1905 г. Контр-адмирал советского флота В.А. Белли полагал, что на парусно-паровых судах с устаревшей техникой «взаимоотношения офицеров-дворян и матросов-крестьян были сходны со взаимоотношениями помещиков с крестьянами…» (цит. по: с. 169). В начале XX в. у моряков росло чувство собственного достоинства. Дворянство стало терять ореол избранности в глазах выходцев из низших сословий. Лидерами в кубриках были матросы из рабочих, которые под воздействием пропаганды на заводах и фабриках были революционно настроенными. Тем не менее большинство русских матросов во время Первой мировой войны не задумывалось о политике.

Но существовало меньшинство, которое «рассуждало о путях развития страны и пыталось повлиять на них» (с. 179).

Февральская революция произвела особенно сильный эффект на Балтийском флоте, где произошли расправы над несколькими десятками офицеров. Число их жертв было сопоставимо с потерями офицерского корпуса за всю Первую мировую войну. Поводом для широко известной вспышки насилия в Гельсингфорсе и Кронштадте стала задержка командованием Балтийского флота информирования команд о происходящем в стране. Так, например, задержку публикации манифеста об отречении Николая II матросы восприняли «как признак закулисных интриг, которые ведет командование» (с. 184).

4 марта 1917 г. матросские делегаты, собранные командующим Балтийского флота, потребовали уважительного отношения офицеров к матросам, обращения к ним на «вы» и т.д. В тот же день были сформулированы политические требования моряков, в числе которых были присоединение к мнению Совета рабочих депутатов, предоставление полных гражданских прав нижним чинам, ответственность перед законом в одинаковой степени как нижних чинов, так и офицеров и т.п.

После Февральской революции руководство русского флота отказывалось от любых выступлений против «врага внутреннего». Однако июльские требования Временного правительства прислать в Петроград четыре эсминца поколебали «политическую автономию» флота. Не выполнивший приказ командующий Балтийским флотом Д.Н. Вердеревский был снят со своего поста и отдан под суд. Когда власть полностью перешла к Временному правительству, оно попыталось установить собственные порядки в морском ведомстве. Многие адмиралы и генералы были отправлены в отставку, а командующий Балтийским флотом А.М. Нелепин был убит. К октябрю 1917 г. высший командный состав флота обновился на четверть. Морским министром впервые за всю историю России стало гражданское лицо – октябрист А.И. Гучков, вскоре смененный А.Ф. Керенским. Новым явлением в организации морского ведомства стали многочисленные представительные органы. Так, например, 28–30 апреля 1917 г. был создан Центральный комитет Балтийского флота (Центробалт) как высший выборный революционно-демократический орган флота (председатель – большевик П.Е. Дыбенко). Его первый съезд прошел 25 мая – 15 июня 1917 г. Но только на втором съезде (25 сентября – 5 октября 1917 г.) были выдвинуты политические требования передачи земли крестьянам, демократического мира, рабо-

чего контроля над производством и созыва Всероссийского съезда советов. Именно в сентябре-октябре «достигла апогея поддержка большевиков матросами Балтийского флота, возглавляемыми Центробалтом» (с. 205). А в наказе Центробалта делегатам 1-го флотского съезда от 19 октября 1917 г. содержалось требование уничтожить коалиционное правительство и «взять власть в свои руки…» (цит. по: с. 207).

В день победы Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде (26 октября 1917 г.) был образован Военно-морской революционный комитет (ВМРК). Член ВМРК Н.А. Ховрин вспоминал, что инициатива создания комитета исходила снизу – от матросов (с. 209). Одновременно создавался Комитет по военным и морским делам, который в ноябре 1917 г. был переименован в Совет народных комиссаров по военным и морским делам. Однако симпатии революционных матросов не были устойчивыми: они то выражали полную поддержку советскому правительству и партии большевиков, то высказывались за необходимость заключения соглашения между всеми социалистическими партиями.

Одним из проявлений «матросской силы» был разгон Учредительного собрания моряками во главе с А.Г. Железняковым и П.Е. Дыбенко в январе 1918 г., который, по мнению автора, «не входил в планы руководства большевиков» (с. 265). Центробалт же начал претендовать на то, чтобы диктовать свое представление о государственном устройстве правительству. Самостоятельностью и энергичностью отличались действия в руководящих флотских органах П.Е. Дыбенко. Он превратился в неуправляемого политического лидера, что решило его судьбу: Дыбенко был арестован и подвергнут суду в Москве. Впоследствии он вел подпольную деятельность на Украине и в Крыму, участвовал в Гражданской войне в качестве командира дивизии. Аресту подвергся и командующий Балтийским флотом А.М. Щастный. Он выдвинулся на первые роли в условиях борьбы с Германией. Под его руководством было заключено Гангэудское соглашение с немцами от 5 апреля 1918 г., по которому оставалась надежда сохранить за Россией те корабли, что не смогут уйти из Гельсингфорса к моменту занятия города немцами. А.М. Щастный возглавлял Балтийский флот во время Ледового перехода из Гельсингфорса в Кронштадт в марте-мае 1918 г. В результате было спасено 236 кораблей и судов. В Петрограде звучали призывы вручить власть в городе лично А.М. Щастному. Однако он сделался неугодным властям, пытаясь провести в жизнь свои идеи о «натуральной власти», о тактике насаждения

дисциплины и порядке взаимоотношений командного состава с матросами и т.п. 27 мая 1918 г. Щастный был арестован, предан суду и 22 июня расстрелян.

Автор приходит к выводу о том, что Балтийский флот в революционное время оказался важным политическим фактором. «Как матросы, так и офицеры флота пытались влиять на ситуацию в стране доступными для них способами», – пишет К.Б. Назаренко (с. 342). Матросы действовали стихийно, но в данный исторический момент их активное меньшинство приняло деятельное участие в революционных событиях. Офицеры же проявили меньшую политическую зрелость, чем матросы, и оказались «в хвосте» событий. Особенностью действий политически активного офицерства «было стремление подстроиться под стихийно-демократические настроения матросов и использовать их в собственных целях» (с. 347). Ликвидация самостоятельных матросских отрядов в апреле-июле 1918 г. привела к резкому падению реального политического веса моряков и их лидеров. Символичным было снятие Дыбенко с поста наркома по морским делам и суд над ним. А расстрел А.М. Щастного «означал крах надежд части офицерства на то, что им удастся сравнительно быстро повернуть революционный процесс в приемлемое для них русло» (с. 348). Что же касается феномена матросов революционного флота, то он прекратил свое существование весной-летом 1918 г., когда бывшие матросы заняли командные должности в Красной армии накануне или в начале Гражданской войны либо ушли в партийные органы власти. В то же время автор считает, что революционные процессы, в которые были вовлечены матросы, «еще нуждаются в дальнейшем изучении» (там же).

Приложения к книге представляют собой публикации справочной информации о воинских званиях во флотах ведущих морских держав во время Первой мировой войны, окладах основного жалованья и морского довольствия нижних чинов и добавочном жаловании нижних чинов флота Российской империи, основном обмундировании нижних чинов армии и флота того же периода, денежном довольствии машинных кондукторов, жаловании офицеров российского флота, окладах военнослужащих Красного флота (с февраля 1918 г.) и т.п.

О.В. Бабенко

Брентон Т.

КОРОТКАЯ ЖИЗНЬ И ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ СМЕРТЬ РУССКОЙ ДЕМОКРАТИИ: ДУМА И УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ (Реферат)

Brenton T. The short life and early death of Russian democracy: The Duma and the Constituent Assembly // Was revolution inevitable? Turning points of the Russian revolution / Ed. by T. Brenton. – Oxford: Oxford univ. press, 2017. – P. 142–162.

В статье английского дипломата Энтони Р. Брентона повествуется о «короткой жизни» российского Учредительного собрания 1918 г. Автор очертил небольшой по историческим меркам период от «мечтаний» русской интеллигенции увидеть «русские Генеральные штаты» в XIX в. до «преждевременной кончины» собрания, а вместе с ним – исторического поражения российской демократии. Событие это для многих современников не стало неожиданностью: еще задолго до созыва собрания его реальная легитимная основа была фактически размыта и не подкреплена ничем, кроме громких слов и лозунгов. Стремление Временного правительства отложить все важнейшие вопросы политического и социального устройства России на период работы российской Конституанты стало роковой ошибкой «февралистов». Вместе с падением популярности и авторитета Временного правительства падал и интерес к декларируемым формам легитимации власти в послефевральской России.

Крайние силы «справа» и «слева» видели в «учредилке» новый цензовый орган власти, новую «думу», которая хоть и соберется в более широком составе, но все равно не будет защищать «интересы народа». Умеренные силы зачастую также не питали иллюзий, видя в собрании площадку, на которой будут доминиро-

вать крайние элементы, а значит – восторжествует популизм с риском дальнейшего углубления социально-политического кризиса. Главное же, что объединяло все силы политического спектра в их ожиданиях, – неверие в то, что за Учредительным собранием будет реальная власть, а органы, которые будут избраны Конституантой, получат реальные рычаги управления страной. Здесь Брентон воспроизводит распространенный в историографии тезис о запоздалости созыва собрания, что привело к потере им политической «свежести» и новизны, сами же «февралисты» вместе с драгоценным временем потеряли политическую инициативу.

По сути, идея Учредительного собрания потеряла актуальность уже летом 1917 г. после неудачных попыток переворота «справа» и «слева» (так называемые «июльские дни» и Корниловский мятеж). С этого времени политическая борьба развернулась между силами, за которыми стояли не размытые политические лозунги, а реальные военные формирования, имевшие четкую организацию и субординацию, а также стабильное финансирование (внутреннее или внешнее), чьи лидеры могли пойти на открытый конфликт ради победы над политическими противниками и захвата власти. На этом фоне будущее Учредительное собрание всё чаще воспринималось как очередная «говорильня». Выборы в собрание прошли с высокой явкой, однако в этом крылось скорее стремление провести «своих» кандидатов для решения конкретных вопросов (как в случае с голосованием большей части крестьян за эсеров), чем желание общества конституировать и легитимизировать власть. К концу 1917 г. само по себе Учредительное собрание, его состав, повседневная работа и дальнейшая судьба мало кого интересовали. Углубляющийся раскол в обществе оставлял всё меньше возможностей для совместной работы политических оппонентов, а быстро распространявшееся убеждение в том, что власть за тем, за кем есть сила, делало собрание в массовом сознании фактически бессмысленным, если не сказать – лишним в надвигающихся сражениях, уже в окопах, а не на трибунах.

Говоря о причинах разгона Учредительного собрания, Брентон особо остановился на социалистах – оппонентах большевиков. Эсеры и меньшевики, по мнению автора, оказались «слишком добрыми» к тем, кто позднее, оказавшись у власти, без особого сожаления с ними расправился. В «июльские дни» 1917 г., когда неудачный мятеж большевиков «едва не привел к полному разгрому советов», меньшевики и эсеры «приложили невероятные, как сейчас кажется, усилия к оправданию и поддержке большеви-

ков» (с. 159). Даже после разгона Учредительного собрания эсеры поначалу отвергали саму идею вооруженного сопротивления большевикам, всё еще надеясь на их благоразумие. В этой «миролюбивости», пишет Брентон, умеренных социалистов будут обвинять всегда, и едва ли не больше, чем либералов: в отличие от последних, социалисты уверенно выиграли выборы и напрямую, уже без посредства каких-либо «временных правительств», отдали власть в руки большевикам. Однако лишь с высоты лет ситуация рубежа 1917–1918 гг. кажется столь однозначной, а действия социалистов – столь нерешительными и полными ошибок. Эсеры и меньшевики «так много лет сражались с самодержавием на одних баррикадах со своими товарищами-большевиками, что просто не могли видеть в тех угрозу» (с. 160). Брентон отмечает, что, несмотря на свои политические воззрения, большинство социал-демократов были интеллигентами и людьми своего времени, т.е. людьми, которые попросту еще не знали, как противостоять «беспримерному цинизму и безжалостности большевиков» (с. 160).

Многие, подчас весьма известные ученые не оставляют попыток представить альтернативные исходы революции и Гражданской войны, некоторые даже пишут на этой основе фантастические произведения. Не стесняется сослагательного наклонения и Брентон, видя в этом важную составляющую научных споров о Русской революции. В конце концов, одно из центральных мест в этих спорах по-прежнему занимает вопрос о том, была ли революция неизбежна? И если была, то могла ли пойти иным путем? Предположения о возможных альтернативах большевистской победе с самого начала были не простым «полетом фантазий», но имели основательную эмпирическую и сравнительно-историческую базу. В примерно схожих обстоятельствах, пишет Брентон, Франции в 1848 г. потребовалось два месяца для созыва собрания, Германии в 1918 г. – четыре. Если бы Временное правительство «смогло сохранить революционный импульс» и провести выборы в июле или сентябре, история была бы иной.

Но главный вопрос в том, насколько история революции была бы иной? С одной стороны, большевики, не получив единоличную власть, не смогли бы так легко расправиться с Учредительным собранием. С другой стороны, легитимирующая основа российской Конституанты изначально ставилась под сомнение многими юристами-современниками. В условиях 1917 г. обретение и, главное, сохранение легитимности было сложнейшей задачей, которая в любом случае вышла бы за рамки выборов и в целом – формального

политического процесса. Даже имея суженные политические возможности, Ленин продолжал бы активно критиковать и выборы в Учредительное собрание, и его победителей (среди которых вряд ли бы оказались большевики), и политику новых органов власти, новых лидеров, формальных и фактических. Организованность и сплоченность позволила большевикам выйти из тяжелейшей ситуации июля-августа 1917 г., и можно предположить, что после выборов в собрание им без труда удалось бы сохраниться как политической партии. Но смогли бы они в этом случае развиваться и набирать популярность? По мнению Брентона, именно ситуация неопределенности, временность власти и слабая управляемость страной позволили большевикам уцелеть и победить в масштабном внутреннем конфликте. Даже формальная стабилизация власти неизбежно означала новую маргинализацию большевиков и большевистской идеологии. В зависимости от позиций Ленина в партийном руководстве большевики могли либо вновь уйти в подполье и вернуться к нелегальным методам борьбы, либо встроиться в новую систему, но потерять образ непримиримых борцов, сформированный в предреволюционную эпоху. В любом случае, учитывая популярность левацких идей в России 1917 г., «большевизм был бы возможен», но его полная победа в случае созыва собрания до Октября была бы уже маловероятной (с. 161). Из альтернатив Брентон указывает правую диктатуру, к которой Россия вплотную подошла уже в августе 1917 г., а затем к ее установлению были близки и лидеры Белого движения. Этот сценарий, «несомненно, нанес бы российской демократии не менее тяжелый удар», но «вряд ли принес бы больше фактического вреда России», чем диктатура большевистская (с. 162).

И.К. Богомолов

ВОЙНА ВО ВРЕМЯ МИРА: ВОЕНИЗИРОВАННЫЕ КОНФЛИКТЫ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, 1917–1923: Сб. статей / Под ред. Р. Герварта, Дж. Хорна. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 400 с. – (Серия: Historia rossica / Studia europaea) (Реферат)

В сборнике статей, ставшем одним из результатов совместного проекта Германского исторического института в Москве и издательства «Новое литературное обозрение», показано, что Первая мировая война, «пракатастрофа» XX в., получила свое продолжение в череде революций, гражданских войн и кровавых пограничных конфликтов, которые утихли лишь в 1920-х годах. Происходило это не только в России, в Восточной и Центральной Европе, но также в Ирландии, Малой Азии и на Ближнем Востоке. Эти практически забытые сражения стоили жизни миллионам. «Война во время мира» и является предметом сборника. Большое место в нем отводится Гражданской войне в России и ее воздействию на другие регионы. Эйфория революции или страх большевизма, борьба за территории и границы или обманутые ожидания от наступившего мира – все это подвигало массы недовольных к участию в военизированных формированиях, приводя к радикализации политической культуры и огрубению общественной жизни.

Сборник состоит из введения «Военизированные конфликты в Европе после Первой мировой войны», написанного Р. Гервартом и Дж. Хорном, и двух разделов («Революция и контрреволюция»; «Нации, границы и этническое насилие»), которые соответственно содержат шесть и семь статей. В первом разделе помещены работы У.Г. Розенберга «Революция и контрреволюция: Синдром насилия в гражданских войнах России (1918–1920)»; Р. Герварта и Дж. Хорна «Большевизм как фантазия: Страх перед революцией и контрреволюционное насилие (1917–1923)»; Р. Гер-

варта «Борьба с красной бестией: Контрреволюционное насилие в побежденных странах Центральной Европы»; П. Хаапала и М. Тикка «Революция, гражданская война и террор в Финляндии (1918)»; Э. Джентиле «Военизированное насилие в Италии: Обоснование фашизма и истоки тоталитаризма»; Н. Катцера «Белый миф. Русский антибольшевизм в послевоенной Европе». Второй раздел – С. Екельчика «Банды строителей нации? Роль повстанчества и идеологии в гражданской войне на Украине»; Т. Балкелиса «Граждане становятся солдатами: Военизированные движения в Прибалтике после Первой мировой войны»; Дж.П. Ньюмена «Истоки, атрибуты и наследие военизированного насилия на Балканах»; У.У. Унгора «Военизированное насилие в Османской империи накануне ее краха»; Ю. Айхенберга «Из солдат – в штатские, из штатских – в солдаты: Польша и Ирландия после Первой мировой войны»; Э. Долана «Британская культура военизированного насилия в ирландской войне за независимость»; Дж. Хорна «Защитить победу: Военизированная политика во Франции, 1918–1926 гг. Контрпример».

Реферируемая книга представляет собой попытку исследовать происхождение, проявления и наследие военизированного насилия в том виде, в каком оно существовало в 1917–1923 гг. Под военизированным насилием авторы имеют в виду «военные или квазивоенные организации и практики, которые либо дополняли, либо подменяли собой действия традиционных военных структур. Порой это происходило в вакууме, оставшемся после краха государственности, в других случаях военизированное насилие приходило на помощь государственной власти, однако имелись и примеры его противодействия государству. Оно включало в себя революционное и контрреволюционное насилие, совершавшееся во имя светских идеологий, а также этническое насилие, связанное с основанием новых национальных государств или с сопротивлением этому процессу со стороны национальных меньшинств. Военизированное насилие существовало параллельно с другими видами насилия, такими как социальные протестные движения, повстанчество, терроризм, полицейские репрессии, криминальное насилие и боевые действия традиционного типа» (с. 8–9).

Военизированное насилие получило двойное значение – в качестве силы, влиявшей на исход военных конфликтов, а также в качестве нового источника политической власти и государственной организации. Военизированное насилие приобретало наряду с военно-оперативным также политическое и символическое влия-

ние. Целью книги «является переосмысление одного из наиболее важных путей из числа тех, что вели от военного насилия к относительному спокойствию второй половины 1920-х годов» (с. 10). Ее авторы стремятся понять, как немецкие, австрийские и венгерские ветераны и представители так называемого «молодого военного поколения» осуществляли болезненный переход от войны к миру, а также каким образом поиски послевоенного проекта, который бы оправдал жертвы военного времени, выливались в попытки «очистить нацию» от социальных элементов, считавшихся препятствием к «национальному возрождению» (с. 84).

Историю военизированного насилия после Первой мировой войны следует изучать сквозь призму более масштабных событий – революций, краха империй и этнических конфликтов, – которые, в свою очередь, определяют структуру реферируемой книги. Авторы полагают, что «невозможно разобраться в сущности кровавых конфликтов послевоенного периода, не принимая во внимание русской революции, последовавшей за ней Гражданской войны и ее влияния на Европу. С русской революцией было связано контрреволюционное движение, зародившееся как ответ на поражение в Первой мировой войне и радикализацию левых сил на большей части Центральной Европы, а также в Италии» (с. 16). Между двумя этими явлениями находилось преимущественно этническое военизированное насилие, порожденное борьбой за создание (и против создания) новых национальных государств и границ в Центральной и Восточной Европе, сопоставимые условия существовали и на Западе континента. Наконец, непрерывность хронологических рамок 1918–1923 гг. подтверждается и вновь актуализируется при рассмотрении роли военизированного насилия в фашистской Италии, где оно не только привело в 1923 г. соответствующее движение к власти, но и имело долгосрочные последствия, выразившиеся в характере фашистского государства. Франция дает пример обратного рода: ограниченные проявления военизированного насилия в этой стране *после* 1923 г. позволяют получить представление о некоторых причинах, по которым феномен военизированного насилия затронул многие, но отнюдь не все регионы послевоенной Европы.

Ключевым моментом, определявшим роль военизированного насилия в России, являлось то, что крах царского режима по сути означал крах идеологий, наделявших легитимностью Российское государство, и его социально-политических институтов. При отсутствии каких-либо институциональных основ для легитимности,

помимо зачастую неструктурированных процессов народных выборов, само понятие легитимности очень быстро стало увязываться не с традиционными взглядами и представлениями, а с вопросом об эффективности и функциональности. Изначально популярные лидеры советов и члены Временного правительства утратили свою легитимность, не сумев обуздать происходившее в течение 1917 г. ухудшение экономических и социальных условий, и общество ставило на их место всё более радикальные фигуры в тщетной надежде на то, что те добьются большего успеха. Кроме того, сейчас становится ясно, что если большевики пришли к власти, основывая ее «легитимность» на радикально идеологизированной концепции всеобщего и неизбежного исторического процесса, «объяснявшей» нужду и лишения, то первоначальная прочность их режима во многом основывалась не просто на силе, а на *обещании* исполнения взятых на себя функций. Когда же Ленин и его партия при решении этих принципиальных проблем вполне предсказуемо добились еще меньшего успеха, чем их предшественники, они еще настойчивее – и в буквальном, и в символическом смыслах – стали выдвигать идеологические претензии в попытке легитимизировать свои «большие батальоны» (с. 60).

Если вернуться к определению Р. Герварта и Дж. Хорна, понимающих под военизированными такие «военные или квазивоенные организации и практики, которые либо дополняли, либо подменяли собой действия традиционных военных структур», то нам придется признать, что Гражданская война на территории бывшей царской России повсеместно включала в себя параллельную активность как военизированных, так и традиционных военных формирований, между которыми зачастую не имелось четкой разницы (с. 61).

Русские революционеры создавали различные формирования, действовавшие наряду с Красной армией, – от красногвардейцев, сыгравших свою роль при свержении Временного правительства, до вооруженных отрядов, насаждавших «военный коммунизм» на селе и участвовавших в Гражданской войне. Однако отнюдь не военизированное насилие легитимировало новый режим. В соответствии с большевистским пониманием марксистской теории и с практикой ленинизма источником власти и организации в новом государстве являлась партия, и партия же (а не армия) обеспечивала наиболее важные формы внесудебного насилия, такие как ЧК и революционный террор. И напротив, белые русские армии после свержения царизма практически не имели иной опоры, кроме военной силы, особенно с учетом разнообразия политических течений в их рядах.

В некоторых частях России Белое движение было в основном представлено частными армиями и иррегулярными силами, такими как войска атамана Семёнова и барона фон Унгерн-Штернберга, действовавшие в Центральной Азии. «Зеленые» и анархисты, играя свою собственную роль в Гражданской войне, также опирались на всевозможные вооруженные группировки, свободные от какого-либо государственного контроля (с. 18).

Нужда как основа военизированного насилия в революционной России коренилась в проблемах производства и распределения, отражавших в себе почти все аспекты российской политики после 1914 г. и контекстуализовавших все возможные последствия краха царского режима. Хроническая нехватка любых товаров первой необходимости, сотрясавшая экономику страны задолго до февраля 1917 г., приняла особенно катастрофические формы в 1918–1922 гг.

Едва ли удивительно то, что Октябрьская революция повлекла за собой радикальное расширение методов управления, реквизиций и варварских конфискаций, ставших как формальными, так и неформальными способами обуздать российскую социальную и политическую экономию нужды и скудости. В то время как расширение размаха «формальных» боевых действий между красными, белыми, «зелеными» и прочими силами вело к экспоненциальной эскалации насилия, его корни всё равно скрывались в антагонистических и репрессивных потребностях индивидуумов и коллективов, боровшихся за выживание.

При наличии более 30 всевозможных правительств, в 1918–1921 гг. претендовавших на право контроля за различными частями бывшей Российской империи, всякое насилие тесно соседствовало с той или иной организованной политической структурой и амбициями. Пусть известные формы красного и белого террора задавались главными претендентами на власть, но и силы менее значительных претендентов – например, Нестора Махно на Украине или Александра Антонова на Тамбовщине – действовали в том же духе, что и формальные армии.

Вместе с тем сопоставимые формы насилия повсеместно наблюдались в регионах, в тот период формально не находившихся под контролем красных или белых или не связанных каким-либо иным образом с более или менее традиционными вооруженными силами и формальными политическими претензиями. Ключевое влияние на степень и природу этого насилия также оказывали расстройство управления и материальные и эмоциональные лишения.

«Определяющую роль в данном случае, по-видимому, все же играло ожесточение социальных отношений, вызванное самой революцией, поскольку наибольшее распространение имело взаимное и локализованное насилие с участием простых людей, необязательно осуществлявшееся во имя той или иной высшей цели» (с. 56).

Хаотичные события 1917–1920 гг. на Украине в первую очередь «следует понимать не как борьбу объединенного украинского народа за независимость, а как хитросплетение сложных идеологических конфликтов и местного насилия, сопровождавшее крах старых династических империй. Будучи одновременно и националистическим движением, и социалистической революцией, гражданская война на Украине не подразумевала однозначного противостояния социалистов и националистов, которые зачастую были одними и теми же людьми, однако она включала запутанную борьбу между украинскими патриотами различных оттенков, а также между многочисленными разновидностями местных консерваторов и социалистов, вступавших в ряды российских Красной и Белой армий, в украинские республиканские или монархические отряды, или в банды, возглавлявшиеся местными атаманами» (с. 195–196). Ключевым фактором в украинской гражданской войне «являлось влияние местных атаманов» (с. 219).

Возможно, в большей степени с военизированным насилием Гражданской войны была связана подпольная Организация украинских националистов (ОУН), действовавшая в западных украинских областях, входивших в состав Польши. Членами ОУН по большей части были ветераны Первой мировой войны, обычно также являвшиеся ветеранами войны украино-польской и нередко участниками борьбы с большевиками в Центральной Украине. Сходство ОУН с прочими правыми военизированными организациями межвоенной Европы подчеркивалось свойственными этой организации культурой поражения, вирулентным национализмом и готовностью к применению силы.

Хотя Гражданская война в России служила предлогом и примером для военизированных движений во многих других частях послевоенного мира, нигде больше никакие разновидности насилия не были так тесно связаны с почти всеобщими лишениями и нуждой, а также с тем ожесточением, которое в течение столь долгого времени насквозь пронизывало гражданскую и политическую жизнь и культуру.

Многие европейцы после 1917 г. опасались, что большевистская «зараза» проникнет в 1919–1920 гг. в остальные страны Европы,

и эти страхи подталкивали к мобилизации военизированных сил против предполагаемой угрозы. Конкретная роль антибольшевистской мифологии зависела от политического окружения, которое, в свою очередь, задавалось принципиальным различием между победителями и побежденными, сложившимся после Первой мировой войны. Когда британская делегация на Парижской мирной конференции в конце марта 1919 г. изменила свою позицию по отношению к Германии и начала призывать французов к большей умеренности, Ллойд Джордж обосновывал такой поворот заявлениями о том, что Германия должна стать оплотом против большевизма.

Распространению военизированного насилия в первые шесть лет после завершения Первой мировой войны способствовала «культура поражения», выявленная в качестве объекта исследования лишь в недавние годы. Попытки предотвратить наихудшие последствия военного поражения в Германии и Австро-Венгрии, а также стремление националистических кругов в Италии аннулировать реальное или мнимое дипломатическое поражение приводили к самоорганизации возвращавшихся с фронта офицеров и солдат, а также молодых авантюристов, не участвовавших в войне, в группировки, подменявшие собой армию. Считалось, что регулярная армия утратила способность защищать нацию и устоявшийся строй как внутри страны, в ходе классовой борьбы с радикальными и революционными движениями, вспыхивавшими после окончания войны (и скопом причислявшимися к большевизму), так и на спорных этнических рубежах новых государств, формировавшихся во время и после Парижской мирной конференции. В Финляндии и Прибалтийских республиках, в Центральной Европе, в Северной и Центральной Италии – повсюду возникали всевозможные легионы, милиции, «фрайкоры» и прочие вооруженные группировки, использовавшие идеологию и опыт Первой мировой войны, а также оставшиеся от нее оружие и подготовку с целью противодействовать тому, что воспринималось как социальное или национальное поражение, и обратить его вспять. Они защищали свое дело с точки зрения идеологии и этнической принадлежности, но источником их влияния служило насилие – использование квазивоенных формирований как лекарства от хаоса. Более того, в Италии, где зарождалось фашистское движение, военизированное насилие превратилось в организационный принцип при разработке проекта авторитарного государства и его воплощении в жизнь.

Гражданская война в Финляндии унесла более 36 тыс. жизней за шесть месяцев. Наряду с гражданскими войнами в Испании и Рос-

сии финская гражданская война в смысле числа жертв стала одним из наиболее смертоносных внутренних конфликтов в Европе XX в. Финский пример демонстрирует, что «брутализация» политики в межвоенной Европе не зависела от участия в Первой мировой войне и что для возникновения идеологически мотивированных военизированных движений нового типа отнюдь не требовалось наличия «ожесточившихся» бывших военнослужащих (с. 126). Катастрофическое наследие, отягощавшее центральноевропейскую историю, было оставлено не самой войной, а послевоенным опытом поражения, революции и территориальных потерь.

В Европе после 1917 г. национальные проекты нередко переплетались с социальными движениями, а в некоторых частях Восточной Европы национальные претензии шли рука об руку с земельными требованиями, вследствие чего в послевоенные годы в качестве мощной радикальной силы заявил о себе крестьянский национализм – в первую очередь в Болгарии, Западной Украине и Балтийских государствах (но не в Ирландии, где британцы уступили землю фермерам-арендаторам). Кроме того, рабочие и социалистические движения были не только интернационалистическими; напротив, нередко они принимали «национальную» форму. Борьба за создание или защиту нации включала в себя разнообразные виды насилия. Этнические и национальные притязания преобладали в зонах дробления на территории Османской и Российской империй (а также в Ирландии), хотя ту или иную роль играли также большевизм и антибольшевистская контрреволюция.

Необходимость очистить сообщества от «чужеродных» элементов и искоренить тех, кто вредил благополучию сообщества, также носила практический характер и требовала применения насилия, что ярко иллюстрируют десятилетия после 1917 г.

К концу 1923 г. военизированное насилие, по мнению авторов, в целом ушло из европейской политики. Европа вступила в период хрупкой политической и экономической стабильности, продолжавшийся до Великой депрессии. При этом военизированное насилие оставалось ключевой чертой межвоенной европейской политической культуры, включая в себя такие разные движения, как германские штурмовики, итальянские «чернорубашечники», легионеры румынской «Железной гвардии», венгерские салашисты, хорватские усташи, Рексистское движение Леона Дегреля в Бельгии и движение «Огненные кресты» во Франции (основанное в конце 1920-х годов). В то время как мощный импульс многим из этих движений дали последующие события, и в первую очередь

Великая депрессия, своими корнями они зачастую восходили к потрясениям непосредственно послевоенного периода.

Рассматриваемый период надолго оставил после себя и такое наследие, как идея о необходимости избавить сообщество от чуждых элементов ради создания нового утопического строя, ликвидировать всех тех, кто якобы ставил под удар благоденствие сообщества. Методы, при помощи которых эти идеи чисток претворялись в жизнь военизированными движениями, во многом зависели от контекста, в котором те действовали, но в первую очередь – от кризисов государственной власти и обострения межобщинных взаимоотношений в условиях военных конфликтов и экономических изменений.

В.М. Шевырин

Смил Дж.

«РУССКИЕ» ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ: ДЕСЯТЬ ЛЕТ, КОТОРЫЕ ПОТРЯСЛИ МИР (Реферат)

Smele J. The «Russian» civil wars: Ten years that shook the world. – Oxford: Oxford univ. press, 2016. – 423 p.

Монография профессора Университета королевы Марии (Лондон) Джонатана Смила посвящена череде внутренних гражданских конфликтов, разразившихся на территории бывшей Российской империи в 1916 г. и окончившихся к 1926 г. Как отмечает автор, перед исследователем изначально встает проблема определения хронологических, географических и политических рамок Гражданской войны. Решение этой задачи усложняется тем, что Гражданская война до сих пор рассматривается скорее как «вооруженное продолжение» 1917 г., разрешение ключевых противоречий, сформированных революцией. Данная трактовка произрастает из советской историографии, представлявшей Гражданскую войну как вооруженную стадию борьбы за диктатуру пролетариата. Помимо прочего, для советской историографии были характерны централизаторские концепции истории Гражданской войны: безусловный приоритет отдавался вооруженной борьбе на фронтах в средней полосе России, на Урале и в Сибири – там, где Красная армия принимала непосредственное и наиболее активное участие. Остальные конфликты на просторах бывшей империи воспринимались в лучшем случае как «буржуазная контрреволюция», в худшем – как обычный бандитизм.

С определенными оговорками этот взгляд «перекочевал» в современную историографию, продолжающую рассматривать Гражданскую войну почти исключительно в контексте борьбы «красных» и «белых». Тем не менее ввод в оборот новых источников, в

особенности касающихся национальных окраин Российской империи, побуждает историков изучать местные движения в локальном, а не только имперском (распад и воссоединение) или советском (антисоветском) контексте. В условиях открытости большинства архивов и стремления национальных республик бывшего СССР написать «свою» историю всё чаще ставится под сомнение сама парадигма «Гражданской войны в России». Антиимперские и антисоветские движения обретают свое «лицо», свои границы, своих героев и антигероев, обрастают локальными историографическими спорами, политической подоплекой и конъюнктурностью.

Как считает Дж. Смил, на современном этапе эти «ментальные границы» уже стали реальностью, и «Гражданская война в России» уже не может упоминаться в единственном числе: гражданских войн было несколько, они видоизменялись и значительно отличались друг от друга. Наконец, ни одну из них, по мнению автора, нельзя однозначно назвать «русской». Кроме того, перед автором возникла проблема подбора некоего обобщающего понятия, которое после отказа от парадигмы «Гражданская война в России» было бы приемлемым для историографии и в то же время четко определяло хронологические и территориальные рамки исследования. Выбранная формулировка – «“Русские” гражданские войны» отвечает всем этим требованиям, давая при этом автору возможность подчеркнуть новаторство своей работы.

Схожие цели преследует вторая часть названия монографии. Фраза «десять лет, которые потрясли мир» используется Смилом в качестве вызова «традиционным» хронологическим рамкам Гражданской войны. Распространенные в историографии границы (1918–1922) достаточно условны сами по себе и заданы большевиками как некое обрамление сроков крупных боевых действий против белогвардейцев. Другие «проявления гражданских войн» не учитывались либо вовсе замалчивались. Однако за прошедшие после распада СССР десятилетия в историографии не был найден консенсус по этому вопросу, споры идут не только о месяце, но и о годе начала и окончания Гражданской войны. Одни исследователи считают началом падение монархии (февраль 1917 г.), другие – разгон Учредительного собрания (январь 1918 г.), третьи – восстание чехословацкого корпуса (май 1918 г.). Во всех случаях историки, вне зависимости от их политических взглядов, продолжали и, как правило, продолжают до сих пор советскую историографическую традицию.

Однако сама эта традиция в советский период не была «мертвой буквой»: вопрос об окончании Гражданской войны зависел не столько от конкретных боевых действий, сколько от политической конъюнктуры. Если в 1920-е годы «Ленин и его коллеги по-прежнему считали себя вовлеченными в войну» (с. 8), то позднейшие трактовки советской историографией периода НЭПа постепенно смещали дату «окончательной победы советской власти» к формальной границе 1922 г. К этому моменту основные очаги сопротивления переместились на национальные окраины, и излишняя концентрация внимания на «местном» сопротивлении советской власти как на продолжении Гражданской войны воспринималась как политическая ошибка. Поэтому, в отличие от белогвардейцев, другие «враги советской власти» либо затушевывались общими выражениями об «отдельных проявлениях», либо, наоборот, нарочито персонифицировались в отдельных «бандитах» и «вредителях». Уже в историографии сталинской эпохи хронологические рамки Гражданской войны определяются как период полномасштабных военных действий, ее связь с последующим политическим развитием СССР становится непрямой, опосредованной.

Не соглашаясь с такой трактовкой в корне, автор тем не менее не стремится к радикальному пересмотру хронологии Гражданской войны. Хотя волнения на окраинах в 1905 и 1916 гг. были во многом схожи, автор не идет, подобно М. Стейнбергу и С. Смиту, на дальнейшее расширение рамок «новой русской Смуты» (с. 9) до начала XX в. Сроки начала гражданских войн отодвигаются только на полгода до Февральской революции, ко времени крупного восстания в Туркестане. Знаменательно, что эпоха гражданских войн «открылась и закрылась в Средней Азии», а сами войны «начались и (возможно, только временно) закончились не в битвах между красными и белыми», а в подавлении национально-религиозных восстаний на окраинах империи» (с. 8).

Революционный период февраля-октября 1917 г. упоминается Смилом, но в контексте эпохи гражданских войн. Революция вообще в повествовании Смила предстает скорее как «мирная» стадия на пути к открытому вооруженному противостоянию. Более того, автор выражает сомнение в «революционности» Февраля. Отречение Николая II не стало, как ожидали многие современники, решением ключевых проблем страны, и в целом никто из главных действующих лиц русского политического спектра «не получил революцию, которую хотел» (с. 22). Следовательно, события весны 1917 г. могут в лучшем случае интерпретироваться

как «непостоянная или незавершенная революция», время, когда «был брошен вызов на дуэль по всем тем вопросам, которые позже будут решаться уже на поле боя» (с. 22). Февраль, в представлении Смила, был «фальшивой гражданской войной», когда «дуэлянты по большей части палили в воздух» (с. 23).

Развитие событий в феврале-августе 1917 г. автор оценивает как последовательное приближение неминуемой вооруженной борьбы. На раннем этапе (июнь-июль 1917 г.) началу открытого противостояния мешали как организационные, так и идеологические проблемы. Ни правый, ни левый фланги не имели возможностей для узурпации власти, у них еще не было реальных сил, на которые можно бы было опереться в решающий момент. Более умеренные круги занимали, как правило, выжидательную позицию, надеясь в определенный момент примкнуть к идейно близким группировкам, которые сосредоточат в своих руках реальную власть. Характерным примером в этом смысле были либералы, чья оппозиционность царскому режиму сочеталась с отчетливой (и вполне обоснованной) боязнью перед неконтролируемой революционной стихией. На долгие годы эта двойственность определяла стиль поведения кадетов и октябристов в рамках третьеиюньской системы, утверждала в сознании оппонентов «слева» образ либералов как скрытых ренегатов, готовых «предать» идеалы революции в угоду своекорыстным интересам. Главным интересом либералов в период революции Смил считает создание переходных форм, в которых их позиции в учреждениях власти были бы подкреплены не политическими, но «цензовыми» критериями выборности. Такое стремление было вполне объяснимо: сами либералы еще до революции отчетливо понимали, что в конкурентной борьбе с социалистическими партиями у них нет шансов.

Неудивительно, что появившиеся уже в первые дни революции призывы к «порядку» быстро переросли в недовольство разложением армии и разрухой в тылу. В мае 1917 г., на фоне первого кризиса Временного правительства, «видимость согласия» кадетов с левыми партиями исчезла окончательно. В этот период открыто проявилось тяготение либералов к более умеренным формам революционного процесса, когда демократизация «не мешает» сохранению основ государственности, дисциплины в армии и (в определенной степени) преемственности во внешней политике. И если на правительственном уровне еще сохранялись связи с социалистами, продолжались консультации и переговоры, то в широких либеральных кругах быстро распространялось представление о недоговороспособности Петросо-

вета и социалистов вообще. Однако либералы уже не могли, как до Февраля, использовать привычные «кабинетные» методы борьбы: на фоне всеобщего хаоса единственным способом водворить порядок отныне считалась «твердая власть», а по сути – «военная диктатура» (с. 24). Психологическое отторжение революции в ее «февральской» редакции сопровождалось открытым ожиданием «спасителя отечества», который возьмет на себя ответственность и «обуздает» революцию. Однако процессы разложения либеральных партий, которые только усилились после Февраля, уже не позволяли оказать какую-либо реальную поддержку. Отчетливо это проявилось в конце августа 1917 г., когда Корнилов не получил от «тайных сторонников» фактически ничего, кроме сочувствия.

Позиции основных социалистических партий лишь на первый взгляд были более радикальными. Меньшевики полагали, что «буржуазная революция» одержала безоговорочную победу, что исключает возможность для перехода к социализму в обозримой исторической перспективе. Условия, по их мнению, не позволяли социалистам действовать в одиночку и вынуждали договариваться с политическими оппонентами для совместной работы в новых органах власти. Схожая позиция была и у эсеров, лидеры которых, войдя в состав правительства, постепенно смягчали свои позиции по ключевому вопросу – земельному. Отставка В.М. Чернова с поста министра земледелия в сентябре 1917 г. была наглядным тому подтверждением. В целом же, полагает Смил, кадеты, меньшевики и эсеры оказались «зажаты в тисках коалиционных правительств», что объективно снижало их политическую маневренность и давало преимущества более радикальным течениям.

Корниловский мятеж автор расценивает как «увертюру гражданских войн»: после него борьба за власть окончательно вышла за институциональные рамки, а основные акторы перестали всерьез воспринимать какие-либо иные инструменты влияния, кроме вооруженной силы. Попытки А.Ф. Керенского вернуть политический процесс в рамки переговоров и коалиций были обречены на неудачу вследствие его же собственных действий. Подавление правых радикалов с помощью левых в итоге обернулось опасным усилением последних. Стремительная «большевизация» советов означала выход на первые роли радикальных социалистов, изначально не склонных к компромиссам. Ленин в этом смысле был столь решительно настроен на взятие большевиками власти, что в течение сентября-октября 1917 г. наталкивался на серьезное сопротивление части однопартийцев. Однако Смил не склонен переоценивать значение этих разногла-

сий, так как они имели скорее тактический характер. В стратегическом плане бескомпромиссная позиция Ленина имела большое преимущество: она была последовательной и уже потому более понятной «массам». Октябрьский переворот отчетливо показал выигрышность такой позиции, а также то, что иных форм реальной политической борьбы ситуация осени 1917 г. уже не предоставляла. «Продавив» решение о захвате власти, Ленин небезосновательно полагал, что еще одного шанса взять власть у большевиков может и не быть, нерешительность же в сложившихся условиях чревата резким усилением реакции и новой попыткой переворота «справа».

С разгоном Учредительного собрания закончился период, который Смил характеризует как «необъявленную гражданскую войну». С этого момента противостояние перешло в открытую фазу, начался процесс его институционального оформления. Автор подчеркивает, что восстание чехословацкого корпуса в мае 1918 г. было не началом и тем более не причиной, а только лишь ярким эпизодом из истории «“русских” гражданских войн». В советской историографии восстание «белочехов» искусственно прерывало так называемый «триумфальный марш советской власти». Таким образом доказывалось, что Гражданская война была «импортирована» в Россию проантантовской контрреволюцией. Здесь автор видит коренное расхождение с позицией самого Ленина, который в своих работах включал 1917 год в период Гражданской войны (с. 30). К тому же первые акты интервенции были совершены еще во время наступления войск Четверного союза на русскую территорию в конце 1917 – начале 1918 г.

По разным причинам и советские, и эмигрантские историки были склонны преувеличивать значение иностранцев в Гражданской войне. Для первых иностранцы в Красной армии символизировали «торжество пролетарской революции», для последних – «незаконность и чуждость большевистского правления в России» (с. 38). В 1930-е годы эти позиции несколько сошлись вследствие того, что новая сталинская концепция Гражданской войны предполагала отведение на второй план всех «интернациональных» элементов, преуменьшение их роли в боевых действиях Красной армии. В дальнейшем изображение иностранцев в СССР шло в строгом соответствии с их «классовой принадлежностью», поэтому национальный аспект в принципе не ставился в качестве исследовательской проблемы. Для эмигрантов же, не имевших доступа к источникам, тезис о решающем вкладе немцев в победу большевиков был очень живучим.

Обе позиции повлияли на современную историографию. Как пишет Смил, «даже прекрасные исследования Гражданской войны, в которых основное внимание обращено на “нерусские” движения и формирования, имеют названия, маскирующие содержание» (с. 40). Большое значение имеет неуловимая для англоязычных читателей разница между прилагательными «российский» и «русский», вследствие чего всякое гражданское противостояние на окраинах бывшей империи тоже становится «русским». Преодоление этого языкового и смыслового барьера автор считает одной из важнейших задач историографии. Решить эту задачу призвана и структура повествования о периоде «объявленных» гражданских войн – с 1918 по 1926 г. Отдельные части глав посвящены внутриполитической борьбе и вооруженным конфликтам в Финляндии, Закавказье, Прибалтике, Средней Азии.

В отдельной главе рассматривается вопрос о времени окончания «“русских” гражданских войн». Смил полагает, что окончательная победа над Врангелем, объявление НЭПа и эвакуация белых с Дальнего Востока – «слишком ранние даты». И после 1921 г. продолжалась борьба с эсерами, меньшевиками и анархистами, подавлялись отдельные вспышки крестьянских выступлений на обширной территории «от Тамбова до Украины», усиливались репрессии против религии (с. 217). В более широком географическом контексте противостояние советской власти продолжалось фактически все 1920-е годы. Так, «белые партизаны» вели борьбу с Красной армией вплоть до лета 1923 г. В то же время шла и «беспрерывная партизанская война» против советской власти в Грузии, достигнувшая своего пика только в августе 1924 г. Если следовать идее «децентрализации» истории гражданских войн, то их окончание должно было наступить только с подавлением последнего очага сопротивления советской власти. По мнению Смила, наиболее приемлемой границей является июнь 1926 г., когда произошли последние открытые столкновения басмачей с частями Красной армии (с. 236).

Расширив временны́е рамки «“русских” гражданских войн», автор всё же определяет их как период открытых боевых действий. Вопрос об отнесении последующих крупных событий советской истории (раскулачивание и коллективизация, террор 1937 г., распад СССР) к проявлению гражданских войн остается дискуссионным. В значительной степени это зависит от восприятия советского периода. Для современных «поклонников СССР» Гражданская война по-прежнему остается открытым вооруженным столкнове-

нием, завершившимся «закономерной» победой большевиков. Критики советского периода продолжают оценивать Гражданскую войну в более широком смысле, как борьбу большевиков и советского государства в целом против «собственного народа». С этой точки зрения гражданские войны не завершились вплоть до распада Советского Союза. В том и в другом случае эмоции и политика продолжают препятствовать всестороннему исследованию одного из самых трагичных периодов российской истории. Смил отмечает, что за десятилетие 1916–1926 гг. шли десятки войн, в которых «русские сражались с русскими, русские сражались с нерусскими, нерусские сражались с нерусскими, республиканцы сражались с монархистами, социалисты сражались с социалистами, христиане сражались с мусульманами, город сражался с деревней, семья боролась против семьи, а брат шел на брата» (с. 41). Это была также война человека против природы: из 10 млн 500 тыс. человек, погибших в конфликтах, подавляющее большинство («возможно, до 80%») погибло от голода, холода и болезней (особенно пандемия тифа и испанский грипп), которые были «социальным и экономическим отголоском» гражданских войн (с. 41). Исследовать эти конфликты во всем их разнообразии и схожести – основная задача специалистов по русской истории XX в.

И.К. Богомолов

КОНЦЕПЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ АНДРЕА ГРАЦИОЗИ (по монографии: *Грациози А.* История СССР. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 632 с.) (Реферат)

Андреа Грациози, итальянский историк, профессор Неаполитанского университета им. Фридриха II, является известным специалистом по истории России. Он рассматривает проблему Гражданской войны в России сквозь призму рождения нового государства. Историк отмечает, что в 1918 г. ситуация выглядела совсем иной, «чем в воображаемом государстве из работы “Государство и революция”» (с. 44). Государство строилось на бюрократической, военно-репрессивной и распределительной социальной базе. Грациози ссылается на мнение Михаила Френкина, заметившего, что «проводившаяся в 1918 г. политика в отношении деревни стала первой “контрреволюционной операцией”, успешно доведенной до конца после 1917 года» (там же).

Автор пишет, что «большевистской элите удалось мобилизовать малые нации, в том числе латышей […] и использовать бывших военнопленных из центральных империй и даже армянские военные отряды, несмотря на то что большевики сотрудничали с некоторыми из организаторов армянского геноцида 1915 г.» (с. 44–45). Автор обращает внимание на тот факт, что большевики сумели продвинуть по государственной лестнице сотни тысяч людей простого происхождения. Он разделяет точку зрения Марка Ферро, что «большевистская революция […] оставалась революцией плебейской даже в своей государственнической версии» (с. 45).

Грациози рассматривает Белое движение и различные варианты движений других цветов – черное (анархисты), «зеленое» (крестьяне) – прежде всего как попытки основать некие государственные образования, конкурирующие как между собой, так и с большевистским государством. Проблемы, с которыми они стал-

кивались, были однотипны: создание администрации, военных подразделений, аппарата, который бы обеспечил борьбу с экономическими трудностями и мог отвечать требованиям крестьянства. Автор подчеркивает, что за общей оппозицией красным скрывались, однако, большие различия. «Многие из этих протогосударств были едва ли не более красными, чем то государство большевиков, с которым они сражались» (с. 45). Практически ни одно из этих государств не было в состоянии обеспечить стабильный контроль над ключевым регионом. «Правые» социалисты-революционеры, меньшевики и либералы «расплачивались за свой гуманизм неспособностью создать эффективные армию и репрессивные органы также и потому, что они были немилосердными и сами оказывались жертвами репрессий со стороны мелких и жестоких группировок: например офицеров, ведомых Колчаком, которых отстранили от власти в Сибири» (с. 46).

Наиболее значительным ядром белых были формирования на Дону вокруг Добровольческой армии, возглавляемой Корниловым, замененным после его смерти Деникиным. Массовую базу движения составляло казачество по той причине, что действия большевиков по отношению к нему на начальном этапе отличались значительным насилием. Колчак и Деникин пользовались поддержкой Запада, и это в определенной степени компрометировало Белое движение: его ассоциировали с державами – союзницами царизма в Первой мировой войне. Но наибольший урон, считает А. Грациози, белые нанесли себе сами. Для того чтобы построить новое государство, нужна была политическая программа и способность ее осуществить, по возможности гибко. У офицеров, всегда недолюбливавших политику, не было такой способности. Созданные ими административные органы отличались коррупцией, произволом, непопулярными мерами. «Рабочие расценивались как враги даже тогда, когда вражда к большевизму заставляла их брать в руки оружие» (с. 46). Крестьяне, имевшие веские причины, чтобы сражаться против большевиков, в большинстве случаев предпочитали стрелять в белых, которые отбирали у них не только зерно, но грозили отобрать и землю. Грациози отмечает также, что во имя «России единой и неделимой» белые разделяли идеи национализма, подпитывавшегося теориями заговоров и антисемитизмом, что настраивало против них остальные народы бывшей империи.

Крестьяне также пробовали создавать государства, которые бы представляли их интересы, либо поддерживали проекты социал-революционеров и других политических сил, чьи взгляды и идеоло-

гия казались им достаточно близкими (Антонов, Махно и т.д.). По мнению автора, это опровергает, хотя бы частично, мнения тех, кто утверждает, что для деревни вообще свойственны антигосударственные настроения. Однако государство, за которое выступали крестьяне, было своего рода антиподом как большевистского, так и белого государства. Оно характеризовалось «глубинной сцепкой, подтверждавшей унитарный характер деревенского мира самого по себе», несмотря на значительные региональные и национальные различия (с. 46–47).

Программа создания нового государства обрела зрелые формы в 1919–1920 гг., но обсуждалась еще в 1917-м и в ходе восстаний 1918 г. Крестьяне, пишет А. Грациози, хотели такого государства, которое заботилось бы об их нуждах. В его отсутствие для них было приемлемым даже такое государство, которое, хотя и преследовало собственные цели, гарантировало бы по крайней мере выживание. Оно должно было быть мирным, как того обещал Октябрь, способным установить порядок для проведения сельскохозяйственных работ. Государство должно было гарантировать крестьянам землю. Грациози подчеркивает, что враждебность крестьян по отношению к господской собственности в действительности сопровождалась враждебностью к национализации земли, часто олицетворяемой с возвратом к закрепощению, а также солидарностью с «сильными» крестьянами. Крестьяне хотели государства, гарантирующего существование рынка, которое покончило бы с реквизициями и государственной монополией на сельскохозяйственную продукцию.

Грациози отмечает, что, как свидетельствуют программы восстаний, в основании государства, в представлении крестьян, должны были лежать свободные выборы и широкая местная автономия. В 1917–1918 гг. данные требования отождествлялись с советской властью. Поэтому крестьяне первоначально выступали под лозунгом «Советы без коммунистов» (один из лозунгов Кронштадтского восстания). Этот лозунг был дополнен в зоне бывшей черты оседлости (Прибалтика, Белоруссия, Украина) словами «без евреев и московитов». Что касается религиозного вопроса, то деревня была настроена относительно равнодушно к репрессиям против высшего духовенства, связанного с прежними господствующими слоями, но была готова защищать свою веру.

Крестьяне поддерживали, хотя и вынужденными способами и формами, попытки создания национального государства на месте бывшей империи. В конце 1918 г. известия о поражении централь-

ных империй и о революции в Германии вызвали потрясения в рядах большевиков. Мировая революция представлялась очень близкой. Многие революционеры, бывшие ранее в оппозиции к большевизму, начали поддерживать новое государство. Одновременно шел процесс раскола в рядах социалистических партий, давая жизнь левым фракциям. «Утопическая волна приняла сильный апокалиптический оттенок, который привел многих к поддержке “жестокой гражданской войны, освобождающей и очищающей”, как неизбежному компоненту рождения нового мира» (с. 49). Армяне с большим энтузиазмом приветствовали падение Османской империи. На Украине падение режима, поддерживаемого немцами, позволило руководителям Рады и Петлюре, возглавлявшему национальную армию, взять власть благодаря крупному восстанию крестьян, наводнивших города партизанскими отрядами. Вскоре, однако, эти части перешли под знамена большевиков.

В начале 1919 г. большевики вторично пришли на Дон, область, «которую Москва расценивала как русскую Вандею» (с. 50). Теперь они проводили политику «массового уничтожения без какой-либо дискриминации», «расказачивания». В середине марта эта политика привела к еще более мощному восстанию казаков. Северный Кавказ становится одним из самых жестоких театров войны между новым государством и деревней. Он оставался таким, констатирует Грациози, вплоть до голода 1933 г. Проводившиеся большевиками реквизиции и распространение военного призыва на крестьян-середняков продолжали вызывать крестьянские восстания. Возникшие в этой обстановке банды сосредоточились на пространстве между Волгой и Уралом, где крестьянские восстания первых месяцев 1919 г. открыли путь наступлению Колчака, продвинувшегося в апреле 1919 г. к Волге.

Более многочисленные восстания шли на Украине, где в апреле 1919 г. произошел «запоздалый взрыв» – восстания целых сел, схожие с более ранними выступлениями крестьян против большевиков в России. В ответ большевики прибегали к массовому террору и насилию, в том числе и в городах, а также в отношении активистов других левых партий. В мае того же года восстал первый значимый красный отряд под руководством Григорьева. Мятеж сопровождался антисемитскими погромами, к которым присоединилось русское городское население. В последующие недели «побеждавшие белые войска устроили новую массовую резню, доведя число жертв украинских погромов 1919 г. до нескольких десятков тысяч» (с. 52). Григорьев был впоследствии

казнен по приказу Махно за антисемитскую резню, хотя, замечает Грациози, и сам Махно был виновен в резне менонитов, немецких анабаптистов, поселившихся на побережье Черного моря по приглашению Екатерины II.

Троцкий, прибывший на Украину, чтобы отразить угрозу наступления Деникина, решил в июне ликвидировать силы Махно. Тем самым он только еще больше открыл дорогу Деникину, который обратил крестьянские восстания в свою пользу. В июле, когда произошло 200 восстаний за 20 дней, украинское большевистское правительство начало терять преимущество, и в конце августа Киев вновь был взят силами Петлюры, тут же вынужденными оставить город под натиском частей Деникина, наступавших с юго-востока под лозунгами «единой и неделимой России».

И.Е. Эман

Ратьковский И.С.

ХРОНИКА КРАСНОГО ТЕРРОРА ВЧК: КАРАЮЩИЙ МЕЧ РЕВОЛЮЦИИ. – М.: Яуза: Эксмо, 2017. – 320 с. (Реферат)

Книга специалиста по истории Гражданской войны, доцента Института истории СПбГУ, канд. ист. наук И.С. Ратьковского посвящена террору ВЧК в 1918 г. и дискуссиям по данной проблеме 1918–1919 гг. Красный террор не ограничивался рамками 1918 г., но «именно этот год наиболее четко воплотил идеи террора политического и классового, отчасти экономического» (с. 7–8). Работа написана на основе обширного круга источников, в том числе неопубликованных архивных материалов из ЦГА СПб.

Книга И.С. Ратьковского состоит из предисловия, пяти глав, заключения, приложений и списка использованных источников и литературы. Автор рассматривает формирование системы чрезвычайных комиссий и осуществление диктатуры пролетариата в начальный период существования советской власти. Как известно, в декабре 1917 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, которая положила начало советским спецслужбам. Появление ВЧК «было вызвано изменениями во внутриполитической обстановке Российской республики и связанной с этим переоценкой взглядов на реализацию принципа диктатуры пролетариата в новых условиях зарождающейся гражданской войны» (с. 38).

Наиболее полно учение о диктатуре пролетариата было изложено В.И. Лениным в работе «Государство и революция», где главной целью пролетарской диктатуры провозглашался слом старой государственной машины и ликвидация сопротивления бывшего правящего класса. Поэтому деятельность ВЧК была со-

средоточена на предотвращении возможных выступлений против Советского государства. В.И. Ленин не отрицал необходимость карательно-репрессивных мер в начальный период становления советской власти, отмечал их разнообразие, вплоть до смертной казни, но сам не занимался разработкой концепции правоохранительных органов.

Первоначально функции органа борьбы с контрреволюцией и другими антигосударственными явлениями выполнял Петроградский военный революционный комитет (ПВРК), созданный 12 октября 1917 г. А 21 ноября, по инициативе Ф.Э. Дзержинского, постановлением ПВРК в его структуре была создана Комиссия по борьбе с контрреволюцией. Однако 5 декабря 1917 г. ПВРК был упразднен, и 7 декабря его место заняла ВЧК, созданная Совнаркомом. Председателем комиссии стал Ф.Э. Дзержинский. Первоначальный ее состав сформировался в значительной степени из членов упраздненного ПВРК. Дзержинский поставил перед комиссией следующие задачи: «1. Пресек(ать) и ликвидир(овать) все контрреволюционные и саботажнические попытки и действия по всей России, со стороны кого бы они ни исходили. 2. Предание суду Революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними. 3. Комиссия ведет только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения… Комиссии обратить в первую голову внимание на печать, саботаж к. д., правых с.-р., саботажн(иков) и стачечни(ков). Меры – конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списка врагов народа и т.д.» (цит. по: с. 51–52).

Первым делом комиссии стала ликвидация забастовки госслужащих в Петрограде, за которыми стояли Союз трудовой интеллигенции и Союз союзов. ВЧК достигла также успеха в деле предотвращения выступления в поддержку Учредительного собрания путем контроля над деятельностью Союза защиты Учредительного собрания и других превентивных мер. После выхода декрета «Социалистическое отечество в опасности» ВЧК получила право вынесения смертных приговоров преступникам, застигнутым на месте преступления. Нахлынувшая волна самосудов, погромов и других преступлений налагала ответственность на большевиков. Настроения, одобряющие принятие смертной казни, были характерны для многих большевистских деятелей. Подобные настроения отмечались и у представителей других партий. Прошли два крупных процесса над большевиками, связанные в том числе с самочинными расстрелами: дело П.Е. Дыбенко и дело М.А. Муравьева. Оба процесса выявили

многочисленные случаи злоупотребления высшей мерой наказания в тот период, когда она была официально отменена. По мнению автора, «частично это объяснялось политическими взглядами конкретных деятелей советской власти, частично ужесточением форм Гражданской войны» (с. 74).

Более жесткие меры стали применяться сначала по отношению к лицам, осужденным за шпионаж и бандитизм, а затем – к политическим противникам новой власти. В феврале 1918 г. практика массовых репрессий достигла наибольших масштабов в Крыму, где «было расстреляно и уничтожено другими способами (порой самыми чудовищными) как минимум 600 человек» (с. 91). Примером применения смертной казни к политическим преступникам стала ликвидация анархистских и эсеро-максималистских отрядов в Москве и других городах России.

Однако серьезнейшие недостатки были характерны и для самой ВЧК в первые месяцы ее работы. Ряд арестов был произведен без достаточных на то оснований. При их проведении чекистами произносились всяческие угрозы. Они же пытались создавать псевдоконтрреволюционные организации и заговоры, а затем вершили самосуды. «С подобными фактами внутри ведомства в тот период велась беспощадная борьба, но они, в отличие от противоправных действий местных органов власти, не становились достоянием гласности», – пишет автор (с. 92).

Карательные акции требовали структуризации системы чрезвычайных комиссий. В результате к лету 1918 г. сложилась система карательно-репрессивных органов ВЧК – чрезвычайных комиссий, обладавших следственными и судебными функциями. В то время действовали декреты, отменяющие смертную казнь. Однако революционное право ставилось выше юридических норм. Как пишет автор, «право советских учреждений на применение смертной казни неизменно подтверждалось последующими выступлениями высших должностных лиц, в том числе и на состоявшемся вскоре V Всероссийском съезде Советов» (с. 126).

В усилении карательно-репрессивной политики советского государства летом 1918 г. большую роль сыграл фактор белого террора. «Белый террор» – это условный, противоречивый термин, включающий в себя то, что происходило под «вывесками» Белого движения и мелкобуржуазной демократии. Он включает в себя, в частности, террор белофиннов, белочехов, белополяков и немцев. Первые сведения о массовом белом терроре относятся к

апрелю-июню 1918 г. Этот период автор характеризует «как новый виток взаимной ожесточенности» (с. 128).

Террор как система утверждается только в случае противостояния, в котором участвует инородный элемент, и оправдывается государственной или национальной чужеродностью противника. Для России серьезные последствия имело вмешательство в ее внутренние дела Германии, белочехов, Англии, Японии, США и Франции. Кроме того, в условиях гражданской войны террор заменяет нереальные экономические реформы, сдерживая народное недовольство. Он призван также «регулировать» отношения между городом и деревней в период утверждения новой государственности и решить проблему индивидуального террора, показав его политическую несостоятельность. Последняя проблема была особенно острой летом 1918 г., когда индивидуальный террор проводился членами организации Б.В. Савинкова и других террористических групп. Так, например, в начале июня в Петрозаводске было организовано покушение на следователя Богданова. А 10 июня в Олонце произошел винный погром, вылившийся в контрреволюционное выступление.

В июне 1918 г. была введена смертная казнь по суду. К июлю в большинстве губерний были сформированы губернские и уездные ЧК. А после подавления июльского восстания левых эсеров окончательно оформилась однопартийная система. В результате в июле органами ЧК было расстреляно столько же, сколько за предшествовавшие полгода, а в августе – вдвое больше. Однако «жестокое подавление антисоветских мятежей, как оказывалось, не могло полностью решить задачу борьбы с контрреволюцией, поэтому ЧК, помимо ужесточения мер наказания летом 1918 г., больше внимания уделяют мерам предотвращения контрреволюционных выступлений» (с. 157–158). В городах производятся массовые аресты, а также регистрации различных враждебных советской власти категорий лиц. Так, в Петрограде регистрацию прошли 17 тыс. бывших офицеров в возрасте до 60 лет, выявлено более десяти «различных контрреволюционных организаций и групп» (с. 159). В начале августа 1918 г. подавляющее большинство петроградских офицеров было арестовано. В сентябре часть из них была расстреляна, а 407 внесены в списки заложников Петроградской ЧК. Схожие меры по отношению к офицерам царской армии были проведены в Москве и городах Поволжья.

Эффективность мер по предотвращению антисоветских выступлений «в значительной степени зависела от формы и масштабов проводившейся акции» (с. 160). Пример – события в Ижевске,

где была проведена частичная регистрация подозрительных лиц, а в июле арестованы несколько десятков человек. Эти меры были недостаточно эффективными, и уже 8 августа 1918 г. Ижевск оказался вне контроля советской власти.

В сентябре 1918 г. был введен режим красного террора. В его развитии автор выделяет три этапа: 1) 30 августа – 5 сентября; 2) 5–30 сентября; 3) октябрь. Для первого этапа характерны неконтролируемые репрессии и случайный состав жертв. Хронологические рамки этапа связаны с покушениями на В.И. Ленина и М.С. Урицкого и публикацией постановления ВЦИК о красном терроре. Вышеупомянутые покушения «были следствием уже давно начавшейся “охоты” на вождей большевистской революции» (с. 151). На втором этапе террор приобретает более организованный характер. Начинается дискуссия о ВЧК, связанная с тем, что красный террор не мог проходить в контролируемых рамках и накапливалось «все большее количество ошибок, перегибов и негативных явлений» (с. 257). Среди последних были злоупотребления в органах ВЧК, за которые несколько работников органов были приговорены к расстрелу уже в сентябре 1918 г. А на третьем этапе система красного террора переживает кризис. В связи с победами на фронтах Гражданской войны и революционным движением в Европе надобность в политике беспощадного подавления контрреволюции сделалась менее актуальной. А дискуссия о ВЧК привела к перераспределению полномочий между ЧК и ревтрибуналами. 6 ноября 1918 г. была проведена амнистия, означавшая временное прекращение красного террора.

В начале 1919 г. чрезвычайные комиссии были лишены права вынесения приговоров. В постановлении «О Всероссийской чрезвычайной комиссии» от 17 февраля 1919 г. говорилось о передаче права вынесения судебных приговоров революционным трибуналам, которые должны были пройти определенную реорганизацию. Трибуналам предоставлялось также право ревизии следственных действий ЧК и проверки законности произведенных арестов. Однако чрезвычайные комиссии сохранили за собой «право непосредственной расправы при наличии вооруженных контрреволюционных и бандитских выступлений, а также в местностях, объявленных на военном положении, и только за преступления, указанные в постановлении о введении военного положения» (с. 277).

В заключении автор пишет, что «итогом политики красного террора осенью 1918 г. стало значительное ослабление контрреволюционного подполья, антисоветского движения ценой тысяч

жертв» (с. 284). В конце 1918 г. политика красного террора была приостановлена, но она не могла быть прекращена полностью в условиях Гражданской войны. «Поэтому с новым обострением внутренней обстановки весной-летом 1919 г. она была возобновлена», – пишет И.С. Ратьковский (с. 285). Негативные тенденции проявили себя на Украине в 1919 г., в Крыму в 1920 г. и при подавлении крестьянских движений в начале 1920-х годов. «Продолжающаяся война требовала всех средств, которые имелись в распоряжении. Целесообразность вновь переживала законность, диктуя силовые решения», – замечает автор (с. 285).

В приложениях к книге в виде таблиц показаны: применение ЧК высшей меры наказания в июле-августе 1918 г.; социальное положение расстрелянных органами ЧК за 1918 г.; партийная принадлежность лиц, подвергнутых высшей мере наказания органами ЧК в 1918 г.; партийный состав московских уездных ЧК; применение высшей меры наказания органами ЧК по характеру преступлений в 1918 г.

О.В. Бабенко

В.П. Любин

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА И КРАСНЫЙ ТЕРРОР В КРЫМУ

После падения самодержавия в начале 1917 г. поднявшаяся в Российской империи революционная волна захватила и Крым. О судьбе полуострова в годы революции и Гражданской войны следует рассказать особо.

Революция и Гражданская война в Крыму

«Февральская революция в Крыму была бескровной. Таврический губернатор Н.А. Княжевич в марте 1917 г. сдал власть таврическому губернскому комиссару Временного правительства Я.Т. Харченко. Как и во всей стране, параллельно с властью Временного правительства сформировалась другая власть – Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В марте был выбран Севастопольский совет, вскоре преобразованный в Совет депутатов армии, флота и рабочих. Советы формировались во всех городах Крыма. 10 мая состоялся первый губернский съезд советов, который постановил “всеми способами поддержать” Временное правительство» (22, с. 43–44).

В первые месяцы после Февральской революции широкое распространение среди Севастопольского гарнизона получило «революционное оборончество» – идея продолжения войны до победного конца. 17 мая 1917 г. в Севастополь из Одессы на один день прибыл военный министр Временного правительства А.Ф. Керенский, сторонник продолжения войны. Его поддержали тогда офицеры и матросы-черноморцы. Но уже 6 июня 1917 г. Севастопольскому совету и большевикам с помощью матросов Балтийского флота, прибывших

для агитации в их пользу, удалось сместить командующего Черноморским флотом вице-адмирала А.В. Колчака. В массах начали преобладать настроения в поддержку линии большевиков. «Вечером 9 июня 1917 г. бывший главнокомандующий флотом Колчак и начальник штаба ЧФ М. Смирнов покинули Севастополь в поезде американской военной миссии» (2, с. 67). Поначалу влияние большевиков среди населения Таврической губернии и на флоте было ничтожным. Но уже в начале лета 1917 г. большевики стали обретать возрастающее влияние на солдатские и матросские массы (26, с. 9).

Крым быстро оказался в ситуации разброда и анархии. На полуострове действовало множество партий. Вскоре после большевистского захвата власти в Петрограде на губернском съезде 20 ноября 1917 г. представители городских и земских самоуправлений создали Таврический совет народных представителей из 48 членов. Это был межпартийный орган, попытавшийся объединить партии центристского толка. Вспоминая о событиях того времени, Ю. Гавен писал: «За исключением Севастополя все города Крыма встретили Октябрьский переворот враждебно» (цит. по: 26, с. 139).

Средоточием политической жизни татарского населения оставался Бахчисарай. 26 ноября там открылся курултай (съезд) крымских татар. Начавший работу как своего рода Учредительное собрание, он превратился в постоянно действующий мусульманский парламент. 13 декабря на курултае было создано татарское правительство – «директория» под председательством Ч. Челебиева (22, с. 44).

Все возникшие партии стремились объединить антибольшевистские силы в Крыму. В начале декабря 1917 г. сформировали штаб крымских войск. Основу вооруженных сил штаба составили крымско-татарские кавалеристы, сведенные в эскадроны. Одновременно формировался и лагерь их противников. В середине декабря 1917 г. большевики, левые эсеры и анархисты взяли под свой контроль значительную часть Черноморского флота и город Севастополь. «С началом революционного разлома Черноморский флот становится самостоятельным и, к сожалению, деструктивным фактором и для России в целом, и для Крыма в частности», – констатируют крымские историки А.Г. Зарубин и В.Г. Зарубин (10, с. 50).

В ночь с 15 на 16 декабря в Севастополе начались жестокие расправы с офицерами флота, были расстреляны 32 офицера. В ближайшие дни убийства продолжались. По некоторым сведениям, «в течение двух-трех суток матросы убили несколько сотен офицеров» (10, с. 128). Часть убитых офицеров была выброшена в

море. Это была первая волна массовых убийств в Крыму и Севастополе. Вторая, еще более страшная и кровавая, придет после эвакуации армии Врангеля в ноябре 1920 г.

16 декабря 1917 г. в Севастополе был образован Военно-революционный комитет в составе 18 большевиков и 2 левых эсеров во главе с Ю. Гавеном. Он призвал к соблюдению «революционной дисциплины» и прекращению самочинных арестов и расправ. Но в ночь с 19 на 20 декабря в городе были убиты еще семь человек – офицеры и священник (10, с. 131).

Подобные расправы проходили тогда во всех крымских городах – от Евпатории до Симферополя, Ялты, Феодосии. Среди арестованных в Ялте оказался и П.Н. Врангель, с ним отправилась его жена, они чудом избежали казни. Всего в городе тогда расстреляли более 200 человек (7, с. 91). Их также сбрасывали в море, привязав к трупам камни. Единственным крупным крымским городом, избежавшим ужасов массовых казней, стала Керчь, констатирует Д. Соколов (26, с. 180).

В Ялте после занятия ее 13 января 1918 г. большевиками арестованных офицеров доставляли на стоявшие в порту миноносцы, с которых отправляли или прямо к расстрелу на мол, или же помещали на один-два дня в здание агентства Российского общества пароходства, откуда почти все арестованные в конце концов выводились на тот же мол и там их убивали матросы и красногвардейцы. Удалось чудом спастись лишь единицам (среди которых был и барон П.Н. Врангель, описавший потом эти события в своих воспоминаниях), пишет историк С.В. Волков (14).

«В 20-х числах декабря начинаются вооруженные столкновения матросов и рабочих Севастополя с отрядами, состоявшими в основном из крымских татар. На Южном берегу крымско-татарские эскадроны расправлялись с греками. Так в Крыму начиналась Гражданская война, в ней политические и социальные конфликты переплетались с этническими» (22, с. 44). Война реанимировала давние межнациональные распри. На Южном берегу Крыма вооруженное противоборство превратилось в этноконфессиональный конфликт (26, с. 171).

Сформированные в Севастополе из матросов и рабочих военные отряды разгромили войска объединенного штаба и в конце января 1918 г. в Крыму была установлена советская власть. Взятый большевиками в ночь с 13 на 14 января 1918 г. Симферополь подвергся, как и другие города, массовым грабежам, арестам и расстрелам (26, с. 173).

7–10 марта 1918 г. прошел Таврический губернский съезд советов, земельных, революционных комитетов. Съезд одобрил Брестский мир, поддержал советскую власть на Украине. 22 марта 1918 г. была провозглашена независимая Советская социалистическая республика Тавриды. Были избраны Совет народных комиссаров и Центральный исполнительный комитет. Советская Таврида просуществовала только месяц.

Во второй половине апреля 1918 г., нарушив условия Брестского мира, на Крымский полуостров вторглась германская армия. Одновременно в горном Крыму и на южном побережье начинается восстание крымских татар. Происходили кровавые столкновения между татарским населением и христианами, преимущественно греками, которых татары обвиняли в поддержке большевиков.

«Оккупировав Крым, немцы начали его ограбление, – считает Г.А. Санин. – В Германию вывозилось всё – оборудование заводов, имущество, хлеб. Население осталось без продовольствия и голодало» (22, с. 45). Нарастал протест против интервентов. В Симферополе, Ялте, Керчи, Севастополе, Евпатории действовали подпольщики.

«Возобновивший работу татарский курултай выдвинул идею возрождения Крымского ханства под покровительством Германии. Германские военные власти пытались лавировать, соблюсти баланс интересов. 25 июня 1918 г. с согласия оккупационных властей формируется первое крымское краевое правительство во главе с генералом М.А. Сулькевичем, бывшим командующим мусульманским корпусом, литовским татарином, сторонником крымской государственности. Отношения правительства Сулькевича с марионеточным украинским правительством гетмана П.П. Скоропадского, намеревавшегося получить Крым, были непростыми. Переговоры между двумя прогерманскими властями начались 5 октября 1918 г. в Киеве, но закончились безрезультатно. Киев предлагал Крыму широкую автономию, Крым требовал федерацию» (22, с. 45).

После капитуляции Германии (11 ноября 1918 г.) в Крым вошли Добровольческая армия генерала Деникина и англо-французские войска. Как подчеркивает украинский историк В.Ф. Солдатенко, эти события привели к полной перемене в военно-политической ситуации: «Предыдущие договоренности были скорректированы, и Крым фактически был разделен на две зоны, контролируемые оккупационной администрацией: на восток от Ялты территория отходила британцам, на запад от Ялты – францу-

зам» (27, с. 95). Что касается общей оценки событий в Крыму в 1921–1922 гг., то Солдатенко не считает принятые тогда решения «непогрешимыми», «иначе не возникло бы и причин для тех коллизий, которые в будущем привели, в частности, к осложнению в треугольнике Россия–Украина–Крым» (27, с. 165–166). 15 ноября 1918 г. правительство Сулькевича было заменено вторым краевым правительством во главе с феодосийским помещиком, предпринимателем и депутатом I и IV Государственных дум, кадетом С.С. Крымом (22, с. 45; подробнее см.: 21).

Это второе краевое правительство имело более широкую поддержку населения и декларировало себя Временным правительством до созыва Всероссийского учредительного собрания. Его целью объявлялось «стремление к возрождению единой России как свободной и демократической страны, в которой будут обеспечены права всех населяющих ее наций на самобытную культуру». Деникин, сторонник «единой и неделимой России», хотя и гарантировал полное невмешательство во внутренние дела Крыма, но командование Добровольческой армии не считалось с краевым правительством. В правительстве не было ни одного крымского татарина, отношения с курултаем оставались напряженными. Преследования деятелей национального движения стали повседневной политикой как армейского командования, так и правительства С.С. Крыма (22, с. 46).

26 ноября 1918 г. в 12 часов дня произошло «давно ожидаемое событие»: «Эскадра из 22 судов союзников – английские, французские, итальянские и греческие корабли – вошла в Севастопольскую бухту». Крымское краевое правительство в полном составе не замедлило засвидетельствовать свое почтение и было принято на флагманском корабле адмиралом Колторпом (21, с. 195–196). 30 ноября союзники прибыли в Ялту, местное население, как и в Севастополе, встречало их с радостью. Правительственным чиновникам, перебравшимся в Севастополь под крыло союзников, казалось, что их противники большевики на полуострове деморализованы и не представляли серьезной угрозы (21, с. 198). Интервенты (их главной силой в Севастополе были французы и греки, контингент насчитывал свыше 20 тыс. военнослужащих) уклонялись от борьбы с большевиками, опасаясь «покраснения» своих войск и их большевизации (именно это произойдет в скором времени в Одессе). Крым союзники – победители в Первой мировой войне – рассматривали как «часть территории России – страны, заключившей сепаратный мир и проигравшей войну». Как

следствие этого, они считали, что «имеют право указывать, что нужно делать и местным властям, и деникинцам» (21, с. 200–201). Как отмечает А. Феррари, для западных правительств Крым, как и Россия в целом, оставались «географической, политической и культурной периферией Европы» (цит. по: 35, с. 37), с которой можно было вести себя не церемонясь, как с заморской колонией. Солдатенко добавляет к этому, что Крым для Антанты был лишь плацдармом для дальнейшего продвижения на север (27, с. 89).

Как бы то ни было, в апреле 1919 г. союзники ушли из Крыма, который «накрыла вторая волна большевизма»: к 1 мая весь полуостров был занят советскими войсками (21, с. 205–206). В начале апреля 1919 г. части Красной армии прорвали укрепления на Перекопе и к концу апреля заняли бóльшую часть Крыма. Белые смогли удержать лишь Керченский полуостров. 29 апреля войска интервентов отбыли на кораблях из Севастополя. Правительство С.С. Крыма прекратило существование (22, с. 46).

23 апреля 1919 г. была создана Крымская Советская Республика и образовано Временное рабоче-крестьянское правительство. Его временно председательствующим стал Д.И. Ульянов (младший брат В.И. Ленина) (22, с. 46).

В тот момент в Крыму решили приступить к решению национального вопроса. В городах и уездах были созданы комиссариаты по мусульманским делам. В составе обкома РКП(б) существовали национальные секции: татарская, армянская, немецкая. Готовились к изданию газет и пропагандистской литературы на языках этих народов. Турецкий коммунист Мустафа Субхи организовал курсы по обучению татарской молодежи. Формировались татарско-турецкие части Красной армии.

«Крымская Советская Республика была создана на автономных началах. Она входила в состав РСФСР, но признавалась полноправным членом военно-политического союза советских республик: РСФСР, Украины, Белоруссии, Литвы и Латвии, провозглашенного 1 июня 1919 г.» (22, с. 46).

«“Красные” органы власти сначала организовывались в виде ревкомов. Затем в первых числах мая был сформирован Временный совнарком Крыма. Тогда же прошли выборы в местные советы депутатов. Предполагалось, что полнота власти перейдет от совнаркома к съезду Советов Крыма, но съезд собраться не успел, поскольку во второй половине июня белые начали активные боевые действия и в течение десяти дней вытеснили красных военных

и их сторонников из Крыма» (3, с. 4). И на этот раз советская власть продержалась в Крыму недолго, лишь 75 дней.

Как пишет М.В. Владимирский, «но за этот краткий период имело место столько событий и парадоксов, на которые в других случаях потребовались бы годы» (3, с. 4). Например, «председатель Симферопольского ревкома убежденная большевичка Е.Р. Багатурьянц (“Лаура”) вела себя в красный период настолько безукоризненно, что при деникинцах военно-полевой суд ее оправдал! Еще один парадокс: оказывается, у большинства крымских наркомов (все они были большевиками) в качестве заместителей работали меньшевики. Выходили в тот период газеты социалистических партий (я имею в виду меньшевиков и левых эсеров). Отталкиваясь от этих примеров, соблазнительно представить Крымскую ССР 1919 г. как образец гуманного решения, как некий красный режим “с человеческим лицом”. И хотелось бы понять, какова же степень такой мягкости, каковы предпосылки, причины и последствия такого феномена» (3, с. 4).

Однако этот «красный» эксперимент, как отмечалось, был быстро прерван. В начале июля 1919 г. полуостров был вновь занят белой армией. Деникин восстановил Таврическую губернию и назначил ее главноначальствующим генерала Н.Н. Шилдинга. Была установлена прямая военная диктатура, усилены репрессии против национального движения. Деникин восстановил дореволюционное Таврическое духовное магометанское правление, вакуфную комиссию, вакуфное землевладение, поставил главным муфтием мурзу Кипчакского (22, с. 46).

13 октября 1919 г. Красная армия нанесла контрудар по наступавшим на Москву деникинским войскам и сама перешла в наступление. Значительная часть белых войск отступила в Крым. Тогда многим из рядов белых стало понятно, что отъезд из России неизбежен. Активно действовало большевистское подполье. Подпольная группа была создана на Севастопольском морском заводе. Крымско-татарская организация «Милли-Фирка» совместно с большевиками вела подпольную борьбу против белогвардейцев. В 1920 г. было создано «Мусульманское бюро», формировавшее вооруженные отряды под командой Рефатова, Урманета, Аббас-Эфенди (22, с. 46).

Под давлением стран Антанты Деникин вынужден был 4 апреля 1920 г. сдать командование генерал-лейтенанту П.Н. Врангелю. Вскоре под контролем белых остался только Крым. Врангель, по отзывам современников, человек весьма практичного склада ума, трезво

оценивал положение. Он попытался обеспечить более широкую общественную поддержку Белому движению. Будучи глубоко верующим человеком, Врангель поддерживал православие как духовную опору будущей, возрожденной России (11, с. 213). Неожиданной была его политика по национальному вопросу в Крыму, отличавшаяся от политики предшественников. Прямо поддерживая русский патриотизм, он старался одновременно предоставить больше самостоятельности всем национальным группам, проживавшим на полуострове, в том числе крымским татарам. Но он не собирался возрождать курултай и директорию. При разборке изъятых документов обнаружилось, что у курултая были сношения с Турцией. Возглавивший новое правительство Крыма А.В. Кривошеин считал, что следует на время заморозить крымско-татарский вопрос. Всё же существовала национальная школа и развивалась свободная татарская пресса. Тесная связь Врангеля с Константинополем позволяла и татарским вождям постоянно сноситься с Турцией. Но внешняя политика как Деникина, так и Врангеля, ориентировавшихся на Антанту, не пользовалась симпатиями татар, склонявшихся в сторону Германии и Турции (11, с. 215–217).

В 1920 г. Врангель начал проводить аграрную реформу и реформу местного самоуправления. При этом за основу были взяты проекты П.А. Столыпина, сподвижником которого был и А.В. Кривошеин. Необходимость реформ была связана не только с обеспечением поддержки со стороны населения. Крым, как и вся Россия, переживал экономическую катастрофу. Стоимость фунта хлеба с весны по октябрь 1919 г. поднялась с 35 до 150 рублей. Пуд муки (16 кг) стоил 4500 рублей. (Впрочем, в других частях России дело обстояло еще хуже. В Москве в 1919 г. номер газеты «Правда» стоил 1 млн рублей.) Производство промышленных товаров и ремесленных изделий прекратилось. В 1920 г. в Крыму работало всего 32 предприятия (22, с. 47).

«Главным вопросом в Крыму с его аграрной экономикой был вопрос о земле. Врангель распорядился создать земельную комиссию для выработки проекта закона о земле. Основная идея закона – “землю на правах частной собственности передавать тому, кто ее обрабатывает… исключая торговлю ею, или эксплуатацию посредством аренды”. Иными словами, предлагалось передавать землю только крестьянам» (22, с. 47). Это по сути совпадало с требованием эсеров, они отстаивали его и перед правительством большевиков в Москве. Но радикальный проект Врангеля, сходный с эсеровским, был отклонен на первом же заседании земельной комиссии.

И всё же 25 мая 1920 г. правительство Врангеля утвердило закон о земле. Он гласил: «Всякое фактическое владение землями подлежит охране со стороны правительства от захвата, независимо от того, состоят ли они в пользовании землевладельцев на арендном праве, или были захвачены ими, или поступили им в силу распоряжений Временного правительства или советской власти. Остаются они во владении обрабатывающих или пользующихся ими хозяев» (22, с. 47).

Начатое летом 1920 г. Врангелем наступление на правом берегу Днепра кончилось неудачей. Войска советского Южного фронта под командованием М.В. Фрунзе вытеснили белых на левый берег Днепра и захватили плацдарм в районе Каховки. Там с августа до конца сентября накапливались силы для решающего удара. Располагая значительным превосходством, Фрунзе в конце сентября 1920 г. с Каховского плацдарма перешел в наступление и занял северную часть полуострова. 7–11 ноября 1920 г. был форсирован Сиваш и Красная армия преодолела укрепления Перекопа. Фрунзе 16 ноября 1920 г. телеграфировал Ленину, что красная конница заняла Керчь и Южный фронт ликвидирован (22, с. 47–48).

«14 ноября Врангель с последним караваном судов покинул Севастополь. Всего из Крыма на 126 судах было эвакуировано более 145 тыс. человек, из них 10 тыс. офицеров, 2 тыс. солдат регулярных частей, 15 тыс. казаков, 10 тыс. юнкеров, 7 тыс. раненых офицеров, 35–40 тыс. офицеров тыла и чиновников, остальные гражданские лица, преимущественно члены семей офицеров и чиновников» (22, с. 48).

Как свидетельствовал сам Врангель в своем послании «Всем русским судам» с крейсера «Генерал Корнилов», «всего из Крыма ушло 150 000 человек и свыше 100 судов Русского флота» (28, с. 82).

Красный террор 1920–1921 гг.

Не успевшие или не захотевшие уйти вместе с Врангелем офицеры и рядовые белой армии (считается, что таких было до 60 тыс. человек), несмотря на данные им поначалу командующим Красной армией Фрунзе гарантии, что им будет сохранена жизнь и они вернутся по домам, были в конечном счете арестованы и многие из них расстреляны. Неприглядную роль в этом сыграли руководившие массовыми расстрелами присланные центральным большевистским правительством из Москвы венгерский комму-

нист-революционер Бела Кун и давняя участница русского революционного движения Розалия Землячка.

Но, безусловно, самым известным «чистильщиком» Крыма от «буржуазии» является И. Папанин, вошедший в историю не как комендант Крымской ЧК, а как блестящий ученый и полярный исследователь, пишет историк Д. Соколов (24, с. 238–239). Он приводит разнообразные цифры, которые разнятся от свидетеля к свидетелю – от 20 до 300 тыс. пострадавших от этих «чисток». На самом деле число убийств и расстрелов на полуострове в те годы было ужасающим.

«Возможно, установить точное число жертв красного террора в Крыму в 1920–1921 гг. помогут дальнейшие архивные поиски. В то же время неоспоримо: по числу убийств и по степени жестокости и организованности крымский террор оставил далеко позади репрессии всех прежних (в том числе советских) режимов, действовавших на территории полуострова в годы Гражданской войны. Даже карательные акции коммунистов конца 1920–1930-х годов (раскулачивание, “ежовщина”) на крымской земле имели, вероятно, меньший размах» (24, с. 238–239; см. также 17). Пик красного террора пришелся в Крыму на конец ноября 1920 – февраль 1921 г. В марте 1921 г. волна насилия пошла на убыль, замечает Соколов (24, с. 247).

В советской историографии ничего не говорилось о том, что происходило на полуострове после эвакуации белых. Всё, что произошло после этого события, было уже за рамками Гражданской войны как войны между красными и белыми. Единственное, что встречалось в краеведческой литературе советского времени, – это скупые, общие фразы, не дающие реального представления о страшных событиях в Крыму и собственно Севастополе в начале 20-х годов XX в. И лишь в последнее время были предприняты попытки восполнить этот пробел (10; 12; 24; 26).

Считается, что после эвакуации врангелевских частей в Крыму остались около 2 тыс. офицеров и более 50 тыс. солдат Русской армии. В госпиталях находилось около 15 тыс. раненых и больных. По разным причинам страну не пожелали оставить более 200 тыс. гражданских и военных чиновников, журналистов, актеров, врачей. Массивное присутствие на полуострове «представителей эксплуататорских классов» не устраивало большевистское руководство. Невзирая на заявления об объявлении амнистии, Ленин и его соратники считали Крым оплотом контрреволюции.

Большевики начали истребление тех, кто, по их мнению, являлся «врагами власти трудящихся». Красноармейцы 2-й Конной армии командарма Миронова порубили шашками сотни больных и раненых в захваченных лазаретах. В ночь с 16 на 17 ноября на вокзале в Феодосии по приказу комиссара 9-й дивизии М. Лисовского расстреляли не успевших эвакуироваться около ста раненых офицеров Виленского полка.

По указанию Ленина в Крым «для наведения порядка» были направлены с практически неограниченными полномочиями два представителя. Они были фанатично преданы советской власти и страстно ненавидели ее врагов. Это были Розалия Землячка (она стала секретарем Крымского обкома партии большевиков) и венгерский коминтерновец Бела Кун, назначенный особо уполномоченным по Крыму.

Торжествующие победители пригласили в председатели Реввоенсовета Советской республики Крым Л.Д. Троцкого. Но тот ответил: «Я тогда приеду в Крым, когда на его территории не останется ни одного белогвардейца». Это было воспринято как руководство к действию. На полуострове был введен режим чрезвычайного положения. Все дороги, ведущие из Крыма, были блокированы, никто из оставшихся белогвардейцев не мог покинуть полуостров, все пропуска подписывал непосредственно Б. Кун.

17 ноября 1920 г. был издан приказ Крымревкома № 4, согласно ему все лица, прибывшие в Крым с Добровольческой армией (на июнь 1919 г.): офицеры, чиновники военного ведомства и другие работники деникинских подразделений и Русской армии Врангеля, – должны были в трехдневный срок явиться для регистрации. Лица, не зарегистрировавшиеся в указанный срок, рассматривались как шпионы, подлежащие высшей мере наказания по всей строгости законов военного времени.

С помощью этого было выявлено дополнительно еще несколько десятков тысяч человек. Подавляющее большинство принадлежащих к перечисленным в приказе Крымревкома категориям лиц пришло на регистрационные пункты с документами, удостоверяющими личность, образовались многотысячные очереди. Явившиеся на регистрацию должны были заполнить анкеты с вопросами, на которые в обязательном порядке необходимо было ответить.

В числе стандартных вопросов о социальном положении, имени, дате и месте рождения в анкете также предлагалось ответить и на другие вопросы, например, почему не выехал за границу, а остался в Крыму. Отвечая на этот вопрос, многие писали о любви к родине,

что хотят жить в России и работать на благо народа и не намерены осуществлять контрреволюционную деятельность. В анкете предупреждали: надо писать правду и явиться в Особый отдел по первому требованию, в противном случае родственники заполнившего анкету лица будут взяты в заложники.

Тех, кому сохранили жизнь, отправляли на север, в концентрационные лагеря, что было равносильно расстрелу. Партии осужденных гнали в лагеря пешком, без пищи и воды. Р. Землячка заявляла: «Жалко на них тратить патроны, надо топить их в море». Лучшую характеристику ей дал позднее А.И. Солженицын, назвавший ее «фурией красного террора». Больше всего расстреливали в Севастополе – не только военных, но и людей всех сословий. Расстреляли и портовых рабочих за участие в погрузке судов врангелевской армии. Иностранцы, вырвавшиеся из Крыма во время красного террора, описывали потрясающие картины чекистских расправ. Не нравившихся большевикам жителей Крыма не только расстреливали, но и вешали десятками и сотнями. Улицы Севастополя были завешаны качающимися в воздухе трупами. Вешали везде: на фонарях, столбах, на деревьях и даже на памятниках. В Севастополе и Ялте выносили раненых и больных из лазаретов и тут же расстреливали. Приговоренных грузили на баржи и топили в море, привязывая камень к ногам, и долго еще потом сквозь воду были видны рядами стоящие мертвецы.

Очевидцы вспоминали: «Окраины города Симферополя были полны зловония от разлагающихся трупов расстрелянных, которых даже не закапывали в землю». Были расстреляны десятки тысяч человек из 800 тыс. населения Крыма. 28 ноября «Известия временного севастопольского ревкома» опубликовали первый список расстрелянных – 1634 человека, 30 ноября второй список – 1202 человека. За неделю только в Севастополе Бела Кун расстрелял более 8 тыс. человек. Расстрелы шли по всему Крыму, пулеметы работали день и ночь. Официальный представитель Наркомнаца в Крыму М. Султан-Галиев писал, что среди расстрелянных попадало очень много рабочих элементов и лиц, оставшихся от Врангеля с искренним и твердым решением честно служить советской власти. Крым походил в то время на один большой концентрационный лагерь. По инициативе Б. Куна и Р. Землячки создали Крымскую ЧК во главе с секретарем президиума ВЧК и лично Ф.Э. Дзержинского С.Ф. Реденсом, до этого успевшим поработать в Одесской, Киевской и Харьковской губчека.

Страшная резня офицеров в Крыму заставила содрогнуться многих. Творившиеся на полуострове зверства вызывали возму-

щение и самих партийных работников. Спустя ровно месяц после взятия Крыма, 14 декабря 1920 г., Ю.П. Гавен написал члену Политбюро РКП(б) Н.Н. Крестинскому, что, не имея сдерживающего центра, Бела Кун «превратился в гения массового террора». Массовые убийства получили столь широкий резонанс, что ВЦИК вынужден был направить в Крым специальную комиссию по расследованию. И тогда все «особо отличившиеся» коменданты городов представили в свое оправдание телеграммы Куна и Землячки с приказом расстрелять всех зарегистрированных офицеров и военных чиновников.

М.В. Фофанова, введенная в состав тройки ВЦИК для изучения положения дел на полуострове, свидетельствовала, что большевики расстреливали раненых, больных солдат и офицеров Белой армии прямо в лазаретах, госпиталях и санаториях. Расстреливали и «содействующих» «контрреволюционерам» – врачей, медсестер и санитаров. На улицах валялись трупы расстрелянных. Об этих злодеяниях широко оповещали местные большевистские издания (например, «Известия» временного Севастопольского ревкома, керченские «Известия» и др.). В ходе расследования Фофанова установила: в Керчи пленных солдат и офицеров большевики на баржах вывозили в открытое море и топили. По ее мнению, жертвы большевистского террора в Крыму исчислялись десятками тысяч.

Красноречивы показания известного писателя И. Шмелёва, свидетеля красного террора в Крыму (там был убит его сын, не пожелавший отправиться в изгнание вместе с врангелевской армией), данные им в Швейцарии на процессе по убийству Воровского. До своей эмиграции в 1922 г. он жил в Крыму, в Алуште. Писатель констатировал: «Такого массового уничтожения людей Россия не знала до тех пор за всю свою историю… Здесь Землячке-Залкинд удалось превзойти всех не только на подмостках крымской трагедии, но и на всех фронтах Гражданской войны» (16; 17). «На столах пачки листков лежали, на которых к ночи ставили красную букву… одну роковую букву. С этой буквы пишут два дорогих слова: Родина и Россия. “Расход” и “Расстрел” – тоже начинаются с этой буквы. Ни Родины, ни России не знали те, которые убивать хотят» (32, с. 479).

В письме к адвокату Оберу, защищавшему на суде русского офицера Конради, убившего советского посла В.В. Воровского, Шмелёв написал, что, «по словам доктора, заключенного с моим сыном в Феодосии, в подвале Чеки и потом выпущенного, служившего у большевиков и бежавшего заграницу, за время террора за

2–3 месяца, конец 1920 г. и начало 1921 г. в городах Крыма: Севастополе, Евпатории, Ялте, Феодосии, Алупке, Алуште, Судаке, Старом Крыму и проч. местах, было убито без суда и следствия до ста двадцати тысяч человек – мужчин и женщин, от стариков до детей. Сведения эти собраны по материалам – бывших союзов врачей Крыма… Официальные данные указывают цифру в 56 тысяч. Но нужно считать в два раза больше. По Феодосии официально данные дают 7–8 тысяч расстрелянных, по данным врачей – свыше 13 тысяч» (23).

«Трагедия Шмелёвых – одна из множества. После эвакуации армии Врангеля оставшихся в Крыму офицеров, как и духовенство, солдат, промышленников, чиновников, репрессировали. Репрессиям подверглись и женщины, и дети. Шмелёва вызвали на допрос и регистрацию, вслед за которой должен был последовать арест. Комиссар, очевидно читатель Шмелёва, молча, кивком, отпустил его» (28, с. 83–84). «По распространившимся в эмиграции сведениям, собранным по материалам бывших союзов врачей Крыма, в конце 1920 – начале 1921 г., за два-три месяца, в Севастополе, Евпатории, Ялте, Феодосии, Алупке, Алуште, Судаке и других местах без суда и следствия было уничтожено до ста двадцати тысяч человек. По официальным данным, их было пятьдесят шесть тысяч», – повторяет эти цифры Н.М. Солнцева (28, с. 84).

В дневнике жившей тогда в Крыму одновременно со Шмелёвым певицы Евфалии Хатаевой, позднее эмигрировавшей вместе с мужем писателем С.И. Гусевым-Оренбургским сначала в Китай, затем в США, есть запись: «Была объявлена в Симферополе регистрация оставшимся офицерам, была объявлена за подписью Бела Куна, главы Крымского Правительства, полная неприкосновенность личности зарегистрировавшимся. Пошли на регистрацию доверчиво, многие с радостью… И ни один человек не вернулся, ни один. А в Симферополе объявили митинг для оставшихся офицеров (после регистрации), окружили здание, вывели за город и всех из пулеметов… В Ялте, Феодосии было еще хуже… Какой ужас, Господи, какой ужас. Ведь не писать об этом надо в ненужном дневнике, а надо кричать, негодовать, бить в набат. А мы почти спокойно об этом говорим… А расстреляны были десятки тысяч. Когда Сергей Иванович хлопотал за сына писателя Шмелёва, то он обращался к одному из членов обласкома (Бабахану). Тот спросил: “Он был офицер?”– Кажется… – “Значит, незачем узнавать о нем, был приказ расстрелять всех офицеров…” Нет, дальше, дальше из Крыма. Теперь существует здесь поговорка:

“у нас только море, да горе”» (28, с. 85; 30). В 1921 г. Шмелёв о гибели сына еще ничего не знал. Но слух о страшной участи Сергея распространился в среде эмиграции (28, с. 85).

Даже глава ВЧК Ф.Э. Дзержинский признал, что им и руководителями его ведомства была «совершена большая ошибка. Крым был основным гнездом белогвардейщины, и чтобы разорить это гнездо, мы послали туда товарищей с абсолютно чрезвычайными полномочиями. Но мы никак не могли подумать, что они именно так используют эти полномочия» (цит. по: 18, с. 13–14; см. также: 25; 31).

Виновники террора в Крыму не понесли никакого, пусть даже самого незначительного, чисто формального наказания. Всё, чем ограничилось большевистское руководство, – это отозвало Б. Куна и Р. Землячку из Крыма, когда они сделали свое дело и необходимость в их услугах отпала.

По официальным советским данным, в 1920–1921 гг. в Симферополе было расстреляно около 20 тыс. человек, в Севастополе – около 12 тыс., Феодосии – около 8 тыс., в Керчи – около 8 тыс., в Ялте – 4–5 тыс., всего в Крыму – до 52 тыс. человек. По оценкам поэта Максимилиана Волошина[1], проживавшего в Коктебеле, террор 1920–1921 гг. пережил только один из трех крымских интеллигентов.

Историк С.В. Волков рассчитал, что при Русской армии Врангеля насчитывалось до 300 тыс. военнослужащих и служащих по гражданским ведомствам, в том числе до 50 тыс. офицеров. Было эвакуировано до 70 тыс. военнослужащих и служащих, из них примерно 30 тыс. офицеров (14). Согласно утвержденным властями правилам, уничтожению подлежали все офицеры и чиновники военного ведомства, а также солдаты «цветных частей».

---

[1] «Волошин построил в Коктебеле двухэтажный дом и разбил под окнами прекрасный сад. Кто только ни побывал в Доме Поэта! Художники Рерих и Петров-Водкин, Бенуа и Лентулов, Добужинский и Бакст, Головин и Кончаловский, композитор Спендиаров, певец Федор Шаляпин, выдающийся химик Лебедев, географ Козлов, авиаконструктор Антонов, минералог Ферсман, историк литературы Зелинский. С писателями и поэтами – Иннокентием Аннинским, Буниным, Горьким, Бальмонтом, Брюсовым, Мариной Цветаевой, Хлебниковым, Андреем Белым, Викентием Вересаевым, Паустовским, Пришвиным, Катаевым, Булгаковым, Мариэттой Шагинян, Корнеем Чуковским, Эренбургом, Леоновым, Заболоцким, Сельвинским» и многими другими блистательными деятелями русской культуры дружил «могучий Макс». «А вернее будет сказать: вся русская культура “серебряного века” дружила с Максимилианом Волошиным» (32, с. 216).

Официальная цифра 52 тыс. казненных вполне согласуется с количеством лиц Русской армии, которые не смогли или не пожелали эвакуироваться и которые были отнесены к категории, подлежащей уничтожению. При этом Волков обращает внимание на то, что свидетели происшедшего были настолько впечатлены размахом убийств, что указывали цифры казненных в 120 тыс. или даже в 150 тыс. человек[1].

Заключение

«В 1920 г. падение под ударами Красной армии перекопских укреплений и эвакуация войск П.Н. Врангеля ознаменовали собой фактическое окончание братоубийственного противостояния в европейской части России», – пишут авторы недавно вышедшего двухтомника «История Крыма» (13). И справедливо добавляют: «“Эпоха великих потрясений” на полуострове сопровождалась массовым террором, эпидемиями, принудительными миграциями, последующей хозяйственной разрухой и голодом» (13, т. 2, с. 763–764).

Итоги Гражданской войны в Крыму и красного террора обобщены в таких новых историографических исследованиях, как недавно вышедшие монографии Д. Соколова «Таврида, обагренная кровью: Большевизация Крыма и Черноморского флота в марте 1917 – мае 1918 г.» (26) и «“Железная метла метет чисто…”: Советские чрезвычайные органы в процессе осуществления политики красного террора в Крыму в 1920–1921 гг.» (24). Именно Соколов в последние годы больше других занимался расследованием преступлений в Крыму в период 1917–1921 гг. Касаясь прошлой историографии вопроса, он замечает: «Не будет преувеличением написать, что длительное время “Красный террор в России…” [книга Сергея Мельгунова, переведенная на английский, немецкий, французский, испанский языки (16). – *В. Л.*] оставался едва ли не единственным источником информации о Крымской трагедии… Разумеется, историография Русского Зарубежья не исчерпывается только этой работой» (24, с. 4). Во введении к своей книге 2017 г. Соколов дает информацию об историографии вопроса, приводит ссылки на очень редкие издания (24, с. 3–20).

---

[1] Подробнее о событиях Гражданской войны на полуострове и размахе красного террора см. фундаментальную монографию А.Г. и В.Г. Зарубиных (10).

«После окончания Гражданской войны положение в Крыму оставалось очень сложным, если не сказать катастрофическим, – считает Санин. – Экономика была практически уничтожена. Интервенты и Врангель вывезли всё, что было возможно. Крупные (по масштабам Таврической губернии) заводы Керчи и Симферополя не работали. Едва работал Севастопольский судоремонтный завод. Черноморский флот перестал существовать. В севастопольском порту стоял лишь броненосец “Заря свободы” (бывший “Потёмкин” и “Св. Пантелеймон”), превращенный при белых в плавучую тюрьму и ржавевший в порту» (22, с. 48). Сельское хозяйство было в кризисе. Непрерывные реквизиции продовольствия и скота, бандитизм ушедших в леса белогвардейцев и националистов, наконец, небывалая засуха привели к страшному голоду 1921–1923 гг., унесшему более 100 тыс. жизней (22, с. 48).

Так вслед за террором в Крым пришел голод. Он продолжался с осени 1921 г., то затихая, то вспыхивая с новой силой, до весны 1923 г. Согласно собранным данным, от голода умерло действительно не менее 100 тыс. человек, т.е. 15% крымского населения 1921 г. Основной массой умерших было бедное сельское население, крымско-татарское по национальному составу, крымских татар погибло около 76 тыс.[1]

По переписи населения 1921 г. в Крыму проживал 719 531 человек, из них русских 298 666 (42,2%), крымских татар 196 715 (26%), украинцев 72 352 (9,5%), евреев 49 406 (6,9%), немцев 42 350 (5,9%), греков 23 858 (3,4%), армян 12 017 (1,7%), болгар 10 572 (1,5%), других национальностей 5734 (0,9%) (29, с. 5).

Восстановление экономики и других сфер жизни Крыма пришлось на годы НЭПа. Было принято постановление ВЦИК и СНК об образовании вместо Таврической губернии Крымской автономной советской социалистической республики в составе РСФСР, опубликованное 18 октября 1921 г. (подробнее см.: 1). «10 ноября 1921 г. I Всекрымский Учредительный Съезд Советов принял Конституцию Крымской АССР, которая провозглашала равенство и право на свободное развитие всех национальностей Крыма, отменяла все национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения» (22, с. 49).

---

[1] Приводимые сведения и цитаты взяты из опубликованной 2 февраля 2016 г. в Интернете статьи «Красный террор в Крыму» за подписью Прихожанка (19).

Начался новый период жизни Крыма – уже в советское время, от образования СССР в декабре 1922 г. до его роспуска в декабре 1991 г.

Список источников и литературы

1. *Бикова Т.Б.* Створеня Кримскої АСРР (1917–1921 рр.). – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2011. – 246 с.
2. *Больных А.Г.* Линкоры в бою. Великие и ужасные. – М.: Яуза, 2010. – 380 с.
3. *Владимирский М.В.* Красный Крым 1919 года. – М.: Изд-во О. Пахмутова, 2016. – 303 с. – Режим доступа: http://gkokn.rk.gov.ru/file/krasniy_krim_1919_goda_mihail_vladimirskiy.pdf (дата обращения: 12.09.2018).
4. *Водарский Я.Е., Елисеева О.И., Кабузан В.М.* Население Крыма в конце XVIII – конце XX веков: (Численность, размещение, этнический состав). – М.: Ин-т российской истории РАН, 2003. – 159 с.
5. *Возгрин В.Е.* Исторические судьбы крымских татар. – М.: Мысль, 1992. – 446 с.
6. *Возгрин В.Е.* Немецкие колонисты и коренной народ Крыма в национальной политике Российской империи. – СПб.: Изд-во РХГА, 2015. – 414 с.
7. *Врангель П.Н.* Воспоминания генерала барона П.Н. Врангеля [Южный фронт, ноябрь 1916 – ноябрь 1920 г.: В 2 ч.]. – М.: Терра, 1992. – Ч. 1. – 543 с.
8. *Дюличев В.П.* Крым: История в очерках. – Симферополь: Рубин; ЧП Бинькин, 2008. – 496 с.
9. *Дюличев В.П.* Рассказы по истории Крыма. – Симферополь: Квадранал, 2005. – 344 с.
10. *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Без победителей: Из истории гражданской войны в Крыму. – Симферополь: Антиква, 2008. – 728 с.
11. *Зарубин В.Г.* Национальная политика П.Н. Врангеля в Крыму // Крым: Проблемы истории / Отв. ред. А.В. Юрасов. – М.: Индрик, 2016. – С. 207–232.
12. *Зарубин В.Г.* Проект «Украина». Крым в годы смуты (1917–1921 гг.). – Харьков: Фолио, 2013. – 377 с.
13. История Крыма: В 2 т. – М.: Кучково поле, 2018. – Т. 1. – 600 с.; Т. 2. – 769 с.
14. Красный террор глазами очевидцев / Сост., предисл., примечания С.В. Волкова. – М.: Айрис-пресс, 2013. – 446 с.
15. *Литвинова Е.М.* Крым: Православные святыни: путеводитель. – Симферополь: «РуБин», 2013. – 416 с.
16. *Мельгунов С.П.* «Красный террор» в России, 1918–1923. – Берлин: Ватага, 1924. – 312 с.
17. *Пагануци П.Н.* Красный террор в Крыму [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.belrussia.ru/page-id-3316.html (дата обращения: 12.09.2018).
18. Политические репрессии в Крыму (1920−1940 годы) / Д.В. Омельчук, М.Р. Акулов, Л.П. Вакатова, Н.Н. Шевцова, С.В. Юрченко. – Симферополь: [Б. и.], 2003. – 205 с.
19. *Прихожанка.* Красный террор в Крыму [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://новости-крыма.ru-an.info/%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8/%D0%BA%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BD%D1%8B%D0%B9-%D1%82%D0%B5%D1%80%D1%80%D0%BE%D1%80-%D0%

B2-%D0%BA%D1%80%D1%8B%D0%BC%D1%83-%D0%B1%D1%8 B%D0%BB-%D0%BC%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%BE%D0%B2%D1%8 B%D0%BC-%D0%B6%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%B8%D0%BC-%D0%B8-%D0%B1%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%BE%D1%89%D0%B0%D0%B4%D0%BD%D1%8 B%D0%BC/ (дата обращения: 12.09.2018).
20. *Прохоров Д.А., Храпунов Н.И.* Краткая история Крыма. – 2-е изд. – Симферополь: Благотворительный фонд «Наследие тысячелетий», 2017. – 335 с.
21. *Пученков А.С.* Правительство Соломона Крыма // Крым: Проблемы истории / Отв. ред. А.В. Юрасов. – М.: Индрик, 2016. – С. 187–206.
22. *Санин Г.А.* Крым. Страницы истории [Электронный ресурс]. – М., 2015. – Режим доступа: http://metod-kopilka.nsokyshtovka.ru/wp-content/uploads/2016/03/%D0%A1%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%BD-%D0%93.-%D0%90.-%D0%9A%D1%80%D1%8B%D0%BC.-%D0%A1%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D1%86%D1%8B-%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B8.pdf (дата обращения: 28.09.2018).
23. *Славянка В.* «Советская власть – убийцы»: Письмо Ивана Шмелёва господину Оберу, защитнику русского офицера Конради, как материал для дела [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://slavynka88.livejournal.com/229844.html (дата обращения: 12.09.2018).
24. *Соколов Д.В.* «Железная метла метет чисто…»: Советские чрезвычайные органы в процессе осуществления политики красного террора в Крыму в 1920–1921 гг. – М.: Посев, 2017. – 384 с.
25. *Соколов Д.В.* Месть победителей. Красный террор в Севастополе в 1920–1921 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusk.ru/st.php?idar=112133 (дата обращения: 12.09.2018).
26. *Соколов Д.В.* Таврида, обагренная кровью: Большевизация Крыма и Черноморского флота в марте 1917 – мае 1918 г. – М.: Посев, 2013. – 271 с.
27. *Солдатенко В.Ф.* Россия – Крым – Украина: Опыт взаимоотношений в годы революции и Гражданской войны. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 167 с.
28. *Солнцева Н.М.* Иван Шмелёв. Жизнь и творчество: Жизнеописание. – М.: Эллис Лак, 2007. – 510 с.: ил.
29. Статистико-экономический атлас Крыма. – Симферополь: Крымстатуправление: Крымиздат, 1922. – 49 с.: ил.
30. *Хатаева (Гусева-Оренбургская) Е.И.* Жизнь в Красном Крыму: Крымские и московские страницы одного «ненужного» дневника (дек. 1920 – апр. 1921 г.) // Крымский альбом: Историко-краеведческий литературно-художественный альманах. – Феодосия; М.; Коктебель: [Б. и.], 2004. – Вып. 8: 2003. – С. 138–140.
31. *Чикин А.М.* Севастопольская голгофа. – Севастополь: Рибэст, 2005. – 234 с.
32. *Шмелёв И.С.* Собр. соч.: В 5 т. – М.: Рус. кн., 2001. – Т. 1: Солнце мертвых: Повести. Рассказы. Эпопея. – 635 с.: ил.
33. *Эскин Б.* Остановись мгновение! Очерки. – Иерусалим: Лира, 2005. – 367 с.
34. *Ferrari A.* La Crimea nell'impero russo. Un mosaico di popoli e culture // La Crimea tra Russia, Italia e Impero ottomano / A cura di A. Ferrari e E. Pupulin. – Venezia: Edizioni Ca' Foscari, 2017. – P. 9–13. – DOI: 10.14277/978-88-6969-201-7/EUR-8. – Mode of access: http://edizionicafoscari.unive.it/media/pdf/books/978-88-6969-212-3/978-88-6969-212-3.pdf (дата обращения: 12.09.2018). Книга распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International.

35. *Ferrari A.* Dalla Tauride alla Tavrida. Introduzione al mito della Crimea nella cultura russa // La Crimea tra Russia, Italia e Impero ottomano / A cura di A. Ferrari e E. Pupulin. – Venezia: Edizioni Ca' Foscari, 2017. – P. 17–41. – DOI: 10.14277/978-88-6969-201-7/EUR-8. – Mode of access: http://edizionicafoscari.unive.it/media/pdf/books/978-88-6969-212-3/978-88-6969-212-3.pdf (дата обращения: 12.09.2018). Книга распространяется на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International.
36. *Kappeler A.* Rußland als Vielvölkerreich: Entstehung – Geschichte – Zerfall. – 2. durchgesehene Aufl. – München: C.H. Beck, 1993. – 395 S.: Ill. Рус. перевод: *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 342 с.
37. *Plokhy S.* The City of Glory: Sevastopol in Russian historical mythology // Journal of contemporary history. – L., 2000. – Vol. 35, N 3. – P. 369–383.
38. *Wertmeier F.* Durch Ukraine und Krim. – Stuttgart: Franckh, 1918. – 148 S.: Ill.

М.М. Минц

СПЕЦСЛУЖБЫ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ (Обзор)

В число активно изучаемых в настоящее время вопросов, относящихся к истории Гражданской войны в России, безусловно входит и история спецслужб. Это неудивительно, поскольку именно в Гражданскую войну не только были созданы советские вооруженные силы, но и начал формироваться карательный аппарат новой власти в лице ВЧК, которую руководство современной ФСБ РФ до сих пор официально рассматривает как предшественницу своего ведомства[1]. В этот же период начинается история органов советской разведки и контрразведки: к концу войны уже существовали и Разведывательный отдел Штаба РККА – предшественник современного Главного управления Генерального штаба (до 2010 г. – Главное разведывательное управление, ГРУ), и Особый отдел Секретно-оперативного управления ВЧК – ныне Департамент военной контрразведки ФСБ (ДВК), и Иностранный отдел (ИНО) ВЧК – предшественник созданного в 1954 г. Первого главного управления КГБ, реорганизованного в 1991 г. в самостоятельную Службу внешней разведки России. Исследователи, однако, наибольшее внимание до сих пор уделяют именно ВЧК и ее местным органам, тогда как другие секретные ведомства по-прежнему остаются в тени (1, с. 5).

Собственные спецслужбы создавали и белые правительства. Так же как и советские органы разведки и контрразведки, они формировались фактически с нуля, что обусловило довольно низкий даже по тем временам уровень профессионализма. В этом отношении противоборство между советскими и белогвардейскими спец-

[1] См. ФСБ РФ. – Режим доступа: http://www.fsb.ru/fsb/history.htm (дата обращения: 15.07.2018).

службами осуществлялось более или менее на равных, тем интереснее проследить его ход и проанализировать результаты. Изучение истории белогвардейских спецслужб осложняется серьезными лакунами в источниковой базе, поскольку большое количество документов, судя по всему, либо погибло, либо было вывезено из России в ходе отступления белых (2, с. 27). Сохранившийся массив источников тем не менее довольно обширен.

Рассмотрим подробнее три монографии, вышедшие в последние годы и посвященные описанной выше проблематике. В книге Н.С. Кирмеля и В.Г. Хандорина «Карающий меч адмирала Колчака» (2) описывается история контрразведки армии А.В. Колчака, включая не только военную контрразведку, но и так называемую государственную охрану, т.е. политическую полицию. Последняя при Колчаке, как и в дореволюционной России, подчинялась не военному ведомству, а Особому отделу Департамента милиции МВД; термин «милиция» был введен еще Временным правительством и в Гражданскую войну применялся по обе стороны фронта. Особое внимание в книге уделяется анализу деятельности спецслужб армии Колчака в сравнении со спецслужбами других белых правительств, а также большевистскими. Хронологически исследование охватывает период с ноября 1918 по январь 1920 г., т.е. с прихода Колчака к власти в Сибири и до окончательного краха возглавлявшегося им государственного образования. Источниковую базу работы составили документы ГАРФ, РГВА, РГВИА и ряда региональных архивов, опубликованные документы, периодические издания изучаемого периода (как белогвардейские, так и большевистские), мемуары. Поскольку белогвардейцы, в отличие от большевиков, при организации собственной контрразведки и политической полиции использовали и дореволюционный опыт, авторы привлекают также источники, возникшие в предшествующие годы. Книга опубликована как научно-популярное издание, но по структуре и содержанию является оригинальным научным исследованием.

Особый интерес авторов именно к спецслужбам Колчака обусловлен несколькими причинами. Во-первых, под руководством адмирала действовало самое крупное из военно-государственных образований, созданных белыми в годы Гражданской войны. Во-вторых, на протяжении 1919 г. Колчак признавался всеми антибольшевистскими силами в качестве верховного правителя России, и это оказало влияние на его деятельность и решения, которые рассматривались как образец для других белых правительств. При этом

из всех белогвардейских диктаторов именно Колчак наиболее последовательно опирался на дореволюционный опыт, что выразилось не только в разделении функций военной контрразведки и политической полиции между двумя разными ведомствами, но и в активном привлечении на службу бывших жандармов. На других территориях, контролировавшихся белогвардейцами, контрразведка и политический сыск, как правило, объединялись в одном ведомстве, а к бывшим офицерам царской жандармерии многие лидеры белых, например А.И. Деникин, относились с опаской, что значительно снижало эффективность спецслужб.

Структура книги выстроена по тематическому принципу и включает в себя введение, три раздела, заключение и приложения. В первом разделе описывается процесс формирования органов контрразведки. Собственно военная контрразведка в России была создана незадолго до Первой мировой войны и отличалась крайней децентрализацией, что серьезно затрудняло ее работу; этот же недостаток был характерен и для созданной по ее образцу белогвардейской контрразведки. Ситуацию усугубляли постоянные трения между различными органами и ведомствами, нехватка денег и опытных кадров. Для борьбы с большевистским подпольем белым пришлось восстанавливать и систему политического сыска, которым в царской России занимались охранные отделения, ликвидированные в 1917 г. Быстрый разгром армии Колчака красными не позволил довести эту работу до конца. Кроме того, вновь создававшаяся служба государственной охраны, как и до революции, подчинялась МВД, что предопределяло дальнейшие проблемы с организацией взаимодействия между нею и военной контрразведкой. Тенденция к созданию единой спецслужбы, которая включала бы в себя и разведку, и контрразведку, и политическую полицию, на восточных окраинах России наметилась лишь в самом конце Гражданской войны, в 1921–1922 гг.

Кадровая политика правительства Колчака анализируется во втором разделе. Основной костяк центрального аппарата как в военной контрразведке, так и в государственной охране составили бывшие офицеры Особого корпуса жандармов. На низовом уровне, однако, ситуация была гораздо сложнее, здесь бóльшая часть личного состава не имела специального образования. Созданные весной 1919 г. краткосрочные курсы не позволяли в полной мере решить эту проблему.

После окончания Гражданской войны большинство сотрудников контрразведки и государственной охраны вынуждены были

покинуть Россию, не без оснований опасаясь репрессий со стороны новой власти. Многие рассчитывали продолжать борьбу с большевизмом и далее, но на деле оказались почти не востребованными, поскольку лидеры белой эмиграции не осознавали истинную ценность их профессиональных знаний и навыков. За очень небольшим исключением бывшим контрразведчикам пришлось перебиваться случайными заработками, не имевшими никакого отношения к их прежней работе.

Третий раздел посвящен практической деятельности органов контрразведки. Важнейшим ее направлением было противодействие большевистскому подполью в тылу. Авторы показывают, что контрразведка в целом довольно успешно ликвидировала многочисленные подпольные группы, пользуясь непрофессионализмом их участников, но так и не смогла разорвать связь между местным подпольем и основной территорией Советской России (одной из причин было отсутствие сплошного фронта). Вкупе с массовым недовольством политикой белых это приводило к тому, что на месте разгромленных подпольных групп быстро возникали новые. Еще сложнее протекала борьба с эсеровским подпольем. Пока армии Колчака продолжали успешно наступать, контрразведке в общем удавалось сдерживать его активность, но осенью 1919 г. ситуация довольно быстро вышла из-под контроля. Борьба с советской разведкой велась с переменным успехом; попутно контрразведка пыталась противодействовать и разведывательным операциям союзников. Отдельным направлением было изучение настроений населения. Как показывают проанализированные авторами документы, офицеры контрразведки хорошо понимали и масштабы недовольства, и его причины. Полученная информация регулярно докладывалась правительству, но на серьезные реформы Колчак так и не решился.

В приложениях к книге приводятся штаты различных подразделений контрразведки, а также краткие биографические сведения о ее офицерах и служащих, составленные по соответствующей секретной брошюре, изданной ОГПУ в 1930 г.

По заключению авторов, определяющее влияние на эволюцию колчаковских спецслужб оказала природа антибольшевистского движения в целом. Его лидеры считали себя не вправе рассматривать вопрос о будущем государственном устройстве России до окончания борьбы с красными, поэтому в своем собственном государственном строительстве на подконтрольных им территориях они по возможности старались опираться на законодатель-

ную базу и организационный опыт дореволюционного периода, что нередко приводило к простому копированию прежних организационных структур со всеми их достоинствами и недостатками и не соответствовало принципиально новым условиям Гражданской войны. В наибольшей степени это относилось к военно-диктаторским режимам, сменившим «демократическую контрреволюцию» в конце 1918 г., в том числе и к режиму Колчака. Именно некритическое отношение к дореволюционному опыту привело в числе прочего к децентрализации военной контрразведки. Служба государственной охраны начала создаваться уже после прихода Колчака к власти, поскольку демократические правительства Комуча и Уфимской директории считали воссоздание политического сыска недопустимым; как следствие, ее формирование так и не было доведено до конца. Своевременные донесения контрразведки о настроениях населения не заставили правительство Колчака изменить свой политический курс, а побороть растущее недовольство правящим режимом собственными силами спецслужбы были не в состоянии. Их деятельность, таким образом, дала лишь половинчатый результат, что стало в конце концов одной из причин поражения армии Колчака.

Тему продолжает книга Н.С. Кирмеля и О.В. Шинина «Красные против белых» (3), в которой описываются становление, организация и основные направления деятельности советских и белогвардейских спецслужб во время Гражданской войны. Особое внимание при этом уделяется органам политического сыска на Востоке и Юге России – государственной страже и государственной охране, которые, в отличие от контрразведки колчаковского и деникинского режимов, до сих пор изучались крайне мало. Хронологически период Гражданской войны авторы определяют достаточно широко, включая в это понятие не только широкомасштабные боевые действия в 1918–1920 гг., но и локальные бои конца 1917 – начала 1918 г. и завершающие операции на окраинах бывшей Российской империи в 1921–1922 гг.

В своей работе авторы использовали документы ГАРФ, РГВА, РГАСПИ, РГВИА (дореволюционный фонд Главного управления Генерального штаба), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока и государственных архивов Приморского и Хабаровского краев, а также опубликованные документы, законодательные источники, публицистику изучаемого периода, источники личного происхождения.

Книга состоит из введения, двух глав (частей) и заключения. В первой главе рассматриваются организационная структура спецслужб противоборствующих сторон, правовые основы их деятельности, кадровая политика. Вторая глава посвящена основным направлениям работы советских и белогвардейских спецслужб, включая разведку, контрразведку, борьбу с бандитизмом и подпольем, контроль за настроениями в обществе, обеспечение безопасности войск, борьбу с экономической преступностью.

Проведенное исследование в общем подтвердило основные выводы, сделанные Кирмелем и Хандориным на материале армии Колчака. Деятельность большевиков по организации собственных спецслужб оказалась в целом эффективнее, чем аналогичные усилия, предпринимавшиеся их противниками. Противопоставив себя дореволюционной России, они получили возможность сочетать опыт прошлого и собственные нововведения. Это выразилось прежде всего в создании ВЧК как единой централизованной службы, подчиненной непосредственно СНК РСФСР и выполнявшей одновременно функции разведки, контрразведки и политического сыска. Данные организационные принципы обусловили и могущество ОГПУ – НКВД – МГБ – КГБ в последующие годы. Что касается белогвардейцев, то правительством Деникина на Юге России были допущены те же ошибки, что и правительством Колчака в Сибири: спецслужбы строились по дореволюционной модели, с разделением функций между различными подразделениями армейского аппарата и МВД, это приводило к распылению сил и провоцировало конкуренцию между ведомствами. Необходимость создания единой централизованной спецслужбы по образцу ВЧК была осознана лишь в самом конце Гражданской войны, когда время было уже упущено.

Кадровую политику обеих сторон отличал «классовый» подход: при формировании ВЧК предпочтение отдавалось коммунистам, в белогвардейских спецслужбах – офицерам, что обусловило крайне низкий профессиональный уровень и тех и других. С этим, в частности, были связаны неудачи, особенно у белогвардейцев, в противодействии иностранным разведкам, укомплектованным более опытными кадрами. По-настоящему успешно разведка и контрразведка как красных, так и белых могли бороться только друг с другом.

Отслеживанием настроений населения занимались спецслужбы обеих сторон, однако на «белых» территориях эта информация осталась по существу невостребованной, поскольку антибольшевистские правительства оказались не готовы к проведению широких социаль-

ных преобразований. Советское руководство, наоборот, достаточно внимательно изучало информацию, поступавшую от ВЧК, и использовало ее в выработке собственной политики.

Вместе с тем авторы не склонны преувеличивать роль спецслужб в Гражданской войне, отмечая, что поражение антибольшевистских сил было обусловлено иными факторами. Опыт изучаемой эпохи свидетельствует, по их мнению, скорее о том, что слабая государственная власть не способна в полной мере использовать возможности собственных спецслужб. У советского руководства, в отличие от белых правительств, имелись для этого необходимые ресурсы, что позволило ВЧК достаточно эффективно защищать большевистский режим.

История советской военной разведки и контрразведки во время Гражданской войны подробно описывается в книге С.С. Войтикова «Советские спецслужбы и Красная армия, 1917–1921 гг.» (1). Исследование основано на обширной источниковой базе, автор проанализировал в общей сложности 36 архивных фондов в РГВА, РГАСПИ и в Центральном государственном архиве общественно-политической истории Москвы. Из опубликованных источников в книге используются различные сборники документов, воспоминания советских военных и политических деятелей, материалы периодической печати, а также отдельные научные труды по разведке, подготовленные сотрудниками советских и иностранных спецслужб в первые годы после окончания Первой мировой и Гражданской войн.

Книга состоит из введения, десяти глав, объединенных в три части, и краткого заключения. В первой части описывается процесс создания советских спецслужб и подготовки первого поколения их сотрудников. Вторая часть посвящена становлению и развитию органов военной разведки, третья – контрразведки. Основное внимание автор уделяет эволюции организационной структуры и кадрового состава спецслужб. Каждая глава сопровождается подборкой документов, в большинстве своем ранее не публиковавшихся (объем документального материала сопоставим с объемом авторского текста).

Строительство советских органов военной разведки и контрразведки началось в 1918 г. Важную роль в этой работе сыграл Оперативный отдел Наркомата по военным делам, сформированный весной того же года на базе оперативного отдела штаба Московского военного округа. Функции Оперода Наркомвоена непрерывно расширялись: по оценке автора, он стал первым центральным советским военным органом, отвечавшим за формирование и снабжение частей

Красной армии, оперативное руководство войсками и организацию спецслужб, а его подробная история еще ждет своего исследователя. Структура Оперода включала в себя целый ряд отделений, в том числе разведывательное и отделение военного контроля (контрразведка). Должность начальника Оперода занял большевик (в прошлом меньшевик) С.И. Аралов (официально считается первым руководителем ГРУ), однако ключевую роль в формировании армейских спецслужб сыграл бывший капитан Генерального штаба Г.И. Теодори, назначенный в мае консультантом оперативного отделения, а в сентябре – начальником штаба Оперода.

Поскольку кадры царской армии к работе во вновь создаваемых советских спецслужбах почти не привлекались, их личный состав по большей части не имел никакой специальной подготовки (за исключением бывших революционеров-подпольщиков). Для решения этой проблемы усилиями Теодори и под его руководством в конце 1918 г. были созданы Курсы разведки и военного контроля, которые сам Теодори не без оснований называл единственными в своем роде в мире.

На протяжении большей части 1918 г. советская разведка действовала крайне неэффективно. Тому было несколько причин, включая кадровый голод и фактическое свертывание прежних органов центрального военного управления зимой 1917–1918 гг. Сказалось и отсутствие необходимой подготовки и опыта у самого Теодори и других офицеров Генерального штаба, принимавших участие в создании Оперода. Кроме того, агентурная разведка вплоть до осени была рассредоточена по крайней мере в трех разных ведомствах. Помимо Оперода Наркомвоена собственными разведывательными подразделениями («унаследованными» от старой армии) обладали Всероссийский главный штаб и Высший военный совет, отдельную агентурную сеть «самовольно» формировал штаб Московского военного округа. Чтобы упорядочить эту работу, 5 ноября 1918 г. Реввоенсовет республики (РВСР) принял решение сформировать в структуре своего Полевого штаба единое Регистрационное управление на базе соответствующих подразделений Оперода Наркомвоена (расформирован приказом от 1 ноября); годовщина этого решения до сих пор отмечается в России как День военной разведки. Первоначально в состав Регистрационного управления входили три отдела: агентурный (разведка), военно-контрольный (контрразведка) и военно-цензурный.

После передачи военной контрразведки в начале 1919 г. в структуру ВЧК Регистрационное управление сосредоточилось в ос-

новном на разведывательной работе. Теодори 22 марта был арестован по обвинению в шпионаже; истинной причиной был его давний конфликт с начальником Особого отдела ВЧК М.С. Кедровым. Проведя в тюрьме почти два года, он был освобожден в январе 1921 г., но без права занимать должности в РККА (впоследствии какое-то время работал в Штабе РККА на второстепенных должностях, к моменту нового ареста в 1937 г. – начальник кафедры Государственного центрального института физкультуры, расстрелян в 1937 г., реабилитирован в 1957 г.).

В июне 1919 г. Регистрационное управление было выведено из структуры Полевого штаба и подчинено непосредственно РВСР. Летом-осенью в Полевом штабе и Регистрационном управлении была проведена масштабная чистка, из штата разведки удалены практически все «военспецы» (впоследствии привлекались к работе на второстепенных должностях из-за нехватки подготовленных сотрудников-коммунистов). Важную роль в этой чистке сыграл вновь назначенный временно исполняющим должность заместителя начальника Регистрационного управления Т.П. Самсонов, ранее отчисленный Теодори с Курсов разведки и военного контроля. Ему же, однако, удалось в дальнейшем заметно повысить эффективность разведки, поскольку его собственный опыт подпольной работы был гораздо обширнее, чем у его оппонентов – офицеров Генерального штаба. Со временем советской разведке удалось добиться ряда серьезных успехов, особенно в ходе советско-польской войны 1920 г. Тем не менее и в этот период сохранялась несогласованность действий между войсковой, агентурной и радиоразведкой, разведкой и контрразведкой, что сказывалось и на качестве добываемой информации, и на сроках ее поступления в распоряжение военного командования и политического руководства. Возможности разведки ограничивала и нехватка средств. В 1921 г., в ходе общего сокращения штатов Красной армии и ее центрального аппарата после окончания крупномасштабных боевых действий, Полевой штаб РВСР был объединен с Всероссийским главным штабом в единый Штаб РККА. В его структуру было передано и Регистрационное управление, переименованное в Разведывательное (в 1922 г. преобразовано в отдел). В таком виде стратегическая разведка вступила в мирный период.

Военную контрразведку Красная армия, как и разведку, «унаследовала» от царского военного ведомства. К лету 1918 г. контрразведкой занимались пять различных органов: Регистрационная служба Военно-статистического отдела Оперативного управления Всерос-

сийского главного штаба, Регистрационная служба при Оперативном управлении Высшего военного совета, Морская регистрационная служба (Регистрационная служба Морского генерального штаба), Отделение военного контроля Оперода Наркомвоена и ВЧК. Из них первые три являлись преемниками соответствующих дореволюционных служб и ориентировались, как и раньше, в основном на противодействие иностранным разведкам. Личный состав этих органов состоял в основном из бывших офицеров старой армии, которые по-прежнему считали большевиков немецкими агентами, так что на практике эти службы работали не столько в интересах нового правительства, сколько против него (несмотря даже на наличие комиссаров). ОВК Оперода Наркомвоена, напротив, формировалось прежде всего для борьбы с антибольшевистскими силами на территории самой России, причем возглавивший это отделение в июле 1918 г. М.Г. Тракман, не доверяя «военспецам», укомплектовал его исключительно коммунистами (в том числе своими бывшими соратниками по подпольной работе) и с самого начала стремился к максимальной независимости от руководства Оперода.

Что касается ВЧК, то в число ее функций контрразведка включалась с момента ее создания. Для выполнения этой задачи 29 июля 1918 г. в составе Отдела ВЧК по борьбе с контрреволюцией был образован Военный подотдел, реорганизованный позже в Военный отдел ВЧК. Его первым начальником стал М.С. Кедров – амбициозный старый большевик, соратник Ленина по эмиграции. Пользуясь неэффективностью армейских отделов военного контроля на всех уровнях, чекисты со временем сумели завоевать большее доверие политического руководства. Еще 16 июля 1918 г. на Восточном фронте после измены начальника фронтового военного контроля Фраермана была создана фронтовая ЧК. К концу года «фронтовые, флотские и армейские ЧК были созданы почти во всей действующей армии» (1, с. 418). На этом фоне зимой 1918–1919 гг. Кедрову удалось добиться перевода органов военного контроля в подчинение ВЧК. Сыграло свою роль и недовольство Троцкого деятельностью армейской контрразведки.

В результате длительных межведомственных баталий Военный отдел ВЧК и Отдел военного контроля Регистрационного управления Полевого штаба РВСР были объединены в Особый отдел ВЧК во главе с Кедровым. Ему подчинялись особые отделы на местах, также созданные на базе прежних органов чекистской и армейской контрразведки. Кедров стремился к максимальной автономии Особого отдела не только от РВСР, но и от руководства

самой ВЧК, что вызывало недовольство как Троцкого, так и Дзержинского, тем более что со временем стало очевидно, что неподконтрольность Особого отдела только вредит работе. 18 августа 1919 г. Особый отдел возглавил сам Дзержинский.

Важным направлением работы особых отделов на местах в 1919–1920 гг. являлась борьба с бандитизмом, помимо войск ВЧК к ней привлекались и части Красной армии. С лета 1919 г. Особый отдел ВЧК начал вести разведывательную и диверсионную работу в белогвардейском тылу. В 1920 г., с началом советско-польской войны, в его структуре было создано Иностранное отделение. Первоначально оно занималось агентурной разведкой на территории, оккупированной польскими войсками, но получило право также направлять агентов за пределы РСФСР. Отделение работало неэффективно, поэтому было решено развернуть его в самостоятельный отдел (ИНО ВЧК), что и было сделано 20 декабря 1920 г. Осенью 1919 г. на Особый отдел были возложены функции по охране прифронтовой полосы, а в ноябре 1920 г. – также охрана границ (фактически стала налаживаться лишь в январе-феврале 1921 г.).

Самостоятельность Особого отдела впервые была серьезно ограничена в январе 1920 г., когда его бюджет объединили с общим бюджетом ВЧК. Год спустя, в январе 1921 г. на базе ранее существовавшего Секретно-оперативного отдела ВЧК (политический сыск) было сформировано одноименное управление, в состав которого был включен и Особый отдел. Начальником Секретно-оперативного управления и Особого отдела стал В.Р. Менжинский. Это означало окончательное слияние Особого отдела с основным аппаратом ВЧК.

Список литературы

1. *Войтиков С.С.* Советские спецслужбы и Красная армия, 1917–1921 гг. – М.: Центрполиграф, 2017. – 575 с.: ил.
2. *Кирмель Н.С., Хандорин В.Г.* Карающий меч адмирала Колчака. – М.: Вече, 2015. – 319 с.: ил.
3. *Кирмель Н.С., Шинин О.В.* Красные против белых: Спецслужбы в Гражданской войне 1917–1922. – М.: Вече, 2016. – 479 с.: ил.

Ливен Д.

ИНОСТРАННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ДЛИТЕЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ (Реферат)

Lieven D. Foreign intervention: the long view // Was revolution inevitable? Turning points of the Russian revolution / Ed. by T. Brenton. – Oxford: Oxford univ. press, 2017. – P. 11–28.

В статье профессор Кембриджского университета Доминик Ливен обращается к проблеме международного влияния на события и исход революции 1917 г. и Гражданской войны в России. Автор отмечает, что отношение к этой проблеме во многом зависит от того, как исследователь оценивает саму революцию, точнее – ее неизбежность и «обязательность» для русской истории XX в. За прошедшие сто лет после 1917 г. оформились две крайние точки зрения на этот вопрос – автор условно называет их «оптимистической» и «пессимистической». Сторонники первой точки зрения полагают, что конституционный режим, установленный в 1906–1914 гг., ознаменовал переход России к западной либеральной демократии – шаг, который закончился бы успехом, не вмешайся царское правительство в Первую мировую войну, предоставив таким образом Ленину исторический шанс воплотить свои замыслы в жизнь. Пессимисты, со своей стороны, считали, что царизм был обречен вне зависимости от внешних обстоятельств.

Ливен, по его собственному признанию, склонен считать, что русская демократия того времени была обречена. Россия к 1900 г. была «большой многонациональной империей, одной из господствовавших в тогдашнем мире». Ни одна из этих империй не сохранилась и, более того, не исчезла без серьезного внутреннего конфликта. Кроме того, Россия находилась на «более бедной

и менее развитой периферии Европы, где средний класс был слабее, а собственность была в меньшей безопасности, чем в центре континента» (с. 12). Внутренняя слабость и неустойчивость могли быть не столь заметны в периоды стабильности на международной арене и в относительно благоприятных экономических условиях. Однако, считает Ливен, от мира рубежа XIX – начала XX в. наивно было ждать долговременной стабильности. Экономические противоречия между великими державами еще могли решаться за столом переговоров, но подъем национализма на европейских окраинах оставлял всё меньше пространства для дипломатических маневров. Призывы к возврату «исконных земель» и к защите «братьев» в конце концов привели к Первой мировой войне. В этом смысле, считает Ливен, внешнее влияние на внутренние события было неизбежно для всех многонациональных империй, включая Россию.

Победа большевиков в борьбе за власть уже сама по себе показывает значение «внешнего фактора» и иностранного вмешательства. По мнению Ливена, невозможно представить, чтобы европейские великие державы в мирное время «позволили бы любому российскому режиму выйти из системы международных отношений», сделав при этом Россию «центром мировой социалистической революции» и отказав в выплате огромного внешнего долга (с. 12). Не преуменьшая организаторские способности и полководческие таланты большевиков, Ливен всё же считает, что в условиях мира бывшие союзники России в войне провели бы «поход против большевизма» более организованно и успешно.

Менее исследованным, но не менее важным остается вопрос о стратегии и возможных путях германской интервенции на территории бывшей Российской империи. В отличие от интервенции держав Антанты, германское вмешательство имело определенную историческую подоплеку. Во время революции 1905–1907 гг. в Берлине всерьез обсуждалась идея ввести войска в остзейские губернии России для «защиты» немецких баронов от крестьянских бунтов. Против выступил канцлер Б. фон Бюлов, видевший в интервенции путь для укрепления новой революционной власти в России, как это произошло во Франции в 1792–1793 гг. По мнению Ливена, если бы русская монархия пала в 1905 г., то Германия, «вероятно, провела бы интервенцию, которая, возможно, помогла бы контрреволюции в России» (с. 25). Оставшись в стороне, Берлин еще рассчитывал на то, что царь и его окружение пойдут на новое сближение и откажутся от союза с Францией. Однако франко-

русский союз только укреплялся, а в 1907 г. к нему фактически присоединилась и Англия. Последние надежды на соглашение исчезли в 1915 г., когда даже тяжелые поражения на фронте не склонили Николая II к сепаратным переговорам с Германией. С этого времени Берлин окончательно сменил тактику, «прилагая все усилия для содействия революции в России».

Последствия такого шага были явно недооценены: русская революция стала важнейшим катализатором Ноябрьской революции и, таким образом, лишь ускорила поражение Германии в мировой войне. Стратегические последствия германской революции были для большевиков огромны, так как исчез их главный соперник в борьбе за западные регионы бывшей Российской империи. Со своей стороны, державы Антанты и после окончания войны не сумели (и не захотели) усилить интервенцию в Россию. Освободившись от прямого давления врагов внешних, большевистский режим получил «решающий год» для борьбы с врагами внутренними. Вероятно, пишет Ливен, это был «самый важный фактор в победе большевиков в Гражданской войне». Иностранное вмешательство в мирное время и при активной поддержке сильнейшей континентальной державы – Германии – не дало бы такой передышки. Ливен полагает, что в этом случае не только большевистское, но и любое другое «левое» правительство не смогло бы долго удержаться у власти и сменилось бы коалициями, а вполне вероятно – и диктатурой контрреволюционных сил.

Проанализировав возможности для иностранного вмешательства в русскую революцию, автор приходит к выводу, что этот фактор до сих пор недооценивается в историографии. Более организованная интервенция могла нивелировать все преимущества большевиков над их противниками внутри России. Это, в свою очередь, ставит под сомнение тезис о неизбежности победы большевиков в Гражданской войне. Отсутствие реального давления извне стало для Советской России, по сути, счастливым обстоятельством, позволившим ей окрепнуть, а через несколько лет – практически полностью восстановить дореволюционные границы России. Если европейские державы стремились к ослаблению России вне зависимости от политического строя внутри ее, то потерпели двойное фиаско, так как помимо фактической реинкарнации русской империи они допустили ее выход из сферы своего влияния и утверждение там враждебно настроенного к Западу правительства.

И.К. Богомолов

В.С. Коновалов

ПРЕТЕНДЕНТЫ НА ЛИДЕРСТВО: БОЛЬШЕВИСТСКИЕ ВОЖДИ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ (Обзор)

В годы Гражданской войны не только раскрывались выдающиеся способности лидеров, но и обострялась борьба амбиций. Рассмотрим несколько работ, авторы которых исследуют личностные характеристики руководителей советского государства и военачальников Красной армии этого периода.

В книгах С.С. Войтикова (1; 2) анализируется эволюция двух ключевых институтов советской политической системы: ЦК РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) – КПСС, с одной стороны, и Совета народных комиссаров (с 1946 г. Совета министров) – с другой. Рассматривается также история создания и становления двух высших чрезвычайных органов Советской России – Революционного военного совета Республики и Совета рабочей и крестьянской обороны в 1918–1920 гг. Показано их взаимодействие, а также трения и конфликты между ними. Большое внимание автор уделяет борьбе за власть между лидерами большевиков: Лениным, Троцким, Я.М. Свердловым, Сталиным. В.А. Матвеев (3) рассматривает эту борьбу как проявление бонапартизма. Книга А.В. Шишова (4) насыщена не только биографическими сведениями о 23 командирах Красной армии и краткими описаниями боевых операций, в которых они принимали участие. Автор раскрывает, чем руководствовались люди разного социального положения, культуры, образования, вступая в ряды РККА и стремясь достигнуть высоких командных должностей. Он обращает внимание и на то, как ожесточение войны не только формировало стойкость характеров, но искажало и деформировало личность, успехи кружили голову и порождали чрезмерные амбиции.

После Октябрьской революции, пишет Войтиков, в Советской России сложилось два реальных центра власти – большевистский ЦК и Совет народных комиссаров. У двух властных центров не было четко выраженной специализации, к тому же оба органа проводили назначения как на советские, так и на партийные должности (2, с. 31). В условиях Гражданской войны наиболее секретные вопросы, связанные с основными направлениями внешней и внутренней политики, были сосредоточены в руках Политбюро. Совет народных комиссаров осуществлял социалистическое строительство, которое во время войны по определению не могло быть приоритетным направлением в повестке дня партийно-государственной машины (2, с. 38).

По мнению Войтикова, в историографии не обращается внимание на важное обстоятельство: формируя Совет народных комиссаров и оказывая давление на видных большевиков, в том числе даже делегатов всероссийских съездов советов, Ленин постарался, насколько это было возможно, «развести» старых революционеров между СНК и ЦК, с тем чтобы иметь возможность проведения своей политической линии через любой из этих органов (2, с. 21). Обладавший феноменальной работоспособностью, Ленин, по мнению Войтикова, успешно решал вопросы в обеих властных институциях. Вождю, полагает автор, было выгодно балансировать между ЦК с надстройкой в виде Политбюро, с одной стороны, и Совнаркомом – с другой (2, с. 35).

Войтиков считает, что такое поведение Ленина было не только проявлением маниакального честолюбия, но и вполне обоснованным опасением того, как бы кто-то из соратников ни возомнил себя Бонапартом, что было бы губительным для «дела революции». Поэтому Ленин старался, чтобы большинство членов Совнаркома составляли предельно лояльные ему люди, без лидерских замашек.

Особенное беспокойство в этой связи вызывал у Ленина Троцкий. Но поскольку, подчеркивает Войтиков, персональный состав высшего военного руководства определялся исключительно Советом народных комиссаров, то фактически Троцкий не сам подбирал себе непосредственных подчиненных, этим занимался Ленин. В ситуации 1918 г., уверен Войтиков, ленинский ход был абсолютно оправдан: едва добившись назначения наркомом по военным делам, Троцкий поставил в правительстве вопрос об установлении своей диктатуры. «СНК, мягко говоря, нескромное предложение Троцкого отклонил, однако Мефистофель революции от своих амбициозных планов отнюдь не отказался» (1, с. 81). Ленин полностью воспринял тезисы

Свердлова о «республике в кольце фронтов», решив использовать их для изящной аппаратной нейтрализации Троцкого (1, с. 99). «Направляя видных большевистских и советских деятелей […] на Восточный фронт», Ленин всё же «помимо военных, давал им и политическое поручение, а именно: внимательно следить за действиями своего “неосторожного друга” – Л.Д. Троцкого» (1, с. 86). «В Высшем военном совете Троцкий был окружен рядом партийцев из второго и третьего эшелона большевистской верхушки, а также генералом М.Д. Бонч-Бруевичем с одной-единственной целью – не допустить военный переворот» (1, с. 81). Для Войтикова очевидно, что такая кадровая политика, хотя и была направлена на противодействие установлению военной диктатуры, но грозила серьезным ослаблением армии. В данном контексте ему представляется несостоятельным вывод Д.А. Волкогонова, прочно вошедший в новейшую историографию советского военного строительства, о том, что «Троцкий оказывал большое влияние на расстановку, выдвижение и перемещение военных кадров» (цит. по: 1, с. 115).

Ранение Ленина и поддержка со стороны Свердлова, считает Войтиков, дали Троцкому реальный шанс укрепить свои позиции во власти. Несомненно, по его мнению, Троцкий оказался на этом этапе весьма полезен в ведении собственной политической игры Свердлову, однако у последнего в то же время были все основания опасаться соратника.

1 сентября, пишет Войтиков, через день после ранения Ленина, Троцкий издал приказ, «направленный на ликвидацию независимости от него как высшего руководителя Красной армии Реввоенсовета Восточного фронта, члены которого назначались лично В.И. Лениным и ему же и подчинялись». Однако он не учел, что вставший в условиях ранения основателя партии у руля партийного и государственного механизма Свердлов будет неуклонно продолжать ленинскую кадровую политику в военном ведомстве (1, с. 93). «Прекрасно зная бонапартистские замашки Л.Д. Троцкого, Я.М. Свердлов изначально действовал в строгом соответствии со стратегическим замыслом В.И. Ленина по ограничению возможностей потенциального Бонапарта» (1, с. 112). Верный ленинской политике «разделяй и властвуй», Свердлов, для того чтобы Троцкий «из формального диктатора не превратился в фактического, назначил к нему лично преданных В.И. Ленину людей, с которыми у главы военного ведомства уже были безнадежно испорчены отношения» (1, с. 114).

После выздоровления Ленин, обнаружив, что и Свердлов претендует на статус диктатора, приложил немало усилий, чтобы возвратить себе власть. Грамотно играя на противоречиях внутри большевистской верхушки, Ленин всего за полтора месяца почти полностью нейтрализовал властный тандем Свердлова и Троцкого.

Катализатором возвращения на круги своя стала постановка над Революционным военным советом Республики еще одного органа – Совета рабочей и крестьянской обороны. С точки зрения партийной традиции он являлся «узким составом» СНК РСФСР, а в плане государственного строительства – «вторым после Реввоенсовета Республики внеконституционным высшим государственным органом управления РСФСР и второй (после Временного исполнительного комитета Совнаркома) руководящей комиссией советского правительства. Компактный Совет Обороны фактически перетянул часть функций ленинского же правительства. Партийцам продемонстрировали, что власть вновь в руках основателя и признанного лидера большевистской партии» (1, с. 370). Тем самым Ленин, по мнению Войтикова, остался верен тем принципам, на которых он выстраивал советскую политическую систему с октября 1917 г.: ни один из видных членов ЦК его партии не допускался к регулярной работе в Совете обороны как высшем государственном органе.

Создание Совета обороны, отмечает Войтиков, затормозило ведомственное раздирание правительства, хотя значительных успехов в этой области достигнуть не удалось. Ленин даже был «вынужден признать, что каждое ведомство действовало, будто и не было военного времени» (2, с. 32).

Ленин, пишет Войтиков, четко осознавал, что «в одиночку со Свердловым и Троцким ему не совладать». Естественным союзником в борьбе с данным тандемом из лидеров ЦК для него был Сталин. «Взаимная неприязнь Троцкого и Сталина к моменту их “совместной” военной деятельности в 1918 году продолжалась уже 15 лет» (1, с. 146). Ленин, в том числе руками Сталина, по сути превратил и без того значительную группировку недовольных в настоящую оппозицию, которая, несомненно, смела бы Троцкого, если бы не «загадочная испанка» у Свердлова.

В политическим плане, полагает Войтиков, серьезно подорвала авторитет Троцкого и способствовала установлению контроля правящей партии над Красной армией военная дискуссия на VIII съезде РКП(б) 1919 г., по итогам которой было создано Политическое управление РВС Республики. Всего в годы Гражданской войны возникло несколько совместных партийно-государственных

органов, что явилось первым этапом сращивания партийного и государственного аппарата, важным шагом в становлении советской политической системы. Это было важным, считает Войтиков, и в плане установления контроля ЦК РКП(б) над Троцким и его аппаратом, поскольку армия стала полностью подконтрольна высшему политическому руководству.

Это, по мнению Войтикова, не было каким-то наитием Ленина. Российские социал-демократы прекрасно знали историю Великой французской революции и понимали, что в периоды политической дестабилизации контроль над армией означает обладание властью, а на последнем этапе революции к власти может прийти очередной Наполеон Бонапарт. Поэтому Ленин, у которого конспирология была неотъемлемой частью мышления, организовывал назначения на высшие политические посты в военном ведомстве лично преданных людей, в том числе не имевших никакого отношения к армии. Даже главнокомандующий всеми вооруженными силами Республики беспартийный военный специалист И.И. Вацетис, по мнению Войтикова, не производил впечатления государственно мыслящего человека (2, с. 32).

Такие выводы явно не совпадают с мнением Шишова, считающего командиров Красной армии высокоодаренными людьми, многие из которых, будучи самородками, открыли свои таланты волею случая и до октября 1917 г. не помышляли о военной карьере. И все же большинство из них имели за плечами военные училища, Академию Генерального штаба, школы прапорщиков военного времени. Оба верховных главнокомандующих Советской Республики – И.И. Вацетис и С.С. Каменев – были бывшими полковниками, успешно закончившими Военную академию Генерального штаба.

Все герои книги Шишова Гражданскую войну начинали с командования различными отрядами, полками, бригадами. Среди них были те, кто сразу или почти сразу взлетел на вершины военной власти в самом начале общероссийского «пожара». Это В.А. Антонов-Овсеенко, И.И. Вацетис, П.Е. Дыбенко, С.С. Каменев, Л.Д. Троцкий, М.Н. Тухачевский и В.И. Шорин. Но были, отмечает Шишов, и выходцы из простых семей (О.И. Городовиков, К.Е. Ворошилов, С.С. Вострецов, В.К. Блюхер, С.М. Будённый, В.И. Чапаев, И.Л. Сорокин и др.). Они, хотя и не получили серьезного образования, но, проявив смелость, умение подчинять себе людей, показали себя в качестве инициативных, думающих, умело и профессионально действующих в сложной боевой обстановке командиров.

Не все командиры, пишет Шишов, подобно Троцкому или Тухачевскому, использовали революцию исключительно для удовлетворения своих амбиций. «Диктаторство» Троцкого не раз встречало отпор у командования фронтов. В октябре 1918 г., приводит пример Шишов, на Южном фронте из «подчинения» Троцкому вышли члены Реввоенсовета фронта И.В. Сталин, С.К. Минин и К.Е. Ворошилов (4, с. 189).

Большинство командиров, считает Шишов, вполне искренне отстаивали такие понятные им ценности, как защита первого в мире государства трудящихся, и самоотверженно сражались за светлое будущее в борьбе с прогнившим строем и его приспешниками и тем более с иностранной интервенцией. Для таких, как С.С. Каменев, самым важным было прежде всего сохранение России как государства, укрепление ее военного потенциала. Он, по мнению Шишова, служил в Красной армии как привык служить – добросовестно, честно, был дисциплинирован, но в то же время инициативен, самостоятелен и часто конфликтовал с Троцким и Вацетисом по принципиальным вопросам (4, с. 121). У некоторых командиров, впрочем, явно проявлялись все признаки вождизма.

Матвеев в этой связи отмечает, что в Гражданскую войну в России, так же как и во Франции конца XVIII – начала XIX в., происходила трансформация монархической традиции, проявившаяся в вождизме. Соответствующими качествами непродолжительное время наделялся, например, Керенский. Признаки восстановления монархической традиции проявились, на взгляд Матвеева, и в признании Временного правительства, а затем Совета народных комиссаров. Несмотря на то что действия большевистских лидеров, «не имевших, так же как и в свое время члены Временного правительства, опыта государственного управления, усугубляли состояние революционной дестабилизации» (3, с. 87), «в качестве вождей воспринимались Ленин, Троцкий, Сталин и др. Возвеличивание их оставалось таким же, как и монархов […] На положении вождей в условиях гражданской войны оказывались также комиссары и командиры Красной армии» (3, с. 102). Среди них было немало выдвиженцев из народа, организаторские способности которых раскрылись при каких-либо экстремальных обстоятельствах. Как и в эпоху революционных перемен во Франции, в России обозначилась динамика выдвижений независимо от сословной принадлежности (3, с. 102).

Список литературы

1. *Войтиков С.С.* Узда для Троцкого: Красные вожди в годы Гражданской войны. – М.: АИРО-XXI, 2016. – 432 с.
2. *Войтиков С.С.* История противостояния: ЦК или Совнарком? – М.: Вече, 2018. – 476 с.: ил.
3. *Матвеев В.А.* Красный бонапартизм как разновидность политики и последствия ее проведения на Юге России. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2017. – 184 с.
4. *Шишов А.В.* Красные командиры Гражданской войны. – М.: Вече, 2016. – 311 с.

В.С. Коновалов

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИЯМИ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (Обзор)

В предлагаемом обзоре рассматриваются проблемы, стоявшие перед белыми правительствами и советскими властями в различных регионах России во время Гражданской войны. Авторы всех работ, рассматриваемых ниже, уделяют большое внимание анализу различий в проведении основных политических установок белых администраций и советского правительства.

В книгах А.В. Шмелева (1), А.С. Пученкова (2), В.Б. Лобанова (3) подчеркивается, что зарождение Белого движения происходило в период так называемых «национальных революций», когда окраины откалывались от великорусского центра. Во всех регионах России, отмечают авторы, Белое движение позиционировало себя как общероссийская сила, правопреемник имперской государственной власти, нацеливалось на сохранение единого Российского государства и удержание прерогатив великой державы.

Не случайно лозунг «Единая и неделимая Россия» стал для Белого движения основополагающим. В основу административно-территориального устройства, по мысли белых, должен был быть положен территориальный, а не национальный принцип, как это будет сделано большевиками (1, с. 18, 26, 47; 2, с. 7, 22; 3, с. 296). Однако лозунг этот наталкивался на сильное противодействие государственных новообразований и национальных (зачастую именно националистических) течений. Так, на Юге России, по мнению Пученкова, они видели в деникинцах более опасного врага, чем большевики (2, с. 47).

И национальная, и внешняя политика белых правительств, по мнению авторов, основывалась на общем мировоззрении, основу

которого составили идеи непредрешенчества (непредрешение государственного устройства до созыва Учредительного собрания). Непредрешенчество объяснялось не только традиционными представлениями о неучастии армии в политических спорах и общими настроениями населения. Эта идея должна была сыграть роль национального, объединительного фактора в борьбе с большевиками и выдвигалась в качестве противовеса их политическим декларациям. Решение вопроса о статусе национальных окраин следовало, с позиции белых, отложить на неопределенный срок, и только после окончания Гражданской войны (1, с. 221; 2, с. 17, 26; 4, с. 19). Будучи убеждены, что любое отступление от защиты «вечных русских интересов», территориальной целостности страны ради сиюминутной выгоды неприемлемо, белые исходили из положения, что большевизм – явление преходящее. Для них сфера межнациональных отношений, национальный вопрос отходили на второй план, когда речь шла о подчинении окраин центральной белой власти. Интернационализму большевиков противопоставлялся государственный национализм, ставший ключевой идеей Белого движения. Принципиальная разница в национальной политике непримиримых противников как раз и проявлялась в том, что там, где большевики говорили о самоопределении наций, белые говорили об «изменническом сепаратизме», а само стремление к независимости оценивалось ими как дурное последствие большевизма (1, с. 218; 2, с. 7, 47, 337).

В то же время, подчеркивает Пученков, Деникин и его окружение, стремясь сохранить осколки бывшей Российской империи, готовы были дать окраинам широкую национальную и культурную автономию, но, конечно, в рамках единого государства. Государственный национализм белых отнюдь не предполагал идею национальной исключительности (2, с. 336). Это не означало, однако, что белые умели вести взвешенную, разумную политику по отношению к местному населению во всех регионах, где они в тот момент находились, а это делало их положение крайне неустойчивым.

Поскольку, считают Пученков и Лобанов, белые во внутренней и национальной политике воспринимали себя именно как представители центральной власти, директивы которой на местах должны исполняться беспрекословно, они оказались в положении, когда могли рассчитывать только на силовые методы. Единственным инструментом убеждения являлась армия, олицетворявшая собой всю государственную систему белой России. Таким образом, подчеркивают авторы, белые во многом сами провоцировали обострение отношений. Это, несомненно, ослабляло общий антибольшевистский фронт,

объективно играло на усиление пробольшевистских сил на подконтрольных белым территориях (2, с. 337, 339; 3, с. 450).

По мнению В.Б. Лобанова (3) и В.Ф. Солдатенко (4), в регионах не сдерживаемые уже никем самые различные социальные и этнические группы населения, как и повсюду в революционной России, спешили заявить о своих интересах, что привело к активизации существовавших и появлению новых организаций, объединений, которые стремились оказывать давление на любую установившуюся на какое-то время власть (3, с. 144; 4, с. 83). Особо этот фактор выделяет Солдатенко, указывая, что Крымский полуостров, составлявший большую часть Таврической губернии России, к рассматриваемому моменту представлял собой сложный узел обострившихся противоречий. Его очень пестрое по этническому составу население испытывало возраставшее внутрирегиональное напряжение, порождаемое во многом исламским фактором (4, с. 23). И в Крыму, и на Кавказе, и по всей России, пишут авторы, развернулась «война всех против всех». Однако, по мнению Лобанова, «природная воинственность горцев, архаичность политического развития региона, помноженные на фанатичную религиозность местного населения, придали Гражданской войне на Северном Кавказе особую степень ожесточения», тогда как руководство белой армии «не смогло предложить местным жителям нечто новое, приемлемое по сравнению с тем, что было на Северном Кавказе при царском режиме» (3, с. 441, 467).

Во всех работах авторы большое внимание уделяют взаимоотношениям белых администраций с союзниками, отмечая, что при всей своей враждебности к большевизму союзники в целом не проявляли и особенной симпатии к белым. К тому же, полагают Шмелев и Пученков, монархический облик «контрреволюции» воспринимался союзниками крайне недоброжелательно. Опасение реакции и реставрации прежнего общественного строя в России в случае победы Белого движения было распространено на Западе очень сильно (1, с. 220; 2, с. 16). Шмелев также отмечает, что отношения с союзниками осложняли русские эмигранты. «На благодатной почве сомнения в целесообразности белой победы, – пишет он, – поработали радикально настроенные русские эмигранты, в основном эсеры… Это была аморфная группа без единого взгляда на положение дел. Наиболее непримиримые, действительно, принципиально отрицали всякое сотрудничество с Колчаком. “Ни Ленин, ни Колчак” – лозунг обширной группы левых деятелей, включая А.Ф. Керенского, Н.Д. Авксентьева, М. Зензинова, М.В. Вишняка и др. Они представляли своего

рода “третью силу”, призванную спасти Россию от большевизма слева и справа» (1, с. 56). С другой стороны, указывает Шмелев, и местные представители союзников покровительствовали различным врагам правительства Колчака, от эсеров до казачьих атаманов, в результате чего правительство было фактически лишено возможности укрепить свое влияние на своей же территории (1, с. 49).

Что касается территорий Терека и Дагестана, то, хотя на рубеже 1918–1919 гг. их большую часть уже занимали добровольцы, однако, подчеркивает Лобанов, «добровольческое руководство оказалось втянутым в паутину политических и дипломатических интриг, связанных с закавказскими республиками и английским командованием, так как реально Закавказье было фактически во власти британцев. Это был один из основных факторов, помешавших добровольцам присоединить этот регион к территории, подконтрольной Вооруженным силам Юга России (ВСЮР). Вероятное обострение отношений с британцами грозило прекращением военно-политического сотрудничества со стороны последних, что в тогдашних условиях при отсутствии собственной военно-экономической базы грозило немедленным поражением вооруженных сил генерала Деникина» (3, с. 301).

Для Шмелева и Пученкова очевидно, что свою лепту в ослабление белых армий вносили и союзники, приступившие к начертанию будущей карты Европы и мира без участия России. Несомненно, считают авторы, что интервенты везде отстаивали не русские, а лишь собственные интересы. В конце 1918 и начале 1919 г. речь шла не о демократии, либерализме и справедливости, а о разделе мира, о власти, о сферах влияния и пр. На определенном этапе белые искренне верили в бескорыстность союзников, в их искреннее желание помочь. К тому же трудно было понять, чего хотят союзники, так как их политика подвергалась частым изменениям и они не выступали единым фронтом (1, с. 44, 149; 2, с. 19).

Пученков в этой связи напоминает, что в 1918 г. все сепаратистские движения на южных русских окраинах ориентировались на помощь Германии. После ее капитуляции в ноябре 1918 г. в антибольшевистски настроенных патриотических кругах пробудилась надежда, что союзные державы сделают ставку на возрождение единой России (2, с. 32). В Крыму в это время, пишет Солдатенко, поражение стран Четверного союза в мировой войне, вывод с территорий Украины и Крыма оккупационных войск ускорили новую волну смены властей, а также изменение военно-политических и международно-государственных комбинаций (4, с. 84).

У Антанты, указывает он, вызревали свои стратегия и планы активизации действий на территории бывшего союзника – России (4, с. 94). «Пришельцы, – отмечает Солдатенко, – без лишних приглашений регулировали процесс замещения немецких гарнизонов и установили контроль над судами Черноморского флота, подняв на мачтах свои флаги, а часть кораблей передали белогвардейцам» (4, с. 96). В планах Антанты, считает Солдатенко, Крым, конечно же, не был ни конечной точкой, ни самоцелью, а лишь плацдармом для дальнейшего продвижения в северном направлении. Пученков, касаясь ситуации в Крыму, также отмечает, что альянс белогвардейцев и интервентов носил крайне противоречивый характер, порой возникали откровенно конфликтные ситуации (2, с. 19).

Тем не менее авторы отмечают, что изначальный ориентир на союзников предопределил и то обстоятельство, что без поставок союзников и интервенции движение никогда бы не приобрело таких масштабов. Однако важно, по мнению Шмелева, иметь в виду, что Колчак с недоверием относился к союзникам, так как не видел у них серьезного желания помочь. Несмотря на зависимость от союзников, Колчак вел свою собственную внешнеполитическую линию, на которую значительно больше влияли внутренние группировки и политические силы, чем внешние (1, с. 149). Это неизбежно отразилось на отношении союзников к нему, в частности в вопросах признания и военной помощи. И хотя «отсутствие кредитов заставляло омское правительство идти на продажу части золотого запаса, причем на невыгодных условиях, всё же это считалось предпочтительнее, чем раздавать концессии или предпринимать определенные шаги в сторону какого-либо одного государства» (1, с. 169). Несмотря на все усилия союзников «взять Россию под опеку и, в частности, полностью контролировать снабжение белых, последние пытались сохранить самостоятельность, как во внутренней, так и во внешней политике» (1, с. 219). «Боязнь связать руки России чрезмерными уступками, исходя из ее ослабленного положения, пронизывала всю политику Омска, и каждая мысль или попытка извлечь реальную выгоду из какой-либо уступки иностранному государству непременно влекла за собой ответную реакцию – не вступать в торги, находясь на слабой позиции» (1, с. 36). Это стремление к самостоятельности, считает Шмелев, во многом предрешило судьбы белых. Союзников отпугнул призрак восстановления единой и неделимой России (1, с. 219).

Шмелев отмечает и такое обстоятельство, что для поддержания иллюзии, что союзники приложили все силы к снабжению

белых, исследователи часто приводят голые цифры: сколько обещано союзниками, сколько выкуплено белыми и т.п. При этом, подчеркивает автор, забывается, что обещания далеко не всегда выполнялись, выкупленное не значит отправленное, отправленное не значит полученное (как в случае с винтовками для Сибири, поставленными в Архангельск), а полученное в конце концов отнюдь не значит годное к использованию (1, с. 213).

Пученков, рассматривая степень участия интервентов в Гражданской войне в России, отмечает, что она не везде была одинаковой: если на Востоке, Севере (здесь возникновение фронта Гражданской войны было вызвано именно действиями интервентов) и Северо-Западе можно говорить об их доминировании в отношениях с белым командованием, то на Юге России, несмотря на громадную военную помощь, полученную в годы Гражданской войны, главнокомандование ВСЮР стремилось к отстаиванию русской точки зрения и осуществлению политики, выражающей сугубо русские интересы. Во многом это объясняется неуступчивостью Деникина, которого автор считает самой независимой от интервентов фигурой из всех белых вождей (2, с. 19).

Оценивая причины поражения белых, Шмелев и Пученков отмечают и такой фактор: интервенция способствовала не только эскалации Гражданской войны, но и созданию негативного образа Белого движения в глазах населения. По мнению авторов, нельзя игнорировать то обстоятельство, что в борьбе с большевиками необходимо было использовать все возможности для создания единого фронта. К тому же, пишут авторы, окраинное положение, нахождение в разных частях света так и не позволило белым силам Севера, Юга, Северо-Запада и Востока объединиться, у белых отсутствовал единый план сокрушения противника, что делало борьбу с большевиками бессистемной и малопродуктивной. Неуспех Белого движения в какой-то мере был обусловлен и его внешней политикой, исходившей не из реальной обстановки, а из иллюзий того, что «должно быть» (1, с. 8; 2, с. 16, 20, 24).

Важным, по мнению Пученкова, оказалось и то, что «если красные, сделав в период Гражданской войны ставку на союз со вчерашними “инородцами”, сумели в целом заручиться их поддержкой и деятельной помощью, проявив куда бóльшую гибкость, чем их противники, то усилия белых в этом направлении оказались безрезультатны, что во многом и предопределило их поражение» (2, с. 341).

Е.Г. Карелин (5) полагает необходимым указать, что именно «в центрах социальной конфликтности черпали свою силу и энер-

гию большевики, а их политическая гибкость и изворотливость немедленно менялась на идеологическую непреклонность, как только они ощущали под своим контролем достаточную силу» (5, с. 17, 384). Кроме того, «большевики лучше, чем их противники, владели искусством маневрирования своими чрезвычайно слабыми силами. Они смогли усилить свое влияние, когда другие политические организации и государственные органы и структуры приходили в полное расстройство. Прежде всего, они смогли использовать форму Советов как классовую политическую организацию власти нового типа, не имеющей ничего общего с прежней государственной властью» (5, с. 18). Карелин считает важным обстоятельством и то, что «партийный аппарат выступил структурообразующим стержнем для всей системы Советов, так же как и огосударствление экономики создавало новые возможности для политического режима. Сращивание партийного, советского и хозяйственного аппаратов в единое целое создало синергетический эффект, который позволил утвердиться и состояться советскому механизму власти» (5, с. 384).

Список литературы

1. *Шмелев А.В.* Внешняя политика правительства адмирала Колчака (1918–1919 гг.). – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. – 266 с.
2. *Пученков А.С.* Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 г.). – М.: Научно-политическая книга, 2016. – 399 с.
3. *Лобанов В.Б.* Терек и Дагестан в огне Гражданской войны: Религиозное, военно-политическое и идеологическое противостояние в 1917–1920-х годах. – СПб.: Владимир Даль, 2017. – 483 с.
4. *Солдатенко В.Ф.* Россия – Крым – Украина: Опыт взаимоотношений в годы революции и Гражданской войны. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 167 с.
5. *Карелин Е.Г.* Региональный механизм власти и управления Западной области Советской России (1917–1937 гг.). – М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 422 с.

Новикова Л.

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ «КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ»: БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 384 с. (Реферат)

В книге Л.Г. Новиковой предпринята попытка дать комплексный анализ Белого движения на материале антибольшевистской Северной области (покрывавшей территорию Архангельской губернии), рассматривая его одновременно и «сверху», и «снизу». Автор пересматривает традиционный элитистский образ «контрреволюционного» движения, которое считалось «политически некомпетентным» и изучалось в основном «сверху» – основное внимание уделялось истории белого командования, армии и политических элит.

Монография основана на широком круге опубликованных и архивных источников, включая материалы не только из таких крупных архивохранилищ, как ГАРФ, РГВИА, РГАСПИ, но и архивы Архангельской и Мурманской областей, Гуверовский архив в США, Библиотеку Бентли Мичиганского университета. География исследования ограничена Архангельской губернией – самой обширной губернией европейской части России, растянувшейся вдоль побережья Северного Ледовитого океана от финской границы до предгорий Урала. Хронологически исследование охватывает первые два десятилетия XX в. Книга построена на сочетании хронологического и тематического принципов и состоит из введения, семи глав и заключения.

В первых двух главах автор последовательно рассматривает историю Архангельского Севера с начала XX в. до лета 1918 г., когда власть перешла в руки антибольшевистского правительства. По ее словам, вследствие малой подвижности фронта территория

Северной области сохраняла определенную стабильность, что позволило белым выстроить достаточно устойчивую систему администрации, проводить политические реформы и налаживать взаимодействие как с региональными элитами, так и с населением. Как пишет Л. Новикова, история Белого движения в исследуемом регионе тесно связана с природными, социальными и политическими условиями Русского Севера. Именно поэтому она уделяет пристальное внимание географии и экономике края, социальному, национальному и демографическому составу населения, рабочему и крестьянскому движению, политическим партиям, а также представлениям об этой территории, циркулировавшим в публичном и научном дискурсе того времени, в котором Русский Север рассматривался как очаг «истинно русской культуры».

Система управления губернией сохраняла достаточно примитивный характер: здесь отсутствовало земское самоуправление, губернатор правил фактически единолично в традиционном «наместническом» стиле. Эффективному управлению препятствовали обширность территории, малая населенность губернии и неразвитость путей сообщения. Первая мировая война с ее массовыми перемещениями населения, кризисом транспорта привела к упадку экономики, что сыграло, по мнению автора, ключевую роль в создании местного сценария революции и Гражданской войны. В условиях невозможности осуществлять контроль над ситуацией претенденты на власть после Февральской революции зависели от неустойчивой поддержки региональных элит и местного населения.

Что касается местных политических сил, то в довоенный период наряду с сильными позициями регионалистов – защитников местной культуры, наиболее широко в Архангельской губернии была представлена партия кадетов, имелась небольшая группа октябристов, а основой для левых партий служили политические ссыльные, отношение к которым со стороны местного населения было настороженным.

В целом же политическое движение в губернии было развито слабо, ее не затронула волна стачек 1905–1906 гг., и рабочее движение не оказало серьезного влияния на события в крае ни в 1917 г., ни позднее. В условиях отсутствия помещичьего землевладения крестьянское движение в Архангельской губернии также не отличалось ни размахом, ни радикальностью, пишет Новикова. Относительная слабость рабочего и крестьянского движения и одновременно значительное влияние либеральных партий не свидетельствовали о том, что губерния может стать оплотом радикализма в новой революции.

Конкретизируя тезис о влиянии Первой мировой войны, автор отмечает, что Архангельск в 1914 г. остался единственным открытым портом европейской части России, через который должны были осуществляться поставки вооружений и т.п. Все это потребовало серьезных усилий по созданию инфраструктуры, в частности, по постройке и реконструкции железных дорог.

Несмотря на то что Первая мировая война не спровоцировала в крае революционный кризис, именно в годы войны в Архангельской губернии сложились основные предпосылки революции, стремительно разворачивавшейся после крушения монархии. Ее главным двигателем стали не местные рабочие и крестьяне, а прибывшие сюда военные гарнизоны и строительные рабочие, которые обеспечили поддержку радикальным политическим силам. В книге подчеркивается политическое значение таких чисто «экономических» обстоятельств, как способность успешно решить проблему подвоза хлеба и наличие военных складов в Архангельске и Мурманске, забота о которых после заключения большевиками мира с Германией явилась одним из главных мотивов интервенции Антанты.

По словам автора, революция в Архангельске мало соответствовала столичному образцу: здесь отсутствовало двоевластие и партийное противоборство, большевики на протяжении всего 1917 г. занимали в политике маргинальное положение. Не смогли они и упрочить свои позиции, так что с августа 1918 по февраль 1920 г. Северная область находилась под властью антибольшевистского правительства.

Характерной особенностью революционной эпохи было активное взаимодействие представителей разных партий и организаций, в том числе Городской думы и нового Архангельского совета, стремившихся сообща создать сильную местную власть. Имела собственное лицо и архангельская «контрреволюция», которая не была привнесена извне белыми офицерами и отрядами Антанты, а представляла собой скорее составную часть «локальной революции». Большую роль в антибольшевистском движении играли региональные лидеры и местные организации, оформившиеся в 1917 г. Новикова рассматривает основные линии, по которым разворачивалась революция в Архангельской губернии с февраля 1917 г. до прихода к власти противников большевиков.

Характерно, что в Архангельске советы не стали той лестницей, по которой большевики поднялись бы к управлению губернией. Наибольшим влиянием здесь пользовались партии меньшевиков и эсеров, которые доминировали в тот период и в России в целом.

Вплоть до конца года провинциальную политику определял умеренно-социалистический блок, и даже в первой половине 1918 г. меньшевики и эсеры удерживали влиятельные позиции в городских органах самоуправления и профсоюзах. Их влияние и поддержка, во-первых, сделали северную «контрреволюцию» преемницей провинциальной революции, во-вторых, помогали белому правительству преодолевать политические кризисы, пишет автор.

Центральная часть книги – главы с третьей по шестую – посвящена систематическому анализу реалий жизни региона в 1918–1920 гг., материал в ней сгруппирован по следующим темам: правительство Северной области, интервенция Антанты и отношение к ней со стороны белого руководства и населения, политика правительства в этот период (в частности, рабочий вопрос, обеспечение продовольствием, медицина и борьба с эпидемиями, земельная политика, национальная политика, в том числе вопрос о карельской автономии) и участие местного населения в Белом движении (в том числе национальное ополчение Северной области и белые партизаны). В седьмой главе излагается история последнего периода существования Северной области начиная со второй половины 1919 г., освещаются мероприятия вернувшихся к власти большевиков по интеграции Архангельской губернии в единое Советское государство в начале 1920-х годов.

Белое движение представлено в книге более гибким и прагматичным и не таким политически некомпетентным, как это было принято считать. Белые учитывали изменения, принесенные революцией, и в отдельные моменты пользовались несомненной поддержкой местного населения, выступавшего на их стороне против большевиков.

Рассматривая антибольшевистскую военную и политическую элиту, в том числе взаимоотношения между социалистами и либеральными и правыми политиками, правительством и военными властями, белым руководством и региональной общественностью, Новикова акцентирует внимание на чертах преемственности и взаимодействия в антибольшевистском движении. Она отмечает, что социалисты всегда присутствовали в кабинете, главой которого на всем протяжении существования Северной области являлся старый революционер Н.В. Чайковский, участвовавший еще в «хождении в народ» и известный более всего по кружку «чайковцев». Военная власть генерал-губернатора Е.К. Миллера, имевшего связи с союзниками на самом высшем уровне, была, с одной стороны, довольно

сильно ограничена по сравнению с режимами Колчака или Врангеля, а с другой – укреплялась благодаря поддержке левых кругов.

Как указывает Новикова, Белое и в целом антибольшевистское движения не являлись синонимами, границы между ними были проницаемыми, а реальность – смешанной и противоречивой. Традиционно проводившееся разделение между эсеровскими правительствами и генеральскими диктатурами, так же как и между более широким антибольшевистским движением и консервативно-монархическим белым его крылом, автор считает сугубо формальным, не соответствующим историческим реалиям.

По мнению автора, истоки белой политики следует искать в позднеимперской и революционной России. Ее главным вектором не следует считать попытку возродить в прежнем виде царскую Россию. Определяло ее, с одной стороны, «национализирующее влияние Первой мировой войны», с другой – признание социальных обязательств государства и его ведущей роли в преобразовании общества. Таким образом, на примере Северной области Новикова демонстрирует, что в Гражданской войне противостояли не коммунистическое будущее и царское прошлое, а два варианта модернизаторского проекта, осуществляемого государством после свершившейся революции. Тем не менее реализация этой политики на экономически слабых окраинах не могла обеспечить достижения конечной цели – победы над густонаселенным промышленно развитым «красным» центром.

О.В. Большакова

Кокоулин В.Г.

БЕЛАЯ СИБИРЬ: БОРЬБА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ И ГРУПП (ноябрь 1918 – декабрь 1919 г.). – Новосибирск: [Б. и.], 2017. – 527 с. (Реферат)

Владислав Геннадьевич Кокоулин – д-р ист. наук, профессор Новосибирского государственного университета, профессор Академии военных наук, преподаватель Новосибирского высшего военного командного училища. Область научных интересов: история политических партий, история революций и Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке.

Книга посвящена внутриполитической борьбе в белой Сибири в период диктатуры А.В. Колчака. Автор анализирует программные установки различных политических группировок, их взаимоотношения между собой, расхождения между декларациями и реальными политическими решениями. Актуальность избранной темы В.Г. Кокоулин обосновывает тем обстоятельством, что главные причины краха колчаковской диктатуры лежат именно в политической плоскости: «Военные операции, безусловно, представляют интерес для исследователя, но не они решали исход Гражданской войны. За сражающимися армиями стояли классы и социальные силы и так или иначе отражавшие их интересы политические партии и группы» (с. 36).

В концептуальном отношении книга по сути является продолжением советской историографии, но на новой фактологической основе. Свой собственный методологический подход автор определяет как «социально-классовый»; образцом по-настоящему объективного анализа во введении к книге названы советские работы 1920-х годов, когда идеологический диктат еще не был таким жест-

ким, как в последующие десятилетия. Вместе с тем Кокоулин оговаривается, что «не менее важным является и то, как видит сама себя эпоха, как события, в которых мы пытаемся найти некую закономерность, преломляются в сознании современников этих событий», поскольку «очень часто мы пытаемся выявить закономерности и логику события, не думая о том, что логики-то в них могло и не быть», если развитие событий было обусловлено субъективными мотивами их участников в большей степени, нежели какими-то объективными обстоятельствами (с. 37). В целом исследование носит скорее описательный характер, однако объем собранного и систематизированного автором фактического материала довольно значителен.

Источниковая база исследования отличается многообразием и включает в себя делопроизводственную документацию, партийную публицистику и источники личного происхождения. Автором проанализированы в общей сложности 77 архивных фондов, в основном в региональных архивах Алтайского, Красноярского, Приморского и Хабаровского краев, Иркутской, Новосибирской, Томской, Омской областей и Республики Башкортостан, из центральных архивов используются материалы ГАРФ, РГАСПИ, РГВА.

Книга состоит из введения, трех глав и заключения. Главы соответствуют трем основным этапам истории колчаковской диктатуры: формирование нового правительства (ноябрь 1918 – февраль 1919 г.), кризис режима (март-июнь 1919 г.) и его крушение (июль-декабрь). В тексте приводятся многочисленные и довольно пространные цитаты из источников, позволяющие читателю напрямую ознакомиться с мнением современников о происходящих событиях.

Придя к власти в результате государственного переворота в Омске 18 ноября 1918 г., Колчак сумел достаточно быстро установить контроль над всей территорией, ранее подчинявшейся Уфимской директории, несмотря на сопротивление членов Комуча и других сторонников «демократической контрреволюции». Из крупных политических партий наиболее последовательную поддержку ему оказали кадеты; на этом основании автор характеризует их как правящую партию, а сам режим Колчака – как «кадетско-монархический», хотя и оговаривается, что за отсутствием каких-либо представительных органов реальная власть перешла к военно-бюрократической верхушке, провозглашавшей себя вне политики и стремившейся по возможности дистанцироваться от политических партий и межпартийной борьбы. Эсеры, составлявшие до этого основную базу «демократической контрреволюции», в новых условиях вынуждены были уйти в оппо-

зицию. Позиция меньшевиков была более сложной, в отдельных вопросах они были готовы к компромиссам с колчаковской администрацией. Такой расклад политических сил, в частности, серьезно затруднил взаимодействие последней с земскими органами, где по-прежнему преобладали социалистические партии. Положение земств, однако, осложнялось недостатком финансирования.

Общий политический курс Колчака в целом сохранил преемственность по отношению к периоду Комуча и Директории. При этом новый верховный правитель гораздо охотнее, чем его предшественники, прибегал к репрессиям, что привело только к дальнейшему росту недовольства. Городские восстания, неоднократно вспыхивавшие зимой 1918–1919 гг., были успешно (и жестоко) подавлены, однако в сельских районах сформировалось довольно сильное партизанское движение, против которого высылавшиеся властями карательные части оказались бессильны. Роль большевиков в этих выступлениях была минимальной, хотя на территории белой Сибири и сохранялись подпольные организации РКП(б) (недовольство крестьян зачастую было обусловлено неприязнью к государству как таковому, а также к городскому населению). Предубеждения против национальных движений не позволили правительству Колчака достигнуть соглашения с башкирскими и киргизскими националистами, которые в результате вступили в переговоры с Советской Россией. Автор отмечает, однако, что национальные движения не являлись безусловными сторонниками ни «красных», ни «белых» и преследовали прежде всего свои собственные интересы.

Описанные тенденции получили дальнейшее развитие весной и в начале лета 1919 г., когда после первых успешных операций против Красной армии наступление колчаковских войск застопорилось. Объективно это было связано с неоднородностью вооруженных сил белой Сибири, состоявших из остатков Народной армии Комуча, чехословацкого корпуса, казаков, национальных формирований и новых частей, созданных уже после прихода Колчака к власти, а главное – с тем, что основную массу солдат составляли крестьяне, в большинстве своем не питавшие симпатий к новому верховному правителю. Переломить ситуацию могла только серьезная аграрная реформа, однако разработка проекта такой реформы началась с большим опозданием и так и не была доведена до конца, поскольку сам Колчак по-прежнему считал своей главной задачей военную победу над большевизмом, до достижения которой политические преобразования допускались лишь в случае крайней необ-

ходимости. Как следствие, недовольство крестьян продолжало нарастать, и хотя боевые успехи партизан в этот период были еще довольно скромными, они, по оценке автора, уже довольно заметно осложняли положение армии Колчака, создавая напряженность в тылу и отвлекая на себя боевые части, которые в противном случае могли быть направлены на фронт.

На политической арене в марте–июне 1919 г. продолжали доминировать кадеты, которые и сами воспринимали себя как правящую партию. Автор описывает также отдельные попытки возрождения правых монархических партий. Меньшевики и эсеры, оставаясь в оппозиции, постепенно склонялись к сотрудничеству с большевиками, поскольку диктатуру Колчака многие из них воспринимали как реакционно-буржуазный режим и считали его более опасным врагом по сравнению с Советской Россией, которая по крайней мере декларировала курс на построение социализма. Оплотом социалистических партий оставались земства и городское самоуправление, но деятельность этих институтов по-прежнему была практически парализована отсутствием средств. Расстановка партийных сил в городских думах существенно изменилась после их переизбрания в мае-июле 1919 г., когда большинство мест досталось кадетам и их союзникам, провозгласившим курс на формирование аполитичных органов местного самоуправления, нацеленных на решение сугубо хозяйственных вопросов. По оценке автора, это произошло во многом благодаря принятому правительством Колчака новому избирательному закону, лишившему социалистов их электоральной базы. В любом случае, воспользоваться результатами городских выборов кадетам так и не удалось, поскольку уже с августа армия Колчака начала терпеть поражение за поражением.

Во второй половине 1919 г. войска советского Восточного фронта перешли в наступление, 14 ноября был занят Омск, 13 декабря – Новониколаевск, 20 декабря – Томск. Остатки белых войск отступали вдоль Транссибирской магистрали к Иркутску, вместе с ними двигался и поезд самого верховного правителя. Растущее недовольство репрессивной политикой Колчака привело к дальнейшему расширению партизанского движения, к декабрю оно охватило практически весь тыл белой Сибири, за исключением полосы вдоль Транссиба, которую контролировали войска чехословацкого корпуса. Партизанские командиры придерживались самых разных политических взглядов, однако население в целом всё больше склонялось к поддержке большевиков.

На этом фоне обострились противоречия не только между колчаковской администрацией и социалистической оппозицией, но и внутри самой администрации, отдельные представители которой выступали за реформу правительства, подчинение военных властей в тылу гражданским учреждениям и установление общественного контроля над исполнительной властью путем создания представительного органа власти с законодательными или хотя бы законосовещательными полномочиями. Наибольшую лояльность правительству сохраняли кадеты, по-прежнему настаивавшие на сохранении военной диктатуры вплоть до победы над большевизмом. В конце октября – начале ноября в Иркутске в результате переговоров между меньшевиками, эсерами и другими близкими к ним группировками был сформирован Политический центр с целью свержения диктатуры Колчака, прекращения войны с Советской Россией и создания в Сибири независимого демократического государства с социалистическим правительством. Политцентр поддержали и сибирские большевики, но непосредственно в его состав не вошли из-за разногласий с социалистическими партиями. В конце декабря 1919 г. в городе вспыхнуло восстание, завершившееся 5 января переходом власти к Политцентру.

Как отмечает автор, создание Политцентра по сути было очередной попыткой социалистов реализовать свои идеи «третьего пути» между большевизмом и правым крылом Белого движения, но теперь уже лишь в границах Сибири. Между тем реальный расклад социально-политических сил в регионе в описываемый период практически полностью исключал этот сценарий, поскольку прежние лозунги о демократии, созыве Учредительного собрания и т.д. были непонятны и чужды значительной части населения. Меньше чем через месяц после восстания в Иркутске был установлен советский режим, а «Политцентр и созданный им Совет народного управления прекратили свое существование, передав власть Иркутскому ревкому» (с. 466).

М.М. Минц

Ретиш А.Б.

КРЕСТЬЯНЕ РОССИИ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ГРАЖДАНСТВО, ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

(Реферат)

Retish A.B. Russia's peasants in Revolution and Civil War: citizenship, identity and the creation of the Soviet State, 1914–1922. – Cambridge: Cambridge univ. press, 2008. – 294 p.

Монография профессора Университета Уэйна (Детройт, США) посвящена одному из драматичнейших периодов истории русского крестьянства. Восемь лет – 1914–1922 гг. – включили в себя мировую войну, революцию 1917 г. и Гражданскую войну. В силу демографического состава населения России того времени крестьянство сыграло в этих конфликтах важнейшую роль. Более 15 млн крестьян были призваны в царскую армию, составив позже основу противоборствующих сторон в годы Гражданской войны. Огромные изменения произошли за этот период и в жизни русской деревни. Революция «разрушила многовековые отношения крестьян-помещиков», подтолкнула процесс коренного перераспределения земли, «демократизировала сельскую местность и позволила деревням устанавливать новые руководящие органы». Война и внутренние конфликты нанесли колоссальный ущерб благосостоянию крестьянской жизни: реквизиции продовольствия и имущества, огромные демографические потери, природные катаклизмы привели русскую деревню к небывалому упадку. Это стало своеобразной «ценой», которую крестьянство заплатило за свое огромное значение в социально-экономической и политической истории России начала XX в. В монографии предпринята попытка показать, как крестьянское общество и

«крестьянские представления о себе, как о гражданах, развивались в период тотальной войны, революции, насилия и распада общества». В конечном счете, полагает автор, именно выбор крестьянства был определяющим в победе большевиков (с. 1).

Исследование начинается с краткого анализа состояния и развития крестьянского мира предвоенной России. Медленно, но верно шел процесс размывания традиционных устоев и институтов крестьянской жизни. Крестьянские семьи пользовались новыми продуктами, такими как фабричная одежда, металлические крыши и печатная литература, демонстрируя «развитие потребительской культуры в сельской местности». Деревня в начале XX в. начала «вписываться в национальную экономику и культуру» путем участия в выборах, в индустриализации, внутренних миграциях, всё чаще отдавала детей в школы и узнавала о событиях в мире через прессу. Постепенное приобщение к городской жизни также обеспечивало возможности для «обмена идеями об образе жизни и политической организации между крестьянами-мигрантами и городскими жителями» (с. 5). Молодые отходники приносили в деревню новые идеи и понятия, что усилило напряженность между молодыми и старшими поколениями и угрожало могуществу коммуны.

Однако преувеличивать эти изменения к началу войны всё же не следует. В качестве примера Ретиш приводит положение женщин, которые по-прежнему «не считались столь же работоспособными, как мужчины, и рассматривались преимущественно как хранительницы домашнего очага» (с. 4). Накануне Первой мировой войны гендерные отношения «менялись крайне медленно», что в значительной степени отражало консерватизм крестьянского домохозяйства и сельской экономики в целом (с. 6).

Неравномерность и противоречия в ходе модернизации русской деревни демонстрируют и различия между регионами империи. Свое исследование Ретиш проводил на основе материалов Вятской губернии – «идеального примера для переосмысления крестьянского опыта и участия в революционной эпохе». Как и крестьяне севера России и Сибири, большинство крестьян Вятки «не знали гнета помещиков и не страдали от постоянного голода». Ретиш полагает, что изучение крестьянского мира в Вятской губернии «ставит под сомнение давнюю парадигму, основанную на исследованиях черноземного региона, – что крестьяне пытались закрыть себя от внешнего мира» (с. 12). Вятские крестьяне, несмотря на противоречивое отношение к деревне, «искали взаимодействия с государством и активно работали, чтобы стать частью более крупного общества» (с. 11). В целом иссле-

дование на основе материалов Вятки «демонстрирует более сложную картину отношений крестьян с государством и в конечном счете создает принципиально новое понимание русской революции» (с. 12).

Общую картину развития русской деревни значительно изменила Первая мировая война. Воинская повинность и мобилизация «захватили традиционную деревню, уже подвергшуюся нападению со стороны рыночных сил, и энергично встряхнули ее» (с. 62). Летом 1914 г. крестьянство жило в мире, в котором мужчины «доминировали над женщинами в меняющемся, но всё еще традиционном крестьянском обществе». Призыв миллионов мужчин на фронт быстро изменил не только демографический, но и социально-экономический облик деревни. К началу 1917 г. она по большей части состояла из женщин, стариков и детей, во многих деревнях находились иностранные заключенные, вражеские подданные и беженцы. Это влияло на разделение труда и социальное положение женщин, в годы войны активно заявлявших о своих правах.

Тяжелое бремя тотальной войны вынуждало государство интегрировать население в «общенациональное дело». Участие населения в военных действиях обеспечило «благодатную почву для предстоящей публичной дискуссии 1917 г. о роли граждан в нации» (с. 62). Немалую роль здесь сыграла немногочисленная, но в годы войны ставшая заметной прослойка сельской интеллигенции. Потребность в мобилизации ресурсов вызвала массовую политическую активность образованных слоев общества, и сельская интеллигенция внесла здесь значимую лепту. Земские чиновники, традиционно являвшиеся союзниками центра в деревне, активно включились в общее дело обороны страны и «выступали как связующее звено между государством и крестьянством». Поначалу это полностью отвечало интересам правительства, но долго это настроение «священного единения» не могло скрывать старые, еще довоенные противоречия правительства и «общественных сил».

Экономические проблемы и военные поражения вызвали острую критику власти, и критические голоса из деревни были не менее громкими, чем голоса из города. В условиях «патриотической тревоги» деревня служила своеобразным средоточием конкретных примеров порочности и недальновидности правительственной политики. Ретиш отмечает, что в этом была не только критика ради критики: многие земские деятели пытались найти новые решения проблем государственной обороны, предлагали свои проекты выхода из продовольственного и топливного кризиса. Не встречая понимания своих идей, они часто абстрагировались от новых шагов правительства,

создавая в отдаленной и плохо управляемой сельской местности свои формы самоуправления и решения накопившихся проблем. В этом они до определенного момента встречали понимание крестьянства, которое хоть и не всегда понимало смысл «единения в борьбе славянства против германизма», но чаще всего принимало войну как данность, а действия правительства – как помеху победе и даже как доказательство измены правящих страной «немцев».

В целом война заметно усложнила общественные отношения в деревне, значительно возвысила роль женщины в сельской экономике, заложила основы самоуправления и «революционного дискурса» 1917 г. (с. 63). Во многом поэтому, считает Ретиш, деревня встретила Февральскую революцию мирно и с заметным воодушевлением. В первые месяцы после падения царизма крестьяне «слушали сельских интеллектуалов о том, как быть гражданином», быстро переняв новый политический язык и символику. В это время крестьяне «довольствовались соблюдением ритуалов», предложенных новой политической элитой, и без какого-либо сопротивления принимали на себя роль «учеников» в строительстве нового, гражданского общества в России. Представители политической и культурной элиты пытались создать из крестьян «граждан по своему образу и подобию». Они использовали избирательный процесс как «метод интеграции крестьянства в национальную систему в качестве подчиненных граждан – членов нации, но продолжавших беспрекословно подчиняться начальству» (с. 128). В последнем и заключалась «мина замедленного действия»: представления элит о крестьянстве лишь по форме предполагали их равноправие с остальными членами общества, фактически же «несознательность» крестьян была достаточным основанием для сохранения их подчиненного положения в повседневной политической практике. Ретиш полагает, что «новые старые» элиты боялись потенциальной политической власти, предоставленной народу через выборы. Население же, со своей стороны, имело разные представления о политических правах и гражданстве. Крестьяне в этом смысле уже не выглядели отсталым элементом гражданского общества и «пытались участвовать в национальных ритуалах в качестве равноправных членов».

К лету 1917 г. ситуация изменилась, и не в лучшую для Временного правительства сторону. Крестьяне всё чаще требовали равного голоса в политическом мире и не довольствовались ролью последователей «просвещенной» интеллигенции. Большинство крестьян хотели, чтобы их собственные представители отстаивали крестьянские требования, главные среди которых – «осуществление

демократического правления, земельная реформа и справедливая зерновая политика» (с. 128). Неспособность как высших, так и местных чиновников и представителей образованного общества признать крестьянское участие в политическом процессе стала главной причиной того, что Временное правительство «никогда не имело стабильной популярной поддержки, необходимой для политического выживания». Провал Временного правительства автор объясняет несколькими факторами: «разрушение русского общества и растущий классовый конфликт, слаборазвитая сельская администрация, экономическое давление, усугубляемое неудачным ходом войны» (с. 129).

Решение этих проблем было крайне сложной, даже «философской» задачей, так как требовало от революционной власти примирения совершенно разных точек зрения на дальнейшее развитие России. Крестьянство в этом смысле сыграло свою деструктивную роль: несмотря на общность требований, оно было политически аморфно и не сумело создать устойчивую политическую организацию, отстаивающую крестьянские интересы в органах власти. Во многом поэтому местные власти так и не смогли успешно провести выборы на всех уровнях: различные крестьянские общины и местные элиты «расшатывали и без того хрупкую избирательную систему». Выборы, «центральный символ нации», не смогли выдержать давления и просто рухнули под тяжестью полярных требований, взглядов и задач. Неопределенность с созывом Учредительного собрания ставила ключевой вопрос – о земле – в подвешенное состояние. В условиях войны, революции, экономического кризиса и общего упадка государственной системы это неизбежно должно было привести к радикализации настроений в деревне. И если радикализация пролетариата еще могла быть осмыслена в рамках политических догм, то к чему могла привести радикализация русской деревни – сказать определенно не мог никто, включая социалистов. Деревня по большому счету оставалась для политических элит «неизведанной территорией», где нельзя было поставить четкие рамки между политическими силами, охарактеризовать политические течения и запросы. Простое на первый взгляд требование крестьян дать им землю, на которой они работают, оказалось обставлено слишком многими условностями и организационными проблемами.

В результате, когда даже эсер В.М. Чернов, возглавивший министерство земледелия, призывал остановить «черный передел» и самовольные захваты земель, стал очевиден провал попытки встроить крестьянские настроения и чаяния в рамки партийной

системы. В краткосрочной перспективе это означало, что фактически любая политическая сила, которая первой сможет донести до крестьян простое решение сложных проблем, быстро завоюет умы и сумеет прийти к власти, минуя все формальные политические процедуры. По сути, пишет Ретиш, именно это и позволило большевикам захватить власть без какого-либо сопротивления со стороны крестьянства. Формально сопротивляться было нечему: новое правительство признало, что земля отныне принадлежала крестьянам. Верно оценив настроения в деревне, Ленин дал простую формулировку декрета, которая, однако, позволяла большевикам менять свою аграрную политику и предпринимать непопулярные меры.

Получение контроля над землей, «кульминация революции для многих крестьян», имело противоречивые и неожиданные результаты. Традиционная община сыграла центральную роль в первоначальном перераспределении земли и ресурсов. Но в своем первоначальном, дореволюционном виде община становилась потенциальным противником любой центральной власти. Хорошо это понимая, большевики сразу после прихода к власти начали необъявленную борьбу с влиянием общин на политическую и хозяйственную жизнь в деревне. Советское правительство стремилось централизовать перераспределение земли и урожая. В этом Ретиш видит не только хозяйственные, но и политические мотивы: одной из целей большевиков было «разжигание классовой борьбы внутри крестьянства». Советское земельное право успешно расширило существующие внутридеревенские расколы, содействуя бедноте в их борьбе с богатыми крестьянами и общинными лидерами.

Однако у этого процесса была и другая сторона. Крестьяне не только сопротивлялись государственному вмешательству, но зачастую потворствовали ему, видя в этом (и небезосновательно) новые возможности для улучшения своего положения и даже для карьерного роста. В значительной степени это было наследие дореволюционного времени: патернализм и надежда на «царя-батюшку» со стилистическими изменениями перекочевали в советскую действительность и быстро пустили в ней крепкие корни. Как и в царскую эпоху, крестьяне, не колеблясь, обращались к государственным органам. Поначалу новые советские земельные участки, подобно столыпинским хуторам и отрубам, предлагали крестьянам альтернативу гегемонии коммуны и «еще один способ получить то, что они желали». Крестьянам-заявителям, возможно, пришлось принять советскую риторику или работать на государство, но конечный результат

чаще всего того стоил. Советское государство активно включилось в процесс перераспределения земли, что позволило ему постепенно «войти в деревенскую жизнь». Фактически так называемый «черный передел», одобренный большевиками в октябре 1917 г., только сблизил крестьян и новую власть, отмечает Ретиш (с. 162). Этому в немалой степени способствовали пропагандистские усилия большевиков: распространение «социалистического учения», поощрение автономий малых народов, различная помощь безземельным и малоземельным крестьянам. В этой деятельности, считает автор, крестьяне усмотрели новые формы знакомого им государственного патернализма, временно исчезнувшего со свержением монархии.

Однако установившееся взаимодействие не учитывало проблем рынка, в первую очередь – рынка промышленных товаров. Город еще до революции не обеспечивал ими деревню в достаточной степени, в 1917–1918 гг. эта ситуация продолжала ухудшаться, что неизбежно должно было вызвать ответ со стороны крестьян.

Политическая аморфность и разрозненность деревни, проявившаяся еще в 1917 г., стала одним из важнейших факторов Гражданской войны. На этом этапе не помогали только «уговоры» или только насилие. Необходим был некий усредненный вариант применения «кнута и пряника», и большевики в этом смысле были более последовательными. Крестьяне не просто выступали против советской власти или приветствовали ее. Они разделяли государственную политику и законы на те, которые помогали, и те, которые им вредили. Крестьяне сопротивлялись государственной военной силе, но при этом могли принять «менее насильственное» вмешательство государства в свою жизнь. В период, когда советская власть распространилась по всей провинции, «только советское государство смогло использовать политическую энергию крестьянского населения для строительства нового государства». Так, вятским местным советам удалось привлечь на свою сторону «ключевые слои сельского населения» (с. 212). Многие крестьяне по-прежнему возражали против некоторых наиболее одиозных решений советской власти, но «административный процесс в конечном счете победил» большую часть крестьянства и подчинил его новым советским порядкам. Значительную роль в этом сыграло также демографическое и экономическое истощение русской деревни, вследствие чего снизился и ее политический потенциал. Как заключает Ретиш, без «подпитки» из деревни антисоветские движения постепенно шли на убыль, а исход Гражданской войны был предрешен.

И.К. Богомолов

Ландис Э.

СУДЬБА СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ
(Реферат)

Landis E. The fate of the Soviet countryside // Was revolution inevitable? Turning points of the Russian revolution / Ed. by T. Brenton. – Oxford: Oxford univ. press, 2017. – P. 218–243.

Статья профессора Оксфордского университета Брукса (Великобритания) Эрика Ландиса посвящена положению русской деревни в первые годы советской власти. Как отмечает автор, сельское хозяйство России находилось в глубоком кризисе еще до Февральской революции 1917 г. Постоянные призывы крестьянского населения на фронт во время мировой войны привели к катастрофическому сокращению числа рабочих рук в деревне, что, в свою очередь, привело к сильному падению сбора зерновых. Положение усугублялось неблагоприятными природными условиями, а также огромными проблемами с транспортировкой хлеба в города и отдаленные районы империи. Продовольственный вопрос особенно обострился зимой 1916–1917 гг., став «одним из факторов, приведших к падению самодержавия» (с. 218). Однако смена политических элит в Петрограде не привела (и не могла привести) к быстрым переменам: война продолжалась, дефицит рабочих рук в деревне только усиливался. Революция вызвала волну переделов помещичьих земель, многочисленные конфликты крестьян с землевладельцами и открытые крестьянские бунты. Временному правительству с большим трудом удавалось подавлять наиболее сильные крестьянские выступления, однако центральная власть не имела реальных рычагов управления в деревне, ситуация даже в относительно «спокойных» регионах была взрывоопасной и в течение 1917 г. только ухудшалась. Большую роль сыграла позиция самого Временного правительства, которое отложило

решение земельного вопроса вплоть до созыва Учредительного собрания. Отсутствие решительных действий со стороны власти приводило к радикализации настроений крестьянства и росту популярности в деревне крайне левых политических сил. В результате большевики, свергнув Временное правительство, получили в наследство огромную русскую деревню с многомиллионным крестьянством, уже отвыкшим к тому времени от постоянной опеки даже губернских центров, не говоря уже о Петрограде.

Постоянное ухудшение продовольственной ситуации в городах требовало решительных мер, и большевики видели выход только в одном: полный контроль над распределением зерна, вплоть до насильственного изъятия «излишков» у крестьян. Без реквизиций зерна, полагали большевики, невозможно было ни оживление промышленного производства, ни политическая стабилизация в городах. При этом, отмечает Ландис, большевики поначалу следовали тому же курсу, что и их предшественники: планы по фиксации цен на зерно и проведению продразверсток вынашивало еще царское правительство. Временное правительство только ужесточало эти меры, однако не имело для их последовательного проведения в жизнь достаточного административного и репрессивного аппарата. Не было поначалу таких возможностей и у большевиков, но, в отличие от предшественников, они были готовы к самым решительным действиям.

Начало открытой фазы Гражданской войны стало, в этом смысле, катализатором и окончательно «развязало руки» новой власти. В 1918 г., после неудачной попытки работать в рамках системы фиксированных цен на зерно, а также на фоне «криминализации рынка», советское государство стремилось внедрить новые институты на местном уровне (комитеты бедноты), которые создавались бы за счет так называемых «кулаков» в деревне. Надеясь, что классовый конфликт можно использовать для ускорения закупок зерна, советская власть публично пообещала, что часть скрытых «кулацких» излишков, выявленных в результате работы комитетов, будет перераспределена среди бедных. Это же касалось и любых других конфискаций имущества у «кулаков».

Однако тем, кто работал за пределами кабинетов Наркомпрода, «было ясно, что продразверстка была неустойчивой» и не гарантировала бесперебойные поставки зерна (с. 227). Виновными изначально признавались сами крестьяне, не желавшие «делиться» урожаем с государством. Хотя чиновники заявляли, что основные потребности домохозяйств в хлебе будут соблюдаться (в соответствии с определенными «нормами» потребления), достижение целе-

вых показателей разверстки всегда было в безусловном приоритете. В этом смысле наличие «врагов» и «вредителей» было жизненно необходимо: они позволяли объяснять все неудачи и «недоразумения» (с. 227). Формально статистика сельхозпроизводства с 1914 г. давала большевикам повод для таких заявлений. За годы мировой войны и революции значительно возросло количество домохозяйств в сельской местности. Потеря работы и быстрый рост цен вынуждали многих рабочих возвращаться в деревни, чтобы вновь работать «на земле», обеспечивая этим пропитание своей семьи. Результатом стала натурализация торговли, зерно практически исчезло с открытых рынков, большая часть товарного хлеба продавалась по завышенным, спекулятивным ценам. Однако главной проблемой Троцкий считал массовое нежелание крестьян «обрабатывать землю больше, чем это необходимо для их семей» (с. 229). Отсутствие товарного зерна сужало возможности для товарообмена и оживления промышленности, а города ставило перед угрозой голода. Уже в годы Гражданской войны Троцкий признавал, что продовольственные запасы страны «практически истощены, и никакое усиление аппарата продразверстки не улучшит положение» (там же).

Троцкий был «отнюдь не первым, кто критиковал продразверстку». Специалист по финансовым делам, член президиума ВСНХ Ю. Ларин выдвинул предложение о замене разверстки налогом с обязательством города и деревни к обмену промышленными товарами и хлебом. Узнав об этих предложениях, Ленин посоветовал Ларину «прекратить прожектерствовать» (с. 232). Однако, отмечает Ландис, тот факт, что столь видная фигура в ВСНХ открыто заявила о необходимости отмены продразверстки, говорил о росте внутрипартийного недовольства. Лидеры партии подходили к этому вопросу осторожно, лавируя между приверженностью «идеалам революции» и необходимостью дать стране и экономике «передышку». Однако на рубеже 1919–1920 гг., несмотря на наметившийся перелом в ходе Гражданской войны, Ленин и Троцкий сходились во мнении, что продразверстку необходимо не только сохранить, но и усилить мерами «милитаризации труда» в городе для принудительного налаживания товарообмена. Сохранение политики «военного коммунизма» стало ответом большевистского руководства на внутреннее недовольство, в том числе и «передового класса». В 1920 г. Троцкий (несмотря на свои позднейшие утверждения в мемуарах) выражал твердую приверженность «военному коммунизму», выступал за продразверстку и милитаризацию труда. Ландис объясняет это тем, что позиции Ленина и самого Троцкого в руководстве партии остава-

лись незыблемыми, а потому «менять курс на этом, жизненно важном для государства направлении пока не было необходимости» (с. 233).

Однако за следующий год ситуация ощутимо изменилась. Массовые крестьянские выступления, «антоновщина» и восстание в Кронштадте продемонстрировали хрупкость положения большевиков. Ландис отмечает, что Тамбовское восстание было «беспрецедентным» по масштабам, но отнюдь не единственным (с. 236). Не меньшим было сопротивление в Сибири (Тюмень, Екатеринбург, Челябинск). Создать здесь такую же организацию, как в Тамбове, западносибирские повстанцы не сумели, прежде всего из-за большой территории и удаленности крупных населенных пунктов друг от друга. Однако в Сибири повстанцам удалось мобилизовать десятки тысяч крестьян и на какое-то время занять крупные провинциальные центры (и даже выпускать там собственные газеты). К повстанцам зачастую присоединялись крестьяне-партизаны, еще недавно помогавшие советской власти в борьбе против Колчака. Основной мишенью повстанцев были продотряды, которые в 1920–1921 гг. несли особенно большие потери. Положение для продотрядов осложнялось тем, что крестьянское население воспринимало их крайне негативно, а повстанцев – как народных заступников, борющихся с несправедливостью.

Ситуация, таким образом, в любой момент могла выйти из-под контроля, и для успокоения страны уже было недостаточно исключительно военных мер. Деревня в этом смысле была наиболее характерным примером: с крестьянами стало невозможно разговаривать только с позиции силы не столько потому, что они не хотели отдавать «излишки» хлеба, сколько из-за фактического отсутствия этих «излишков». Осознание, что деревня истощена, пришло большевистским лидерам не сразу, но зато очень вовремя: крупнейшие антибольшевистские выступления 1920–1921 гг. совпали по времени с окончательным разгромом основных противников в Гражданской войне, со сворачиванием иностранной интервенции и окончанием советско-польской войны. В этих условиях большевики имели пространство как для военного, так и для политико-идеологического маневра: где была возможность – применяли силу (как в Кронштадте), где же сил для контроля явно не хватало (значительная часть сельской местности) – была на какое-то время приемлема и политика «пряника». Попытки успокаивать «пряником» отдельные области изначально были малоэффективны: отказ от продразверстки в одной Тамбовской губернии (как это произошло в начале 1921 г.) мог только усилить недовольство соседних областей. Важным фактором была и политизация антибольшевистских выступлений: восставшие в Тамбовской

губернии и в Кронштадте уже шли дальше конкретных требований и призывали к политическим реформам («За Советы без коммунистов!»). Таким образом, накануне съезда РКП(б) в марте 1921 г. большевистское руководство столкнулось с серьезными политическими вызовами, в основе которых стояли вызовы экономические, бывшие, по словам Ленина, серьезнее и опаснее, чем «все Деникины, Колчаки и Юденичи» (с. 240).

«Только согласие с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России», – сказал Ленин делегатам съезда (с. 242). В течение нескольких месяцев объявление о замене продразверстки продналогом было дополнено решением разрешить открытую продажу излишков зерна на рынке. Решение это было явно вынужденным и вряд ли нравилось самому Ленину. Троцкий «довольно обоснованно указал в своей автобиографии, что и Ленин не рассматривал возможность декриминализации рынка в марте 1921 г.» (с. 242). Не нравилась эта перспектива и многим другим членам партии, из-за чего Ленину пришлось буквально «защищать рынок» перед соратниками. На первых порах этой же точки зрения придерживался Сталин, утверждавший, что решением о переходе к новой экономической политике партия «спасла революцию».

В заключение Ландис задается вопросом: каким путем пошла бы советская история, если бы не различные восстания и выступления 1920–1921 гг.? Автор полагает, что НЭП, с его причудливым смешением рынка и огосударствления «командных высот», с его культурным плюрализмом и «сомнительными нэпманами», плохо вписывался в зарождающуюся бюрократическую систему советского социализма. Главное же, что НЭП как экономическая система был малопонятен советским руководителям, «у которых не было ни желания, ни опыта для управления смешанной экономикой» (с. 242). Сталинский «великий перелом» был во многом отложенной реакцией партийных верхов на НЭП, воспринимавшийся как отступление от революционных идеалов. Изначально рассматривая рыночные отношения в деревне как особый вид преступной деятельности, большевистские лидеры приговорили не только НЭП, но и в значительной степени советскую деревню к новым тяжелым испытаниям и коренной ломке экономического и социального укладов. Судьба НЭПа была предрешена, но в конкретных обстоятельствах 1920-х годов. Возможно, при «более благоприятных условиях» этот эксперимент по выстраиванию смешанной экономики был бы более успешным.

И.К. Богомолов

Посадский А.В.

ЗЕЛЕНОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ: КРЕСТЬЯНСКИЙ ФРОНТ МЕЖДУ КРАСНЫМИ И БЕЛЫМИ, 1918–1922 гг. – М.: Центрполиграф, 2018. – 319 с. – (Новейшие исследования по истории России) (Реферат)

Книга специалиста по истории Гражданской войны, профессора, д-ра ист. наук А.В. Посадского (Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина) посвящена крестьянскому вооруженному движению в 1918–1922 гг., получившему название «зеленого». В крестьянской России в сколько-нибудь продолжительном противостоянии главным действующим лицом был мужик, поэтому крестьянское движение в Гражданской войне имело большое значение. «Зеленые стали весомой силой на некоторых этапах Гражданской войны», – констатирует автор (с. 7).

Монография написана на основе неопубликованных архивных материалов (Архив УФСБ по Саратовской области, ГАРФ, РГАСПИ, РГВА, Саратовский областной музей краеведения) и опубликованных источников. Она состоит из введения, трех разделов («Крестьяне в Гражданской войне», «В зеленых», «Зеленые на карте Гражданской войны») и заключения.

Как известно, участники Гражданской войны использовали для самоопределения цветовые маркировки. Так, наряду с «красными» и «белыми» существовали «цветные» (наиболее боеспособные белые части на Юге), «черная гвардия» (анархистские отряды), «голубая армия» (антибольшевистская сила Оренбуржья) и т.п. Однако наиболее известным третьим цветом в Гражданской войне считается зеленый. «Зеленые» формирования иногда были склонны поддерживать «официальные» стороны противостояния,

поэтому именовались бело-зелеными или красно-зелеными, хотя, как подчеркивает автор, «эти обозначения могли фиксировать лишь временную, сиюминутную тактическую линию или же поведение, продиктованное обстоятельствами, а не четкую политическую позицию» (с. 8).

Зеленое движение трактуется в историографии максимально широко. Наибольшую известность приобрели зеленые Черноморской губернии. Зеленое движение активно изучается в регионах, например, исследуются наиболее организованные владимирские зеленые, действовавшие в Юрьевском (Юрьев-Польском) уезде. В то же время некоторые сюжеты мало исследованы, например жигаловщина (крупное движение в Смоленской губернии), активное зеленое движение в Новгородской губернии, а проблема учета и классификации крестьянских восстаний существовала всегда и породила ряд методик.

В начале Гражданской войны крестьянство находилось в сложном положении. Крестьянин всегда страдает от военных действий, втягивается в войну «зачастую по необходимости, – или неся повинность в пользу государства, или же защищая свой очаг» (с. 9). Кроме того, для рассматриваемого времени было характерно аграрное перенаселение. Автор полагает, что «большевистская политика являлась паразитированием на системной социальной проблеме, не решенной к моменту революции» (с. 25). Это повлияло на настроения крестьян в начале войны, вызвало их глубокую и недобрую растерянность. Знаток деревни публицист А. Петрищев весной 1918 г. записал важное, по мнению автора, замечание о том, что «народная интеллигенция с политическим опытом 1905–1906 гг. в большинстве погибла на войне и крестьянству предстояло заново накапливать политический опыт» (с. 26).

Участие крестьянства в Гражданской войне могло иметь вид самостоятельных выступлений или вовлечения их агитационными и мобилизационными мероприятиями в РККА, белые армии или другие вооруженные формирования. Во время крестьянских восстаний формировались самоназвания крестьян. Так, крупным выступлениям в Поволжье в 1919 и 1920 гг. дали наименования чапаны (от названия крестьянского кафтана) и вилочники (по названию оружия). В самоназваниях повстанческих отрядов присутствовали мотивы социальной справедливости: «армия правды», «войска воли народа», «восстание голодающих крестьян» и т.п. Начало крестьянскому сопротивлению положили хлебная монополия, а с лета 1918 г. – выборочные мобилизации. Первый призыв в РККА осенью

1918 г. вызвал масштабные крестьянские восстания. Тем не менее деревня «дала армии 800 тысяч призывников, что позволило красным развернуть военное строительство» (с. 33).

В 1920–1921 гг. крестьянство выступало в рамках самостоятельных организаций и собственных вооруженных структур, а также в качестве красноармейцев, переходивших на повстанческое положение. Вождями восставших были люди, занимавшие командные должности в РККА, – Сапожков, Маслаков, Колесов, Вакулин. На белой стороне в начале Гражданской войны добровольчество было наименее крестьянским. Но вскоре произошло объединение офицерско-интеллигентских и крестьянских добровольцев. Красные же пополнялись крестьянами в основном в зонах военных действий или в оккупированных районах. Села нередко становились лакомым куском для «реквизиций». Поэтому именно они, пострадав в период революции, становились базой антибольшевистской борьбы или раскалывались, поставляя воинский контингент как белым, так и красным. «В последнем случае примером может служить степное самарское Заволжье», – замечает автор (с. 37).

Зеленое движение росло на базе массового дезертирства крестьян и уклонения их от призыва в РККА и белые армии. Оно было слабо структурированным и охватило несколько крупных регионов: Прихоперье, Северный регион, Северо-Запад, Западные губернии, Центрально-промышленный район. В последнем наиболее серьезные восстания происходили в Ярославской и Костромской губерниях. Он же считается классическим «зеленым» регионом. Еще в 1918 г. серьезные крестьянские выступления произошли в его основных губерниях, в том числе в Московской. Так, в Гжатском, Вяземском, Волоколамском уездах в 1918 г. «велись бои с повстанцами, в частности, силами Волоколамской пулеметной школы» (с. 180).

С одной стороны, зеленые восстания не вызывали упорных боевых действий и не приводили к большим потерям. С другой стороны, в ходе них произошло уничтожение целых сел, например Малиновки в Саратовской губернии, нескольких сел в Костромской и Тверской губерниях. Это свидетельствует и о силе движения, и о жестокости его участников.

В великорусских промышленных губерниях Севера, Центра и Северо-Запада зачастую не было белых, и зеленое движение носило самостоятельный, обособленный характер, противопоставляемый красным. На деле позиция великорусских крестьян не была однозначной, что выражалось в готовности к диалогу с властью. В целом зеленое движение из-за своей слабой организации часто терпело

поражения. Как пишет автор, «мощные зеленые восстания на почве неприятия продовольственной политики власти были подавлены, после чего наиболее упрямые продолжали скрываться или же организовали устойчивые небольшие группировки…» (с. 179).

Зеленое движение оказалось «вписано во многие горизонты пореволюционного существования человека» (с. 211). Оно не только имело пересечения с белым и красным движениями. Всплеск православной веры сделал некоторых дезертиров странствующими проповедниками, призывавшими отозвать солдат с фронта и разделить продовольственные запасы. Повсеместно создавались братства и союзы верующих, которые «организовывали крестные ходы, невооруженную защиту храмов, сети взаимопомощи верующих» (с. 212).

У зеленых неизбежно возникали контакты с организованными и вооруженными мешочниками, которые выступали как авангард крестьянского сопротивления большевистской политике. Мешочники выполняли социальные функции, в частности, играли значительную роль в снабжении населения хлебом. Наиболее упрямые зеленые оказывались между основным массивом крестьянства, властью и преступным миром. Дезертиры облагали деревни данью, не боялись столкновений с продотрядами, отделяя себя от «уркаганов». В то же время советская власть создавала образ дезертира-зеленого как уголовника и беспробудного пьяницы. Действительно, некоторые дезертиры пошли по уголовной линии, нанося вред как властям, так и крестьянам. Они промышляли разбоем, как, например, гуслицкие разбойники, наследники атамана Чуркина в Подмосковье. Гражданская война создавала парадоксальные конфигурации. Многие советские функционеры, в том числе из ВЧК-ОГПУ-НКВД, имели за плечами проявления «“красного” или общеуголовного бандитизма, это характерно, например, для выходцев из сибирских партизан» (с. 222).

В белорусских губерниях зеленое движение переплеталось со становящимся национальным самосознанием. В годы Первой мировой войны губернии были оккупированы немцами, дав мощную волну беженцев. Десятки тысяч белорусских мужчин воевали на фронтах. Все это породило ощущение местных, «тутейших». Его носителями были недавние фронтовики с глубокими сельскими корнями. В белорусских землях существовало боевое партизанское формирование и одновременно крестьянская партия под названием «Зеленый дуб». Белорусы, часть земель которых оказалась в составе второй Речи Посполитой, были вынуждены лавировать в своем польском сегменте. А «Зеленый дуб» вошел в состав «Брат-

ства русской правды» «по постановлению правящего центра объединенных партизанских отрядов Западной России» (с. 227).

В украинских губерниях название «зеленые» не получило распространения, ассоциаций с зелеными тоже практически не возникало. Махновцы считали себя махновцами, григорьевцы – григорьевцами. Принципиальную «зеленую» позицию занимал лишь атаман юга Киевщины Даниил Ильич Терпило (1886–1919) по прозвищу Зеленый. Он отличился тем, что успел сменить много знамен, оставаясь при этом левым и не теряя национальной украинской и сугубо местной (трипольской) мотивации. Близость к Киеву сделала формирования Зеленого опасными для любой власти на Украине. В 1918 г. он возглавил восстание против немцев и гетманцев в Киевском и Каневском уездах. Кроме того, он участвовал в штурме Киева в составе войск УНР и объявил в родном Триполье независимую республику. Целью Зеленого была борьба «за самостоятельную Советскую Украину без партийной диктатуры» (с. 231). Атаман скончался в декабре 1919 г. По одной версии, он был смертельно ранен в бою с белыми, по другой – его заманили в краснопартизанский отряд и там расстреляли.

Когда зеленая повстанщина приобретала густую уголовную окраску, прибежищем зеленых становились монастыри. Примеры этому – случаи с рязанскими повстанцами Огольцова, с нижегородскими зелеными, Матренин монастырь в «гайдамацком крае» Чигиринского уезда. Борьба с дезертирами оставалась актуальной до конца Гражданской войны. О зеленых и борьбе с ними писала пресса, их образы создавались в литературе. К примеру, красные, обращаясь к дезертирам, «использовали как агитацию, так и художественные средства» (с. 263).

Народная литературная реакция на рассматриваемые события – это появление частушек на тему зеленого движения. Последнее воспринималось народом «как самостоятельная, мужицкая, противоположная и белым и красным, сила» (с. 279). В этих произведениях понятия «дезертир» и «зеленый» не выступают в качестве безусловных синонимов. Выделяется махновский частушечный фольклор, в котором зеленые противопоставляются не только белым и красным, но и махновцам.

Автор полагает, что из «восстаний, массового дезертирства и зеленовщины 1918–1920 гг. вырастало неприятие советской власти как легитимной, а СССР – как подлинного отечества» (с. 282). В 1920-е годы это неприятие примет форму религиозного нонкон-

формизма, а в годы Великой Отечественной войны – сознательного уклонения от мобилизации по религиозно-политическим мотивам.

В заключении А.В. Посадский пишет, что «крестьянство несет в себе корпус ментальных представлений народа и политический опыт предшествующих столетий. Слабоорганизованное массовое движение, зачастую готовое на компромисс с властью, как раз и выступило корректором политических решений революционной власти. Зеленые выступили в 1919-м голосом крестьянства» (с. 285). Название «зеленые» всплывало и позднее. Так, например, в 1931 г. в Нижнедевицком и Горшечинском районах ЦЧО была вскрыта контрреволюционная повстанческая организация «Зеленая армия». В сегодняшнем мире существует движение мелких фермеров La Via campesina («Путь крестьян»), понимающее себя как международное крестьянское движение. Поэтому «зеленые русской Гражданской войны давно принадлежат истории, но зеленый цвет по-прежнему живет в политике как цвет протеста, маркер многочисленных трудовых масс, не услышанных сильными мира сего» (с. 287).

О.В. Бабенко

О.В. Бабенко

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ

В 2017 г. отмечался столетний юбилей Февральской и Октябрьской революций в России, именуемых в историографии «русской революцией». 2018 год – год столетия начала Гражданской войны. Именно поэтому в последнее время данным событиям уделяется повышенное внимание в научной литературе. Роль революций 1917 г. и их последствия для XX столетия неоспоримы. Однако их сущность вызывает много споров, и результаты Октябрьской революции подвергаются самым разным оценкам – от крайне негативных до идеализированных, принятых в советской историографии. Выработка новых подходов к этой теме началась в 1990-е годы. Процесс переосмысления проблематики революций 1917 г. и Гражданской войны продолжается и по сей день.

В то же время тема взаимоотношений революционеров и творческой интеллигенции еще не получила достаточного освещения в отечественной и зарубежной историографии. Следует отметить, что творческие люди в революционный период не могли оставаться вне политики, не могли не реагировать на происходившие в стране события. А Гражданская война явилась страшным бедствием для нашего народа, и многим деятелям культуры пришлось вынужденно эмигрировать из страны. Существует огромное множество источников о революции и Гражданской войне, созданных деятелями русского искусства. В данной публикации мы опираемся на документальные свидетельства его крупнейших представителей – выдающегося композитора и дирижера Сергея Васильевича Рахманинова (1873–1943), известного баса Федора Ивановича Шаляпина (1873–1938) и театрального деятеля с мировым именем Константина Сергеевича Станиславского (1863–1938).

С.В. Рахманинов в своих воспоминаниях, записанных и прокомментированных Оскаром фон Риземаном, не смог обойти 1917 год. Биограф Рахманинова С.Р. Федякин высказал мнение, согласно которому композитор поддался первому обнадеживающему впечатлению от Февральской революции (7, с. 327). Но эта точка зрения не подтверждается воспоминаниями самого Рахманинова. На деле он объективно оценил Февральскую революцию. Если в революции 1905 г. Рахманинов видел радостное событие и полагал, что она «предоставляла возможность осуществить социальные преобразования государства», то февральские события 1917 г., что следует из его воспоминаний, вызвали у него глубокое разочарование (5, с. 193). Он одним из первых «понял неизбежность приближающейся гибели, а пассивность, вялость и слабость Временного правительства приводили его в отчаяние. Композитора одолевали мрачные предчувствия, касавшиеся не столько его самого, сколько любимой родины, которая шаг за шагом всё глубже погружалась в пучину несчастий. Казалось, что из этой ситуации, становившейся всё более непереносимой, нет выхода» (5, с. 194).

А вот что говорит Рахманинов о своем отношении к захвату власти большевиками: «Я не принадлежал к тем, кто слеп к действительности и снисходителен к смутным утопическим иллюзиям. Как только я ближе столкнулся с теми людьми, которые взяли в свои руки судьбу нашего народа и всей нашей страны, я с ужасающей ясностью увидел, что это начало конца – конца, который наполнит действительность ужасами. Анархия, царившая вокруг, безжалостное выкорчевывание всех основ искусства, бессмысленное уничтожение всех возможностей его восстановления не оставляли надежды на нормальную жизнь в России» (5, с. 195). В родной для композитора Ивановке в 1917 г. барское имущество разворовывали крестьяне, они же убили любимую собаку Рахманинова. В то время композитор еще выходил на прогулки с супругой, но музыка в его имении уже не звучала. А 5 сентября 1917 г. состоялся ялтинский концерт Рахманинова – его последнее выступление в России.

Ф.И. Шаляпин тоже отреагировал на революционные события 1917 года, отметив, как и Рахманинов, их негативные последствия. Как пишет певец, «произошло то, что все “медали” обернулись в русской действительности своей оборотной стороной. “Свобода” превратилась в тиранию, “братство” – в гражданскую войну, а “равенство” привело к принижению всякого, кто смеет поднять голову выше уровня болота. Строительство приняло форму сплошного

разрушения, и “любовь к будущему человечеству” вылилась в ненависть и пытку для современников» (8, с. 253). Тем не менее, как пишет профессор РАТИ В.Н. Дмитриевский, Шаляпин встретил Февральскую революцию «с надеждой и радостью» (3, с. 357). Как и многие творческие люди того времени, певец был охвачен счастливой эйфорией и надеждами на светлое будущее. Однако радость Шаляпина довольно быстро сменилась печалью, так как артист был очевидцем самых страшных и гнусных революционных явлений.

В своей книге «Маска и душа» Ф.И. Шаляпин приводит собственные наблюдения за происходящим в стране в период Февральской революции: «События стали развертываться со страшной быстротой. В столице не хватало продовольствия, образовались хвосты, в которых люди заражали друг друга возмущением. Заволновались солдаты в казармах. Какой-то солдат застрелил в строю офицера. Вышел из повиновения весь полк. Не стало императорской армии. Выпал один кирпич, и все здание рухнуло. Не очень крепко, значит, оно держалось» (8, с. 193). И эти наблюдения соответствуют научной статистике. Так, профессор А.В. Шубин пишет, что еще в январе 1917 г. продовольственное снабжение Петрограда и Москвы составляло 25% от нормы (9, с. 22).

Ф.И. Шаляпин зафиксировал и то, что происходило возле его питерского дома: «Из окна моего дома я увидел огромнейшие клубы дыма. Это горел подожженный толпой Окружной суд. Началась революция. Народ, представители армии, флотские люди потянулись к Государственной думе, где приобщались к революции. С царем разговаривал фронт. Столицы зашумели в невообразимом нервном напряжении» (8, с. 193).

Певец пишет и о том, как революционная ситуация отразилась на театральной жизни: «Скоро политика, образцы которой мы видели на Невском проспекте, ворвалась в Петербургские театры. Во время спектаклей в театрах начали появляться какие-то люди – между ними бывал и Троцкий – и прерывали действия на сцене речами к публике. Они говорили, что пора кончать радостные зрелища, что пора прекратить праздные забавы. Народ на фронте, а столицы поют и пляшут» (8, с. 196).

Театральная жизнь, как и жизнь в стране вообще, погрузилась в смуту. «Началось брожение и в императорских театрах, – продолжает Шаляпин. – Старая дирекция во главе с Теляковским была Временным правительством сменена. Бедный Теляковский был арестован и уведен в Государственную думу» (8, с. 196). В то же время Шаляпин признает необходимость перемен в театре: «При всей моей симпатии

и при всем моем уважении к прекрасному человеку, каким был В.А. Теляковский, я не могу отрицать, что в смене дирекции была, может быть, известная логика, да и сам Теляковский разделял это мнение. Императорские театры были переименованы в государственные, должны были сделаться национальными. Дирекция, проникнутая дворцовым духом, была неуместна в новых условиях» (8, с. 196–197).

Ф.И. Шаляпин проводит также параллели между политической ситуацией в стране и положением в театрах. Он пишет, что «двоевластие, бывшее тогда модным во всем государстве, восторжествовало и в государственных театрах. Была новая дирекция и художественный совет, как бы “Временное правительство”, и наряду с ним утвердился за кулисами как бы “Совет рабочих депутатов” – из хористов, музыкантов и рабочих, вообще из театрального пролетариата» (8, с. 197).

Все эти явления имели место на фоне всеобщего хаоса. «А революция “углублялась”. Всё смелее подымали голову большевики. Я жил на Каменноостровском проспекте, и мой путь из дому в театр Народного дома лежал близко от главного штаба большевиков, который помещался во дворце знаменитой танцовщицы Мариинского балета М.Ф. Кшесинской. Большевики захватили самовластно дворец и превратили его обширный балкон в революционный форум. Проходя мимо дворца, я останавливался на некоторое время наблюдать сцены и послушать ораторов, которые беспрерывно сменяли друг друга», – рассказывает артист (8, с. 201).

Шаляпин, по его же признанию, осознавал, что Временное правительство доживает свои последние дни. И это, как он сам пишет, понимали даже в кругах, близких к Временному правительству. В связи с этим певец вспоминает петербургский обед с друзьями-политиками, который многое ему прояснил. «Обед был устроен депутатом М.С. Аджемовым, видным деятелем кадетской партии и другом Временного правительства, в честь наших общих друзей В.А. Маклакова и М.А. Стаховича. Оба они только что были назначены Временным правительством на важные дипломатические посты: Маклаков – послом в Париж, Стахович – послом в Мадрид. На следующий день они покидали родину, и дружеская встреча за прощальным обедом носила очень сердечный характер. Остроумный Аджемов как хозяин дома давал тон веселой беседе. <…> Но сквозь веселье, смех и юмор прорывалась внутренняя печаль. Очень уж грустны были наши шутки: говорили о том, как по частям и скопом Временное правительство будет скоро посажено в тюрьмы Лениным и Троцким, приближение которых уже чувствовалось в воздухе»

(8, с. 202). Запомнились Шаляпину и прощальные слова Маклакова, относившиеся к последствиям революции: «Не будет ни одного человека, совершенно ни одного, кто бы избегнул в будущем страданий» (8, с. 202). Артист знал, что Маклаков уезжает из России тайно, как контрабандист. «Правительство опасалось, что если об отъезде “империалиста” Маклакова на пост посла в Париже узнает революционная чернь, то она его так же задержит на вокзале и не позволит ему уехать, как до этого задержала на Финляндском вокзале бывшего министра иностранных дел С.Д. Сазонова, назначенного российским послом в Лондон…» (8, с. 203).

Говоря о периоде после свержения Временного правительства, Шаляпин пишет прежде всего о фигуре В.И. Ленина. Певец признается в своей «невежественности» и «аполитичности»: «О людях, ставших с ночи на утро властителями России, я имел весьма слабое понятие. В частности, я не знал, что такое Ленин. Мне вообще кажется, что исторические “фигуры” складываются либо тогда, когда их везут на эшафот, либо тогда, когда они посылают на эшафот других людей» (8, с. 205). Ленин был тогда для Шаляпина мало заметен, он больше знал о Троцком. «Насчет Ленина же, – пишет певец, – я был совершенно невежественным и потому встречать его на Финляндский вокзал я не поехал, хотя его встречал Горький, который в то время относился к большевикам, кажется, враждебно» (8, с. 205). За приездом Ленина последовало неприятное для артиста событие – у него конфисковали автомобиль. «Я рассудил, что мой автомобиль нужен “народу”, и весьма легко утешился», – констатирует артист (8, с. 205).

В первые дни после революции, как справедливо замечает Шаляпин, «столица еще не отдавала себе ясного отчета в том, чем на практике будет для России большевистский режим. И вот первое страшное потрясение. В госпитале зверским образом матросами убиты “враги народа” – больные Кокошкин и Шингарев, арестованные министры Временного правительства, лучшие представители либеральной интеллигенции» (8, с. 205).

Интересны наблюдения Шаляпина за позицией М. Горького в отношении революции. Как отмечается в воспоминаниях артиста, изначально Горький был на стороне социал-демократов и их революционных планов. Однако ход и результаты революции глубоко разочаровали писателя. Шаляпин пишет по этому поводу следующее: «Горький не скрывал своих чувств и открыто порицал большевистскую демагогию. Помню его речь в Михайловском театре. Революция, говорил он, не дебош, а благородная сила, сосредоточенная в руках трудящегося народа. Это торжество труда, стимула, двигаю-

щего мир. Как эти благородные соображения разнились от тех речей, которые раздавались в том же Михайловском театре, на площадях и улицах, от кровожадных призывов к погромам! Я очень скоро почувствовал, как разочарованно смотрел Горький на развивающиеся события и на выдвигающихся новых деятелей революции» (8, с. 206–207). Интересно, что Шаляпин, будучи другом писателя, не стремился приукрасить его отношение к революции, его взгляды. Возможно, это объясняется тем, что мнения Шаляпина и Горького в отношении событий 1917 г. совпали.

Певец пишет и о театрах в революционное время. В 1917 г. театры не закрывались, но постепенно менялся социальный состав публики, а театральные залы начали использоваться не по назначению. Вот что пишет об изменениях в социальном составе публики Ф.И. Шаляпин: «Обычная наша театральная публика, состоявшая из богатых, зажиточных и интеллигентных людей, постепенно исчезла. Залы наполнялись новой публикой. Перемена эта произошла не сразу, но скоро солдаты, рабочие и простонародье уже господствовали в составе театральных зал» (8, с. 208). Однако певец не связывает это со стремлением простого народа приобщиться к культуре. «Но напрасно думают и утверждают, что до седьмого пота будто бы добивался русский народ театральных радостей, которых его раньше лишали, – утверждает Шаляпин, – и что революция открыла для народа двери театра, в которые он раньше безнадежно стучался. Правда то, что народ в театр не шел и не бежал по собственной охоте, а был подталкиваем либо партийными, либо военными ячейками» (8, с. 208).

Артист рассказывает и о своем материальном положении в 1917 г. «Материально страдая, – пишет Шаляпин, – я все-таки кое-как перебивался и жил. Если я о чем-нибудь беспокоился, так это о моих малолетних детях, которым зачастую не хватало того-другого, а то даже просто молока. Какие-то бывшие парикмахеры, ставшие впоследствии революционерами и завладевшие продовольственными организациями, стали довольно неприлично кричать на нашу милую старую служанку и друга нашего дома Пелагею, называя меня буржуем, капиталистом и вообще всеми теми прилагательными, которые полагались людям в галстуках. Конечно, это была частность, выходка невежественного и грубого партийца. Но таких невежественных и грубых партийцев оказывалось, к несчастью, очень много и на каждом шагу. И не только среди мелкой сошки, но и среди настоящих правителей» (8, с. 214). Шаляпин вспоминает, как петербургский губернатор Москвин самовольно запретил его концерт, хотя выступления певца не были

признаны противозаконными и обычно разрешались в то трудное для страны время. Певцу удалось дипломатично уладить возникшую проблему, но он справедливо заметил, что товарищи Москвины «составляли самую суть режима и отравляли российским людям и без того печальное существование» (8, с. 215).

Ф.И. Шаляпин запечатлел в своих воспоминаниях еще один характерный для революционного времени случай. Как-то артист купил у знакомой балерины 15 бутылок вина. Ночью к нему постучались молодые солдаты с ружьями и штыками, ведомые штатскими людьми. Они учинили обыск в доме артиста, и не найдя запрещенной литературы, забрали вино, игральные карты и револьвер, на который у певца было разрешение. В другой раз какой-то комиссар невежливо обошелся с супругой Шаляпина и хотел приехать к ним в гости в 3 часа ночи. Артисту надоели такие «визиты», он хлопотал об их прекращении. Вино и револьвер ему удалось вернуть. Однако Совет солдатских и матросских депутатов Ялты снял со счета певца 200 000 рублей, которые были для него потеряны. «Это не в моем ведении», – сказал Ф.И. Шаляпину председатель Петроградского совета Г.Е. Зиновьев (8, с. 219).

Каковы были последствия революций для С.В. Рахманинова и Ф.И. Шаляпина? Семье Рахманинова после Октябрьской революции удалось выехать в Европу, а затем в Америку. «Помимо денежного состояния, поместья и квартиры Рахманинов оставил большевикам куда более ценное имущество: все рукописи, опубликованные и неопубликованные» (1, с. 197). Шаляпин тоже оказался в эмиграции, но позднее – в 1922 г. Артист не желал покидать родину, но бесцеремонная и жестокая политика большевистских властей вынудила его это сделать. Наряду с Рахманиновым и Шаляпиным из страны эмигрировали многие деятели науки и искусства, в том числе авиаконструктор И.И. Сикорский, химики П.И. Вальден и И.Р. Пригожин, композитор И.Ф. Стравинский, артист А.Н. Вертинский, писатели И.А. Бунин, А.И. Куприн и Д.С. Мережковский, художники В.В. Кандинский и М.З. Шагал.

К.С. Станиславский, гениальный преобразователь сценического искусства, режиссер, актер, педагог, теоретик театра, Россию не покинул. Но не отреагировать на катастрофу, потрясшую его родину, не мог. Отдельный параграф воспоминаний Константина Сергеевича «Моя жизнь в искусстве» посвящен революционному времени. «Но вот в 1917 году грянула Февральская революция, – пишет Станиславский, – а за ней и Октябрьская. Театр получил новую миссию: он должен был открыть свои двери для самых

широких слоев зрителей, для тех миллионов людей, которые до того времени не имели возможности пользоваться культурными удовольствиями» (6, с. 417). И в этом мнение Станиславского расходится с вышеуказанной точкой зрения Шаляпина.

Великий актер с воодушевлением принял Октябрьскую революцию, находясь во время нее на сцене. 25 октября он играл Фамусова в спектакле «Горе от ума», а на следующий день Гаева в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад». О последнем выступлении Станиславский писал следующее: «Это был один из самых удачных спектаклей по вниманию к нему зрителей. Казалось, что они хотели передохнуть в атмосфере поэзии, проститься навсегда со старой, требующей очистительных жертв жизнью. Спектакль закончился сильнейшей овацией, а из театра зрители выходили молча, – и, кто знает, может быть, среди них были и те, которые готовились к бою за новую жизнь. Вскоре началась стрельба, укрываясь от которой, мы с трудом пробирались по домам после спектакля» (цит. по: 1, с. 564). С 27 октября до 21 ноября спектаклей в МХТ не было из-за политических событий. В это и последующее время Станиславский участвовал в собраниях Товарищества МХТ и членов Профессионального союза актеров Москвы, выступал против деятелей театра, призывавших актеров организовать стачечный фонд и объявить забастовку в знак протеста против новой власти. Такую меру Константин Сергеевич считал губительной для искусства.

Как отмечает Станиславский, первое время после революции публика в театре была разной: бедные и богатые, простые люди и интеллигенты. «Раз или два в неделю мы играли свой обычный репертуар в огромном здании Солодовниковского театра, перетаскивая туда свою обстановку и декорации», – вспоминает актер и режиссер (6, с. 417). Спектакли проходили в переполненном зале при напряженном внимании зрителя. После революции через театр прошло много слоев населения: «Был период военных депутатов, съезжавшихся со всех концов России, потом – молодежи и, наконец, рабочих и вообще зрителя, еще не приобщившегося к культуре…» (6, с. 421). В это время появились и крайне отрицательные явления в театральном искусстве: театр заполонили люди, называвшиеся артистами, но не имевшие никакого отношения к сцене. Они «грубо эксплуатировали театр, присасываясь к выгодным халтурным выступлениям перед доверчивым зрителем, заинтересовавшимся искусством» (6, с. 421).

В тяжелых социально-политических условиях 31 декабря 1917 г. на собрании Товарищества МХТ обсуждался проект Ста-

ниславского по реорганизации театра. В 1918 г. Станиславский предложил устроить Оперную студию при Большом театре. Как пишет он сам, в этой студии «певцы могли бы совещаться со мной по вопросам сценической игры, а молодежь готовила бы из себя будущих певцов-артистов, систематически проходя для этого необходимый курс» (6, с. 429). Кроме того, Константин Сергеевич играл на сцене, намечал репертуар театра, обсуждал возможность переустройства жизни театров в связи с создавшейся ситуацией.

Необходимо отметить, что положительное отношение Станиславского к большевистским властям было взаимным. После того как 15 декабря 1918 г. В.И. Ленин посмотрел спектакль «На всякого мудреца довольно простоты» со Станиславским в роли генерала Крутицкого, лидер большевиков сказал следующее: «Станиславский – настоящий художник. Он настолько перевоплотился в этого генерала, что живет его жизнью в мельчайших подробностях» (цит. по: 2, с. 32).

Совершенно очевидно, что Гражданская война не могла не отразиться на работе Станиславского и Художественного театра, что выразилось, в частности, в трудностях, связанных с выездами артистов из Москвы на гастроли. Как пишет известный американский профессор Питер Кенез, «страна развалилась, и фактически в каждой деревне была своя гражданская война, зачастую не имеющая никакого отношения к идеологии красных и белых» (4, с. 6). В начале лета 1919 г. труппу МХТ постигла катастрофа: она была расколота пополам и фактически перестала существовать, а пополнения кадров не происходило в течение многих лет. Вот что рассказывает о случившемся Станиславский: «В июне 1919 года группа артистов Московского Художественного театра с О.Л. Книппер и В.И. Качаловым во главе выехала на гастроли в Харьков и месяц спустя была настигнута и отрезана от Москвы наступлением Деникина. Очутившись по другую сторону фронта, наши товарищи не могли уже вернуться к нам: большинство из них были с семьями, другие физически не в состоянии были предпринять непосильно трудного и опасного перехода через фронт» (6, с. 422).

Таким образом, в 1910-е годы творческая интеллигенция остро восприняла революционную ситуацию, попыталась дать ей свою оценку, которая оказалась негативной. Правда, К.С. Станиславский в своих мемуарах предпочел сделать акцент на деятельности театра, а не на политической ситуации. Что же касается С.В. Рахманинова и Ф.И. Шаляпина, то их нельзя обвинить в предвзятости суждений, субъективности, так как они были очевидцами

революционных событий и даже пострадали от бездумных действий большевиков и их сторонников. Художественная жизнь в революционное время не остановилась, но подверглась серьезным переменам: в нее начали вмешиваться новые власти. Революции 1917 г. и Гражданская война вынудили С.В. Рахманинова и Ф.И. Шаляпина, как и многих других творческих людей, покинуть Россию. А К.С. Станиславский нашел в себе силы остаться на родине и принял власть большевиков, чтобы работать во имя сохранения лучших традиций русской театральной культуры.

Список источников и литературы

1. *Виноградская И.Н.* Жизнь и творчество К.С. Станиславского: Летопись в четырех томах. – М.: МХТ, 2003. – Т. 2. – 592 с.
2. *Виноградская И.Н.* Жизнь и творчество К.С. Станиславского: Летопись в четырех томах. – М.: МХТ, 2003. – Т. 3. – 608 с.
3. *Дмитриевский В.Н.* Шаляпин. – М.: Молодая гвардия, 2014. – 543 с.
4. *Кенез П.* Подлинная история Добровольческой армии, 1917–1918. – М.: Алгоритм, 2017. – 320 с.
5. *Рахманинов С.В.* Воспоминания, записанные Оскаром фон Риземаном / пер. с англ., послесл. и коммент. В.Н. Чемберджи. – М.: АСТ, 2016. – 320 с.
6. *Станиславский К.С.* Моя жизнь в искусстве. – М.: «Искусство», 1972. – 536 с.
7. *Федякин С.Р.* Рахманинов. – М.: Молодая гвардия, 2014. – 478 с.
8. *Шаляпин Ф.И.* Маска и душа. – М.: АСТ, 2014. – 320 с.
9. *Шубин А.В.* Революционный 1917 год: От Февраля к Октябрю. – М.: Академический проект, 2018. – 331 с.

Еремеева А.Н.

«НАХОДЯСЬ ПО УСЛОВИЯМ ВРЕМЕНИ В ПРОВИНЦИИ…»: ПРАКТИКИ ВЫЖИВАНИЯ РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. – Краснодар: Платонов И., 2017. – 208 с. (Реферат)

Книга д-ра ист. наук, профессора А.Н. Еремеевой состоит из введения, девяти глав, заключения. Как отмечает во вступлении автор, тема выживания интеллигенции в годы революций 1917 г. и Гражданской войны в советской историографии изучалась в узких рамках «идейного воспитания буржуазных специалистов» и привлечения ученых к социалистическому строительству (с. 5). В последние 25 лет появились работы (А.И. Авруса, Н.Н. Алеврас, Э.И. Колчинского и др.), в которых по-новому рассматривается научная жизнь и условия жизни и выживания отдельных ученых: роль столичных ученых в возникновении и формировании провинциальных вузов; возникновение и функционирование научных учреждений; идеологические и политические размежевания в среде интеллигенции; взаимоотношения научной интеллигенции и власти, причем речь идет и о советском режиме, и о белых правительствах.

Автор использует широкий круг источников из центральных и региональных архивов России, Украины, США; научные и публицистические труды 1917–1920-х годов; делопроизводственные документы вузов, научных учреждений, органов власти и управления несоветской России. Автор активно привлекает воспоминания, дневники, частную переписку и т. п. литературу, но отмечает, что на них сказались идеологические установки времени. «Большинство же из потока беженцев в автобиографиях и анкетах в качестве причин отъезда из столиц в 1917–1918 гг. выдвигали “уважительные”: состояние здоровья, семейные обстоятельства, гастрольный

график, избрание по конкурсу и т.д. Задержка в провинции на несколько лет объяснялась исключительно отрезанностью линией фронта от советской России» (с. 5).

Осторожно следует относиться к биографиям, созданным в советские годы: «Биографы филигранно “интерпретировали” перипетии жизни своих персонажей в 1917–1920 гг. (особенно хорошо это заметно по многочисленным книгам об академике В.И. Вернадском), дабы не запятнать репутацию советских ученых. Разумеется, подобные трактовки были следствием идеологических ограничений» (с. 6). Более открытые и подробные версии можно найти в мемуарах эмигрантов. Это публикации из серии «Архив русской революции» (берлинское издание И.В. Гессена 1920–1930-х годов); опубликованная в 1929 г. в США на английском языке книга «Русские школы и университеты в годы Первой мировой войны», созданная русскими учеными и политическими деятелями, и др.

Еремеева рассматривает предысторию вопроса, описывая структуру и состояние науки и высшего образования в Российской империи начала XX в. Императорская Санкт-Петербургская академия наук была одним из важнейших компонентов российской науки. В ее состав входили: один институт, семь музеев, пять лабораторий, семь сейсмических станций, 31 комиссия (с. 10). Научные исследования велись еще в других ведомствах, например морском, военном и т.п. К 1914 г. в стране насчитывалось 11 университетов, 65 государственных вузов, 59 общественных и частных высших учебных заведений. Распределение научных и образовательных учреждений по территории империи было неравномерным, большая часть их была сконцентрирована на европейской территории страны, в Средней Азии не было ни одного вуза, на Дальнем Востоке и на территории Кавказа научная структура находилась в зачаточном состоянии. Российское государство регламентировало деятельность вузов и научных учреждений, хотя были определенные элементы автономии и самостоятельности управления. «В целом в дореволюционной России была создана система воздействия государства на организацию научной работы, включавшая государственное финансирование, законодательное регулирование, предоставление ученым статуса государственных служащих» (с. 14).

Начало Первой мировой войны резко нарушило устоявшуюся научную жизнь. Значительная часть ученых поддержала германофобские настроения, распространенные в обществе: «В одночасье традиционные научные партнеры – германские ученые и вся немецкая наука превратились в мишень всеобъемлющей критики;

они были фактически объявлены виновниками разразившейся войны. Не последнюю роль здесь сыграли аналогичные заявления германских ученых в отношении российских коллег» (с. 21). Однако следует отметить, что вместе с тем в обществе и среди ученых были те, кто разделял пацифистские настроения.

Изменения коснулись не только общих настроений, но и организации науки. Государство стало координировать деятельность научных учреждений, работавших на оборону страны, в соответствии с новыми условиями. Высшие технические учебные заведения стали получать заказы от военных ведомств, а профессора приглашались на работу в военные комитеты. Преподаватели медицинских вузов были привлечены к подготовке и переподготовке военных врачей. По всей стране организовывались экспедиции для поиска стратегического сырья, дубильных веществ, лекарственных растений.

Свой вклад вносили ученые-гуманитарии. В публицистических сочинениях, публичных лекциях формировался образ врага, обосновывалась идея духовного превосходства России и ее союзников. В Академии наук была образована комиссия по сохранению и охране памятников. По ее инициативе, а также других подобных обществ на фронты оправлялись целые экспедиции и отдельные специалисты. Так, историк Е.Ф. Шмурло был командирован на Западный фронт, «в его задачу входило “охранение и вывоз ценных предметов, а также инвентаризация библиотек, древлехранилищ и музеев” в Привислинском крае, Галиции и Буковине» (цит. по: с. 31). Начались эвакуации вузов, Варшавский университет перебрался в Москву, потом в Ростов-на-Дону; в Саратов переехали киевские вузы.

Февральскую революцию большинство профессуры встретило восторженно. В их среде были сильны либеральные и оппозиционные настроения. Среди 37 членов Временного правительства был один академик (С.Ф. Ольденбург), пять профессоров, два приват-доцента. Но среди восторженных и благожелательных откликов встречались и более осторожные мнения: «Академик И.П. Бородин в письме дочери от 5 марта с тревогой размышлял о последствиях “тех огромных событий, которые мы здесь пережили с головокружительной быстротой”: “Но что будет дальше? Надо быть большим оптимистом, чтобы спокойно смотреть в глаза даже ближайшему будущему. Крайние левые, особенно с.-д., могут испортить всё… Теперь каждый день стоит года”» (цит. по: с. 43).

Еремеева утверждает, что большинство научной интеллигенции крайне негативно восприняло октябрьские события. Уже в

ноябре 1917 г. АН и рядом научных учреждений были приняты резолюции, осуждающие захват власти большевиками. Оппозиционные настроения усилились после разгона Учредительного собрания и подписания Брестского мира (с. 57).

Массовое перемещение научной интеллигенции началось с конца 1917 г. Одним из первых на территорию Украины уехал академик В.И. Вернадский, опасаясь за свою жизнь из-за участия в работе Временного правительства. В период немецкой оккупации Украина была одним из популярных центров беженства. «Мемуаристы подчеркивали особенности внешнего облика Киева: непривычную чистоту (даже на железнодорожном вокзале), немецкие вывески, выступления художественных коллективов из Германии, огромное количество развлекательных учреждений» (с. 63). Также для профессоров были привлекательны крупные культурные украинские города Одесса, Харьков, Екатеринослав. На рубеже 1918–1919 гг., после того как в Киев вошли войска Петлюры, ситуация изменилась, по сравнению с Директорией немецкий режим был более лояльным к беженцам. «Очевидец событий С.П. Тимошенко вспоминал: “В последние дни Директории многие покидали Киев и уезжали на юг в Одессу и в Крым”» (с. 65).

Главным центром интеллектуальной эмиграции на юге страны историк называет область Войска Донского. В Ростов-на-Дону и Новочеркасск переехали некоторые университеты и другие вузы, а эмигрировавшие профессора создавали новые учебные заведения в Ставрополе и во Владикавказе. Жители европейской части России, особенно Москвы и Петербурга, активно заселяли этот регион. Многие имели здесь дачи и просто оставались и не возвращались, другие целенаправленно перебирались в Крым, с его благодатным климатом, относительной зажиточностью. Да и близость портовых городов тоже играла свою роль. Кроме того, для некоторых ученых здесь была возможность научной работы: в Симферополе был создан Таврический университет, действовали Никитский ботанический сад, Севастопольская биологическая станция РАН, Симеизское отделение Пулковской астрономической обсерватории.

На другом конце страны – в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке – на контролируемых белыми территориях также расцветала научная жизнь. «В Омске проживала вся интеллигенция, дворянство, профессора, торговый класс, духовенство из Казани, Самары, Симбирска, из Перми, Уфы, а потом Екатеринбурга… представители воинских частей и дипломаты чуть ли не половины Европы», – вспоминал журналист Л. Арнольдов (цит. по: с. 76).

В Томском университете большинство профессорско-преподавательского состава было представлено эмигрировавшими доцентами Петербургского университета, затем к ним присоединились коллеги, бежавшие из Казани и Перми. Активно развивалась научная и университетская жизнь в Иркутске, Владивостоке.

В 1918–1919 гг. на советской и несоветской территории страны создавались университеты, профильные вузы: Политехнический институт в Одессе, Археологический в Киеве, Народный университет в Ташкенте и т. п. «В правительственных учреждениях всех режимов имелись органы управления образованием – министерства (управления, ведомства, отделы, комиссариаты) народного просвещения… Руководители ведомств народного просвещения и их отделов менялись достаточно часто, даже в рамках одного режима. Однако большинство из тех, кто отвечал за высшую школу, были профессорами» (с. 83).

Условия военного времени, экономическая разруха и нестабильность политической ситуации, естественно, сказывались на условиях работы. Повсеместно был недостаток лабораторного и учебного оборудования, не хватало учебной и научной литературы, практически прекратились закупки и поступления иностранных книг и журналов, не хватало простой бумаги, реактивов и т.п. Но на фоне всего этого большая часть ученых продолжала заниматься, по возможности, научной деятельностью. За пределами советской России создавались альтернативные научные организации: на Украине летом 1918 г. была создана Главная физическая обсерватория; в Омске действовала комиссия по созданию «Архива войны», собиравшая материалы о мировой войне, революциях, Гражданской войне. На Украине была создана своя Академия наук, а на других территориях страны открывались научные многопрофильные центры. Примером может служить Институт исследования Сибири, в котором было шесть отделов и два региональных отделения.

Несмотря на чрезвычайные сложности и дороговизну типографских услуг, ученые старались публиковать свои работы, а вузы – выпускать профильные издания. Более того, колчаковское правительство в Сибири попыталось наладить выпуск авторитетного «Журнала Министерства образования», издание которого было прекращено в 1917 г. В настоящее время известно только о первом выпуске журнала, отмечает автор.

Еремеева обращает внимание на настроения, на моральную атмосферу среди ученых. Автор показывает, что в годы разрухи и голода, войны и неразберихи привычные занятия научной, по-

левой, преподавательской и исследовательской деятельностью оказывались спасительными. Экономист В.А. Косинский писал: «В это время на нас – скромных научных работников – выпадает великая и ответственная обязанность: мы должны мужественно и спокойно нести светоч объективного знания, несмотря на весь гром грохочущего моря, несмотря на всю тьму, нас окружающую…» (цит. по: с. 154).

В разных вариантах эту мысль «наука как убежище» можно найти во многих мемуарах, дневниках и переписке времен Гражданской войны, пишет автор исследования. Но если наука могла служить «психологическим» убежищем, то для простого выживания, профессиональных занятий или любой работы, дающей возможность выжить, была необходима «социальная и политическая мимикрия». На территориях, находившихся под контролем белых правительств, ученые были вынуждены работать с ними на разных уровнях. Они могли просто заниматься своей научной работой, а могли и активно сотрудничать: входить в состав правительства, возглавлять учреждения или органы пропаганды и т.п. «По подсчетам сибирского историка Н.И. Дмитриева, более двадцати профессоров и доцентов занимали посты министров, товарищей министров, других ответственных работников в правительстве Колчака. Не менее пятнадцати из них работало в кабинете одновременно. […] Академик П.Б. Струве был членом Особого совещания при Деникине, а затем начальником управления иностранных дел у Врангеля… Практически все министры/руководители и ключевые фигуры ведомств народного просвещения “белых” и иных антибольшевистских правительств, попечители учебных округов (эта должность была “реанимирована” при Деникине) – В.В. Сапожников, П.И. Преображенский, В.Н. Саввин, И.И. Малинин, И.А. Малиновский, П.Э. Цытович, Н.П. Василенко, И.И. Огиенко, Д.И. Багалей, Е.В. Спекторский, Ан.Д. Билимович, В.В. Сиповский – представляли научное сообщество» (с. 168).

Когда на смену белым правительствам приходила советская власть, временно или постоянно, профессора вступали в профсоюзы, соответствующим образом корректировались учебные курсы. Часть ректорских функций выполняли комиссары. Преподаватели выступали с лекциями перед рабочими и солдатами. Большевистская власть по-разному относилась к тем, кто сотрудничал с белыми правительствами, реакция зависела от целой совокупности факторов, в том числе субъективных, часто случайных, пишет автор.

Ученые демонстрировали социальную пластичность, пытаясь приспособиться к разным режимам. В годы Гражданской войны политическая мимикрия ученых, как и большинства населения, стала правилом. Ее рассматривали как необходимость и для личного выживания, и для сохранения научных и образовательных учреждений, завершает Еремеева. Но были и те, кто не видел возможности работать в Советской России или был принципиальным противником советской власти. Они предпочли эмиграцию.

Ю.В. Дунаева

Трошина Т.И.

«ИНТЕРНИРОВАННАЯ КРАСНАЯ АРМИЯ» В ГЕРМАНИИ В 1920–1921 ГОДАХ: ОБ ОДНОМ ПОЛУЗАБЫТОМ ЭПИЗОДЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. – Архангельск: САФУ, 2016. – 207 с.: ил. (Реферат)

В монографии д-ра ист. наук Т.И. Трошиной (Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова) рассказывается о событиях, связанных с наступлением Красной армии на Варшаву в ходе советско-польской войны (июль-август 1920 г.), закончившимся поражением и вынужденным переходом красноармейских частей на территорию Германии, где они, согласно международным законам, были изолированы до окончания боевых действий (находились в Германии в течение восьми месяцев). Исследование состоит из введения, восьми глав, заключения и приложения, где опубликованы наиболее яркие документы, ранее спрятанные в архивных «спецхранах» (с. 6). Основным источником для работы послужили прежде всего воспоминания рядовых участников событий, публикации в эмигрантской прессе и пр. Автор подчеркивает во введении, что летом 1920 г. в России еще продолжалась Гражданская война, «и у оказавшихся в так называемом “свободном мире” красноармейцев, среди которых в основном были принудительно мобилизованные, а также вынужденные вступить в ряды Красной армии пленные белогвардейцы, появился реальный шанс определиться в своих политических предпочтениях» (с. 5). Именно «желание посмотреть на Гражданскую войну в таком ракурсе и подвигло автора… изучить историю “интернированной Красной армии” в Германии» (с. 5–6).

С конца 1918 г. у Польши сложились напряженные отношения с Советской Россией, поскольку поляки рассматривали уста-

новление советской власти в Белоруссии и на Украине как акт агрессии с ее стороны. Заключив союз с Петлюрой, Польша начала продвижение на восток. Ответом стало вступление в войну Советской России. Красная армия действовала на польском направлении двумя фронтами – Западным (командующий М.Н. Тухачевский) и Юго-Западным (командующий А.И. Егоров). В августе 1920 г., в разгар советско-польской войны, победоносное наступление Красной армии на Варшаву было остановлено неожиданным и стремительным контрнаступлением польской армии, прорвавшей фронт и вышедшей в тыл красных частей. Часть советских войск очутилась перед неизбежностью плена. Отступая с боями на северо-восток, оказавшись в окружении польской армии, отделенные друг от друга и от центрального командования советские части, не имея боеприпасов, отягощенные обозами и ранеными, зажатые в так называемом Данцигском коридоре (между Померанией и Восточной Пруссией), были вынуждены с той или иной степенью организованности переходить границу с Восточной Пруссией, где по международным законам, разоружившись, получили право на защиту. В общей сложности на положении интернированных оказалось до 50 тыс. советских военнослужащих, а также гражданские лица, сотрудничавшие с советскими властями и отступавшие вместе с армией. Интернированных красноармейцев сначала размещали во временных убежищах, а вскоре стали свозить в самый крупный в Восточной Пруссии лагерь Арис. Небольшие группы интернированных были размещены по другим лагерям.

Автор задается вопросом, почему победоносно наступавшая на всех фронтах Гражданской войны Красная армия в войне в Польше оказалась в столь бедственном положении. По свидетельству источников, красноармейцы были «раздеты и разуты», были вынуждены решать вопросы своего снабжения за счет пленных и местного населения, что негативно влияло на их дисциплину. Личный состав красноармейских частей, направленных на польский фронт, в основном состоял из победителей окончившейся на большей части страны Гражданской войны. С одной стороны, «сохранявшаяся партизанщина, подгоняя к постоянному наступлению и взятию препятствий “на ура”, создавала сложности как для командиров частей, так и для командования в целом» (с. 26). С другой стороны, «искусственно подогреваемый революционными лозунгами пыл был ненадежен; в условиях отступления и других непредвиденных сложностей он мог резко смениться на свою противоположность – панические настроения и уны-

ние» (с. 26). В значительной степени армия, воевавшая в Польше, состояла из выловленных и вновь взятых на службу дезертиров. «Именно таким образом командарм М.Н. Тухачевский решил ликвидировать серьезный недокомплект боевых частей, но уже при направлении частей на фронт происходило массовое дезертирство» (с. 27). Воинские части на Польском фронте пополнялись также за счет переброски подразделений с других фронтов. Широко практиковались партийные мобилизации, однако выяснялось, замечает автор, что «“партийцы” нередко готовы отказаться от партбилета, лишь бы не отправляться на фронт» (с. 35).

Автор обращает внимание на то, что Польская война была первой войной армии Советской России с «внешнем» неприятелем, «когда в одном строю оказались вчерашние противники по гражданскому противостоянию» (с. 30): части были набраны как из красноармейцев, так и из распущенных после окончания боевых действий, а в связи с началом Польской войны вновь мобилизованных белогвардейцев. Командармами часто становились офицеры, не участвовавшие в Гражданской войне, и даже бывшие офицеры белой армии. В частях на Польском фронте примерно пятая часть комсостава были в прошлом офицерами. Еще одним источником пополнения были ученики краткосрочных курсов красных командиров, где, как свидетельствуют источники, подготовка была крайне слабой. Подытоживая, автор отмечает, что Красная армия, воевавшая в Польше, в политическом плане представляла собой интернациональную армию, дополненную военнослужащими, не разделявшими большевистской идеологии. Внутри армейских подразделений «между “идейными” красноармейцами Гражданской войны (прежде всего коммунистами) и принудительно мобилизованными, в том числе бывшими белогвардейцами, существовало напряжение, и оно впоследствии с особой силой проявилось во время интернирования в Германии» (с. 48). Сплоченность фронтового братства, проявившаяся во время Польской кампании, когда плечом к плечу сражались бывшие враги по гражданскому противостоянию, стала давать трещины в первые же дни интернирования.

В монографии подробно рассказано о ходе военных действий. Отмечается, что белорусское, литовское, немецкое и еврейское население поначалу встречало Красную армию как освободительницу, поскольку на территориях, занятых польской армией, осуществлялся самый жестокий террор по отношению к местным жителям. Однако стремительность наступления Красной армии в отрыве от баз снабжения вынуждала красноармейцев заниматься продовольственным

«самообеспечением» (попросту – грабежами), что создавало сложности и для наступающей армии, и для местного населения, вызывая его недовольство. Автор констатирует, что формально дисциплина в Красной армии была жесткая, за грабежи наказывали вплоть до расстрелов, но эти строгости в полной мере не распространялись на командиров и штабных, которых нередко сопровождали члены семьи (жены, дети, престарелые родители), и их также надо было обеспечить всем необходимым.

Автор показывает, как осуществлялся переход границы и интернирование русских частей на немецкой территории сначала в Арисе, который являл собой по сути город каменных бараков, вмещавший до 15 тыс. человек. Пребывание интернированных красноармейцев в приграничных лагерях Восточной Пруссии было кратковременным. Присутствие десятков тысяч бойцов Красной армии, которая несла идеи интернационализма и мировой революции, вызывало опасение у немецких властей. В сентябре 1920 г. было принято решение вывезти интернированных красноармейцев на территории одиннадцати лагерей, расположенных в центральных районах Германии. Автор, основываясь на мемуарах, отмечает, что отношение, с которым немцы встречали интернированных за время их трех-четырехдневного продвижения по Германии, было доброжелательным и гостеприимным.

Подробно рассмотрен быт военнопленных, обеспечение питанием («паек, предоставляемый красноармейцам, хотя и соответствовал нормам тылового довольствия немецких солдат, не мог утолить голода русского человека» – с. 72), их социальный состав. Среди интернированных было до 250 женщин, около 600 стариков и детей. Большинство красноармейцев находились в бедственном положении; многие перешли границу без какого-либо имущества, не было питания, обмундирование было летним и порядком истрепанным. Красноармейцы страдали от холода, отсутствия одежды и обуви. Бедственное положение подталкивало людей к мелким преступлениям, в том числе к воровству. Первое время красноармейцам разрешалось свободно ходить по городкам, расположенным в непосредственной близости от лагерей, но вскоре последовал запрет.

С первых же дней пребывания в лагере делались попытки организовать жизнь в соответствии с требованиями гарнизонного устава Красной армии. Уже через несколько дней после массового интернирования в лагере Арис были восстановлены штабы красных дивизий, бригад и полков, политчасти, трибуналы. В лаге-

рях была налажена работа партийных ячеек, воссозданы товарищеские суды, избраны контрольно-хозяйственные советы лагерей, отделы культпросветработы, школьные, театрально-музыкальные, клубно-библиотечные и спортивные секции. Не без помощи американского Союза христианской молодежи, а также при поддержке Бюро по делам русских военнопленных, были устроены театры, библиотеки и клубы, организованы спортивные секции. К концу 1920 г. жизнь в лагерях была более или менее налажена. Особенно хорошо было поставлено школьное дело. Кроме общеобразовательных и политических занятий в школах были организованы сельскохозяйственные курсы. Привлекали красноармейцев в школы дополнительным пайком и освобождением от нарядов. Газеты в лагеря доставлялись бесплатно немецкими коммунистами, частично выписывались на средства, заработанные лагерными потребительскими кооперативами. В лагерях издавались рукописные журналы и газеты, за публикацию полагался гонорар.

Отмечается, что если культурно-просветительская работа была в большей степени внутренним делом «интернированной Красной армии», то санитарное состояние лагерей стало объектом пристального внимания немцев. Врачи осуществляли прием больных в специально оборудованных лабораториях, проводилась почти поголовная вакцинация красноармейцев с целью не допустить заболеваний оспой и тифом, что предотвратило распространение заразных болезней не только за пределами лагерей, но и в самих лагерях. На территории лагерей была восстановлена система санитарного контроля по образцу, существовавшему в Красной армии. Лагеря регулярно инспектировались работниками санитарной части Отдела интернированных. Все медицинские работники (среди интернированных находилось 80 врачей, 600 фельдшеров, более полутора тысяч санитаров, 50 санитарок и сестер милосердия) были распределены по лагерям. Мотивацией к труду была надежда на первоочередную отправку на родину.

Содержание интернированных: питание, обмундирование, оказание им медицинской помощи – возлагалось на немецкую администрацию. Расходы, понесенные немецкой стороной, советское правительство обязалось оплатить. Контроль за жизнью интернированных осуществляли органы советского государства, находящиеся в Берлине. Советское правительство выделяло на содержание каждого интернированного чуть больше четырех марок в день. Определенные средства шли на закупку обмундирования, на организацию культработы в лагерях, на оплату команди-

ровочных расходов инспектировавшим лагеря сотрудникам советского генконсульства и пр. Интернированным полагалось жалованье – по десять марок в месяц, всем одинаково, независимо от армейского статуса.

Отголосками Гражданской войны в России стали внутренние конфликты в лагерях, где, свидетельствует автор, наличествовала благоприятная почва для антибольшевизма. Красноармейцы, в большинстве своем крестьяне, были настроены против политики «военного коммунизма». Бывшие офицеры и часть идейных красноармейцев из «смирившихся» эсеров и анархистов, воодушевленные сообщениями с родины, где зимой и весной 1921 г. вспыхивали антибольшевистские восстания, расценили их как свой последний шанс. Они надеялись и на поддержку многочисленной русской диаспоры Центральной Европы. Отмечается, что первое время в ряде лагерей бывшим белогвардейским офицерам удалось фактически взять власть в свои руки. Они имели хороший организационный опыт и, пользуясь отсутствием или растерянностью командиров, навели в интернированных частях порядок.

«Антибольшевистски» настроенные командиры и красноармейцы четко делились на тех, кто хотел вернуться в Россию и кто не хотел этого ни при каких условиях. Автор констатирует, что настоящий раскол произошел в начале ноября, когда советское правительство смогло договориться о вывозе из Германии первой части интернированных. Первым должен был подлежать отправке комсостав, поскольку бои на внутреннем фронте Гражданской войны возобновились. Автор приводит данные, что из 62 офицеров комсостава 20 отказались ехать и были заменены видными коммунистами и политработниками. Летом 1921 г. вопрос о возвращении был решен окончательно. Массовое возвращение красноармейцев пришлось на май-июль 1921 г. «Пожелавших остаться (интернированных красноармейцев и командиров, военнопленных Первой мировой войны и интернированных белогвардейцев, которые находились на территории Германии на положении военнопленных) свезли в лагерь Кассель» (с. 137). Всего отказалось возвращаться 900 интернированных (в основном офицеров и казаков), еще порядка тысячи «разбежались и работали нелегально» (цит. по: с. 137). Несколько сотен казаков, завербованных представителем генерала Краснова Карташовым, были расселены в лагере Лихтенхорст (Нижняя Саксония). Военнопленные и интернированные, отказавшиеся возвращаться в Россию по разным причинам, были переданы под контроль МВД Германии.

Всего в Советскую Россию вернулись 40 986 интернированных из Германии и 75 699 пленных из Польши. Возвращавшихся делили на две категории: интернированные красноармейцы получали двухмесячный отпуск, после чего они должны были обычным порядком поступать в ведение местных военкоматов для дальнейшего их назначения. Красноармейцы, возвращавшиеся из плена, должны были сразу направляться в запасные части войск. «Позднее факт пребывания в польском плену стал негативно влиять на биографию человека. Интернирование же на территории Германии предпочли забыть» (с. 150).

И.Е. Эман

Саква Р.

У ИСТОКОВ ЛЕНИНИЗМА: ГИБЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛЮРАЛИЗМА В БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПАРТИИ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. (Реферат)

Sakwa R. The rise of Leninism: the death of political pluralism in the post-revolutionary Bolshevik party // Was revolution inevitable? Turning points of the Russian revolution / Ed. by T. Brenton. – Oxford: Oxford univ. press, 2017. – P. 262–284.

Профессор Кентского университета Ричард Саква в своей статье анализирует причины и последствия свертывания «внутрипартийной демократии» в РСДРП–РКП(б) в годы революции 1917 г. и Гражданской войны. Несмотря на многочисленные исследования по истории большевистской партии, образ ее в массовом сознании (а частично – и в современной историографии) остался, по существу, прежним: стройная, полуподпольная организация, в которой нет каких-либо разногласий, а все члены подчинены строгой иерархии и беспрекословно выполняют указания руководства. Определенное внимание привлекали разве только разногласия среди большевиков о том, правильным ли будет взять власть до начала работы II Всероссийского съезда советов 25 октября 1917 г. Дальнейшие примеры острых дискуссий зачастую отводятся на второй план и по-прежнему освещаются довольно слабо. Связано это с тем, что Октябрьский переворот рассматривается в том числе и как победа Ленина над оппонентами внутри партии, попытки которых повлиять на «ленинский курс» были заранее обречены на неудачу. Однако, полагает Саква, Октябрь был хоть и крупным, но все же локальным успехом, и до окончательного подавления плюрализма и

«фракционности» было еще далеко. Решительная победа над внутренними противниками могла прийти только с окончательной победой над внешними врагами, что и произошло к 1922 г. Однако предшествующее пятилетие изобиловало внутрипартийными дискуссиями, спорами, протестами, столкновениями различных групп в большевистском руководстве.

Рассуждая о вероятности каких-либо альтернативных сценариев, Саква обращается прежде всего к немногочисленным попыткам советских руководителей вернуться к «внутрипартийной демократии». Однако главной задачей этих кампаний по «демократизации» партии (в период хрущёвской «оттепели» и особенно в годы горбачевской «перестройки») открыто называлось не создание новых, а возврат к старым, «ленинским нормам» внутрипартийной свободы самовыражения и дискуссий. Учитывая, что именно Ленин был главным и наиболее последовательным противником «фракционности» и «разноголосицы», неудивительно, что эти позднейшие попытки не привели к положительным результатам и, по сути, были обречены на провал. Саква усматривает в этом не столько злой умысел или пример лукавства советских лидеров, сколько их неспособность оценивать партийную демократию иначе, чем в «ленинских» рамках и категориях.

Таким образом, проблема альтернатив большевистской диктатуре в виде большевистского же плюрализма пока не получила достаточного разъяснения. Ключевой же вопрос состоит в том, содержал ли сам марксизм потенциал для более разнообразных политических практик и «был ли советский авторитаризм неизбежным следствием попытки Ленина выполнить то, что он понимал как проект Маркса» (с. 281). И если Ленин не мог действовать иначе, то неизбежно ли насилие в «марксистском переходе от капитализма к социализму»?

Как отмечает Саква, в советском варианте однопартийной политической системы восторжествовал даже не «ленинский», а «ленинградский» сценарий (с. 264). Такое географическое определение Саква объясняет тем, что Петербург-Петроград на протяжении всей своей дореволюционной истории имел политические взгляды, глубоко отличные от остальной России. Радикализация и социализация настроений в столице стали одной из причин успеха большевистского переворота и в то же время – основой для дальнейшего социально-политического раскола в стране. Этому способствовало наличие других, не менее влиятельных «центров силы» на политической карте России, прежде всего речь идет о Москве.

В отличие от парадного и космополитичного Петербурга, дореволюционная Москва оставалась достаточно самобытной в культурном плане и консервативной в плане политическом. Не случайным Саква считает тот факт, что наибольшую популярность большевики имели именно в Петрограде, тогда как в Москве им приходилось выдерживать серьезную конкуренцию, прежде всего – среди влиятельных «умеренных» социал-демократов. Характерно и то, как различались сценарии захвата власти большевиками в двух столицах. Потребовались десять дней и значительные людские потери, чтобы сопротивление большевистскому перевороту в Москве было подавлено. Москва «вошла в коммунистическую эпоху как побежденный город, с навязанным ей революционным социализмом петроградского типа» (с. 267). Сильное сопротивление среди печатников и некоторых других слоев московского рабочего класса продолжалось до весны 1918 г., а в более скрытых формах – вплоть до 1920-х годов. В этом, полагает Саква, было скрыто не только сопротивление большевистской власти, но, в более широком смысле, глубоко враждебное отношение «традиционалистской русской интеллигенции к использованным большевиками методам узурпации власти» (с. 267).

Процессы «демократизации» затронули и большевистскую партию, что неудивительно: с февраля по октябрь 1917 г. ее численность выросла с 25 тыс. до 300 тыс. человек. Проблема управления этой массой была достигнута благодаря «различным кампаниям по очистке и дисциплине», но на это потребовалось не менее пяти лет. Среди большевиков первые крупные дебаты шли по вопросу об организации советской власти. Создание исключительно большевистского правительства в форме Совета народных комиссаров (Совнаркома) во главе с Лениным «разочаровало тех, кто считал, что власть будет передана советам». Кроме того, создание Совнаркома «отбирало власть у Центрального исполнительного комитета (ВЦИК) советов, от имени которого произошла революция», а сам Совнарком «не был ответственен ни перед кем, кроме самой большевистской партии» (с. 268). Группа, в которую вошли Л. Каменев, Г. Зиновьев и А. Рыков, настаивала на формировании коалиционного правительства, включающего и других, «умеренных» социалистов. Отказ от диалога, предупреждали они, неизбежно приведет к гражданской войне. Впрочем, Ленина, считавшего гражданскую войну неизбежной и даже необходимой в условиях революции, такая перспектива не страшила.

Саква подчеркивает, что в идеологических построениях Ленина фактически не было места проблеме несменяемости власти и какой-либо серьезной политической конкуренции. По сути, этот вопрос терял свою актуальность с приходом к власти сил, которые поведут общество к коммунизму – высшей стадии общественного развития. Отклонения от этой линии неизбежно должны были бы привести к новым победам «реакции» и откату общества к низшим ступеням своего развития. Эта бескомпромиссность Ленина и его сторонников органически встроилась в формирующийся политический каркас Советской России. Накануне и в первые месяцы после Октября борьба с «контрреволюцией» внешне касалась только политических противников большевиков, однако уже разгон Учредительного собрания «наглядно демонстрировал, какая судьба ждет несогласных» и в самой большевистской партии (с. 269).

Уже первые действия большевиков после прихода к власти вызывали недоумение и протест за рубежом. К. Каутский и Р. Люксембург призывали остановить репрессии против других социалистических партий и профсоюзных организаций. Люксембург уже в 1918 г. объявила о фактическом «поражении Свободы» в молодом Советском государстве: «Свобода только для сторонников правительства, только для членов одной партии – как бы они ни были многочисленны – вовсе не является свободой. Свобода – это всегда и исключительно свобода для того, кто думает иначе» (с. 270). Каутский и вовсе назвал большевистскую революцию «чуждой международной революционной борьбе» (с. 271). В этом смысле куда бóльшую симпатию «германских товарищей» вызывали крайне левые течения в самой большевистской партии. «Левые коммунисты», полагает Саква, фактически оформились в отдельную фракцию в декабре 1917 г. Пик их деятельности пришелся на январь и февраль 1918 г. – время разгона Учредительного собрания и вялотекущих переговоров с Германией о сепаратном мире. Группа получила поддержку некоторых ведущих партийных лидеров, в том числе Н. Бухарина, Н. Осинского, Е. Преображенского и Карла Радека, а также «большинства низовых организаций». Левые коммунисты выступали за революционную войну против Германии, которая затем соединилась бы с более продвинутым рабочим классом на Западе и позволила бы социалистической России выйти из изоляции. Говоря о внутренней повестке, «левые» коммунисты критиковали «мелкобуржуазное» вырождение революции, предостерегая, в частности, от устранения рабочего класса от принятия решений (с. 272). Ленину в феврале-марте 1918 г. потребовались немалые усилия для того, чтобы «выбить» из партии согласие

на подписание «похабного» Брест-Литовского мира. К концу июня 1918 г. была подавлена и «левая» оппозиция, в июле начались репрессии против последних союзников большевиков – левых эсеров. Не случайно, считает Саква, именно после этих событий Гражданская война приняла открытый и широкий размах: для того чтобы в нее ввязаться, большевикам нужно было не только наличие врага внешнего, но и полное подавление врага внутреннего, «засевшего» в самой партии.

В годы Гражданской войны «советская демократия окончательно стала управляемой», однако это не исключало наличия в тех или иных советах «чуждых элементов». Одним из важнейших был вопрос о реальных полномочиях советов в новой политической системе. «Централисты» (в основном – москвичи) с конца 1918 г. часто критиковали «ведущую роль партии» и отведение советам чисто технических функций. Многие из бывших левых коммунистов также критиковали «бюрократическое перерождение революции», декоративность советской системы, захват партией важнейших механизмов принятия решений в стране (с. 272). Одним из ключевых моментов стало принятие первой советской Конституции 1918 г., которая «оставила неопределенными институциональные механизмы организации власти». Хотя Совнарком был обязан «уведомлять» Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК) о своих решениях (ст. 39), а последний имел право «отзывать или приостанавливать» решения (ст. 40), Совнаркому был предоставлен ряд чрезвычайных полномочий, которые в конечном счете лишили ВЦИК надзорных функций.

В 1920 г., к концу Гражданской войны, усилились два отдельных, но взаимосвязанных направления внутрипартийных дебатов. Первое направление было сосредоточено на «внутрипартийной демократии» и затрагивало такие вопросы, как свобода слова в партии, права партийных ячеек, функции комитетов и роль руководства. Второе направление – профсоюзные дебаты – было сосредоточено на выстраивании правильных отношений между партией и профсоюзами и в целом – на роли организованного рабочего класса при социализме. К концу 1920 г. вся партийная организация в Москве «была вовлечена в энергичные дебаты в убеждении, что окончание Гражданской войны наконец дает возможность вернуться к тому, что они считали подлинными принципами революционного социализма» (с. 275). Иными словами, они обращались к своеобразному «идеализированному большевизму», который противопоставлялся «ленинским практикам» партийно-государственного строительства. Кроме

того, Московский совет организовывал встречи на фабриках и заводах для преодоления «пропасти, образовавшейся между партией и рабочими».

Однако все эти собрания и предложения были, по сути, проигнорированы большевистским руководством. Основная причина, как считает Саква, крылась не только и не столько во «властолюбии» большевиков и лично Ленина. Слишком часто «централисты» и иная внутрипартийная оппозиция пытались решать политические вопросы с помощью «чисто социальных» мер и практик, таких как, например, назначения рабочих на ключевые должности. Это часто вредило не только с управленческой, но и с идеологической точки зрения: мало кто из новых руководителей «из рабочих» имел собственную и выверенную политическую позицию, а потому легко становился объектом манипуляций. Миф о «какой-то врожденной чистоте рабочего», якобы способного решить сложнейшие управленческие и экономические проблемы, в итоге мало поспособствовал подлинному партийному плюрализму (с. 276).

Дебаты о «партийной демократии» осенью 1920 г. стали «последней серьезной дискуссией» о роли партии в государственном механизме. Они были быстро и, возможно, преднамеренно отведены на второй план профсоюзными дебатами, начатыми «рабочей оппозицией». В то время как «централисты» искали решение всех ключевых проблем на уровне политических институтов, «рабочая оппозиция» сводила вопрос о политической реформе к «классовому подходу» при принятии кадровых решений. И хотя Ленин отрицательно относился к полному отказу от услуг старой «буржуазной» интеллигенции («спецов»), такая постановка вопроса была на руку ленинцам, так как «позволяла новому режиму избегать серьезного самоанализа» (с. 277).

К началу 1921 г. политика «военного коммунизма» фактически зашла в тупик. Многочисленные крестьянские восстания, выступления рабочих и Кронштадтский мятеж наглядно демонстрировали, что дальше регулировать экономику военными мерами было уже невозможно. Понимая это, большевистское руководство пошло на ряд экономических уступок, фактически дав деревне десятилетнюю «передышку». Однако, подчеркивает Саква, экономические послабления шли параллельно с усилением «партийной дисциплины». Чувствительные к экономическим тенденциям, в политическом отношении большевики в 1921 г. не проявили подобной гибкости. Восстание в Кронштадте, по сути, привело к обратным последствиям: Ленин теперь утверждал, что партия

должна взять на себя «бремя защиты социализма» и «оградить себя от деградации, распространившейся в обществе» (с. 278). Среди прочего, это означало переход к открытому наступлению на внутрипартийную оппозицию и вообще на все проявления недовольства и несогласия с «партийной линией». В итоге на X съезде РКП(б) был наложен запрет на создание внутри партии каких-либо фракций. Объявленная тогда «временной», эта мера «поставила резкие пределы внутрипартийной дискуссии» и долгое время оставалась «основополагающим принципом советской власти» (с. 278).

В начале 1920-х годов были уничтожены остатки небольшевистских партий. Судебный процесс над группой ведущих эсеров в середине 1922 г. «предварял показательные процессы 1930-х годов». В это же время последовательно ужесточался административный контроль над местными партийными организациями, усиливалась централизация экономики, предварившая уничтожение последних, «нэповских» остатков рынка в начале 1930-х годов. В апреле 1922 г. генеральным секретарем партии стал Сталин, быстро взявший под свой контроль партийную машину. Его искусные кадровые перестановки сформировали «номенклатурный механизм», давший Сталину мощное оружие во внутрипартийных дебатах середины 1920-х годов. Именно в это время «большевистская традиция открытой дискуссии» закончилась, и на ее месте укрепилась «мертвая хватка ленинско-сталинской бюрократии» (с. 279). Ленинская «диктатура пролетариата» подчинила закон власти, «безжалостно сокрушала всякую оппозицию и в конце концов уступила место диктатуре сталинской» (с. 281).

В конце статьи Саква приходит к выводу, что ленинизм не был неизбежен и, безусловно, имел альтернативы. Динамичный и спорный характер внутрипартийной жизни в этот период свидетельствует о том, что он был далеко не однородным и монолитным. Это был весьма узкий, «ленинский» вариант не только организационных форм, но и политической практики, которая «в конце концов вытеснила живые силы из партии» (с. 280). Существование внутрипартийной оппозиции опровергает и взгляд на ленинизм и сталинизм как неизбежные плоды социализма. Русская революция была гораздо шире, чем ее большевистское воплощение, а большевизм в первые годы Советской власти был шире, чем «нелиберальный ленинизм». Однако камнем преткновения изначально была цель, а не процесс ее достижения. И Ленин, и оппозиция ему разделяли одно и то же «редукционистское понимание политического спора» и не понимали роли оппозиции и плюрализма в революционном коммунистическом движении. Большевистские вы-

зовы «протосталинистским формам советской власти» не представляли собой оформленную теоретическую платформу и не смогли последовательно противостоять «теории ленинской диктатуры». Речь скорее шла о некоторых изменениях в повседневных политических практиках, а реальные основы ленинизма, крывшиеся еще в довоенном большевизме, не подвергались сомнению. Осуждение подавления внутрипартийного плюрализма не выходило за жесткие идеологические рамки. В конечном счете нетерпимость к внешней оппозиции социализму как историческому выбору перетекла в нетерпимость к альтернативным путям достижения общественного блага, что обернулось против части партийной элиты и проложило путь для сталинской единоличной диктатуры.

И.К. Богомолов

В. Дённингхаус

НЕМЕЦКИЕ СЕКЦИИ РКП(б): НЕСОСТОЯВШИЙСЯ АВАНГАРД «МИРОВОЙ РЕВОЛЮЦИИ» (1918–1921)

Надежда на неминуемую революцию в странах Запада (прежде всего в Германии) была одним из главных аргументов Ленина в дни подготовки Октябрьского переворота, с чем, в первую очередь, и связано последующее особое положение так называемых «интернационалистов» – представителей западных этносов (немцев, финнов, поляков, латышей и др.) вплоть до начала 1920-х годов. Для лидеров большевистской партии мировая революция представлялась не только делом чести русского пролетариата, который должен был оказать помощь «пролетариям всех стран», но и способом приобрести надежную опору русской революции в лице рабочего класса передовых стран. Чем хуже себя чувствовал большевистский режим, тем острее большевики нуждались в мировой революции (5, с. 171–172; ср.: 11, с. 52–61; 12, с. 8–9). Ноябрь 1918 г., когда Германия могла стать, но не стала коммунистической, несколько разочаровал Москву, но не лишил ее надежды на распространение революционной волны на Западе[1].

Образование национальных компартий в республиках не могло решить проблему организации политико-пропагандистской

[1] Неудачей закончились и все попытки Москвы с помощью сформированного в России ядра коммунистов-интернационалистов организовать «германский Октябрь» в 1923 г., что, по замыслам члена Политбюро Г.Е. Зиновьева, должно было обеспечить «независимость обеих республик [Германии и СССР. – *В. Д.*] от каких бы то ни было посягательств мирового империализма». См.: Протокол № 4 заседания Пленума ЦК РКП от 23.09.1923 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). – Ф. 17 (Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991)). – Оп. 2. – Д. 101. – Л. 9.

работы среди тех нацменьшинств, которые проживали за пределами своей республики или автономной области либо вообще таковой не имели. Поэтому руководство ЦК РКП(б) прибегло к опробованной еще до революции практике создания национальных секций партии. Национальная специфика, таким образом, учитывалась в РКП(б) двояким образом: с одной стороны, благодаря созданию территориальных партийных организаций, действовавших в национальных республиках и областях, с другой стороны, путем учреждения национальных секций при партийных комитетах областей, губерний и округов, где нацменьшинства составляли значительную часть населения.

Национальные партийные секции создавались по национально-территориальному принципу, т.е. каждая секция объединяла всех коммунистов соответствующей национальности, проживавших на территории области, губернии или округа. Секциям надлежало вести пропаганду коммунистических идей, организовывать подготовку национальных кадров и выпускать периодические издания и политическую литературу на родном языке «обслуживаемого» нацменьшинства. Во главе секции стояло бюро. Если в данной области, губернии или округе проживало несколько национальных меньшинств, при партийном комитете могло параллельно существовать несколько национальных секций, каждая со своим бюро. Для координации работы региональных секций при ЦК РКП(б) были созданы центральные бюро отдельных нацменьшинств. В результате каждая секция подчинялась одновременно двум инстанциям – местному парткому, при котором она состояла, и своему Центральному бюро (ЦБ) при ЦК РКП(б). Это двойное подчинение часто приводило, особенно в первое время, к спорам о разграничении полномочий, захватывавшим все уровни партийной иерархии – от местной ячейки до ЦК. Не меньше конфликтов вызывал факт существования наряду с партийными национальными секциями «национальных» структур внутри государственного аппарата, на которые по сути дела возлагались аналогичные задачи. Это тоже постоянно вело к спорам о разграничении компетенции, прежде всего на уровне высшего руководства (например, между центральными бюро и национальными отделами Наркомата по делам национальностей).

Сеть национальных партийных секций включала в себя как секции, состоящие из местных коммунистов, так и секции иностранных эмигрантов и военнопленных. Хотя национальные секции в целом находились под непосредственным контролем ЦК РКП(б), вплоть до конца 1921 г. не существовало каких-либо объединитель-

ных структур, таким образом отдельные секции действовали сравнительно самостоятельно. Главная задача коммунистических секций западных нацменьшинств на тот момент заключалась в том, чтобы «экспортировать» социалистическую революцию на Запад. Вследствие этого руководство ЦК РКП(б) рассматривало существование коммунистических секций западных нацменьшинств как важное, но временное явление. Их основным делом было создание соответствующих национальных частей и подразделений в рядах Красной армии с целью поддержки «перманентной революции» в Западной Европе.

В отличие от целого ряда национальных секций РКП(б), созданных задолго до Октября 1917 г. и фактически лишь «переоформленных» в 1918 г., немецкие секции были созданы на иной – «инородной» основе. Другими словами, инициаторами их создания выступили не российские немцы, а германские и австро-венгерские военнопленные, оказавшиеся во время Первой мировой войны на территории России, среди которых имелось большое количество приверженцев советской власти (более подробно см.: 2; 14). Несколько позже именно из них сформировались административно-бюрократические подразделения, призванные стать своеобразным «приводным ремнем» в деле советизации российских немцев – немсекции РКП(б)/ВКП(б) (6, с. 16; ср.: 7; 13, с. 73). На состоявшейся 16 апреля 1918 г. 1-й Всероссийской конференции военнопленных-социалистов наиболее активную часть делегатов составили именно германские военнопленные, возглавившие ядро Совета «Федерации иностранцев при РКП(б)»[1]. Немецкая группа при ЦК РКП(б) была образована на общем собрании немцев-коммунистов также в апреле 1918 г. (24 апреля)[2]. Уже в сентябре 1919 г., по предложению ЦК РКП(б), эта группа была реорганизована в ЦК немецкой группы РКП(б), а 26 февраля 1920 г. этот комитет был преобразован в Центральное бюро немсекций при ЦК РКП(б) (10, с. 197). К лету 1920 г. ЦБ немсекций руководило уже тремя областными немецкими бюро и 73 группами/секциями на местах, в том числе девятью группами в интернациональных частях Красной армии. Кроме этого, немецкое

[1] В 1917 г. было зарегистрировано всего 286 членов партии немецкой национальности, см.: 1, с. 156.

[2] С апреля по май 1918 г. численность входивших в нее немцев-коммунистов выросла с 17 до 60 человек. См.: 3, с. 368; 13, с. 73.

ЦБ при ЦК РКП(б) номинально осуществляло руководство немсекциями при Наркомнаце, Наркомпросе, Главполитпросвете и т.д.

Первоначальной задачей немецких секций РКП(б) являлась работа с австро-венгерскими и германскими военнопленными, составлявшими подавляющее большинство немецкоязычных коммунистов. Именно они по возвращении на родину должны были выступить проводниками идеи мировой революции. После того как 19 апреля 1920 г. между РСФСР и Германией было подписано соглашение об отправке на родину военнопленных и интернированных гражданских лиц, ЦБ немсекций при ЦК РКП(б) выдвинуло лозунг: «Эвакуация – лучшая агитация!» (1, с. 158; 4, с. 9). До августа 1920 г., т.е. до созыва 1-й Всероссийской конференции немсекций РКП(б), главной задачей немецкого ЦБ была организация отправки военнопленных и гражданских лиц, находившихся в плену, руководствуясь следующим порядком: военнослужащие низших званий, гражданские лица и в последнюю очередь – офицеры[1]. В числе первых покидали Россию именно коммунисты, а так называемые «контрреволюционные элементы», как правило, силой ссаживались с поездов[2]. Первоочередность отправки военнопленных в Германию по классовому признаку и принадлежности к компартии привела к тому, что численность немсекций стала расти. По заявлению самих членов ЦБ немсекций, данное явление было зафиксировано по всем регионам, где находились лагеря военнопленных: «В партии много сброда, вступившего в нее по различным мотивам, не в последнюю очередь – в связи с возможностью скорейшего возвращения на родину […]»[3]. Неудивительно, что многие из прибывших в Германию военнопленных-коммунистов сразу же отказывались от какой-либо политической деятельности.

Идеей скорого свершения мировой революции, одной из важнейших предпосылок которой являлось установление советской власти в Германии, была пронизана и вся работа 1-й Всероссийской конференции немсекций РКП(б), проведенной в августе 1920 г. Выступавший от имени ЦБ немсекций Фридрих Шефер [Friedrich

---

[1] Протокол совещания делегатов, от 2.07.1920 г. // РГАСПИ. – Ф. 549 (Центральная федерация иностранных групп при ЦК РКП(б) (1918–1920); Центральное бюро агитации и пропаганды при Агитационно-пропагандистском отделе ЦК РКП(б) (1920–1924)). – Оп. 4. – Д. 37. – Л. 3об–4. См. также: 9, с. 211–219.

[2] См.: Речь тов. Преображенского, от 16.08.1920 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 37. – Л. 68–69; ср. 8.

[3] Стенограмма дискуссии 2-го заседания, от 17.08.1920 // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 37. – Л. 51.

Schäfer] прямо заявил: «Немецкие рабочие ждут не дождутся Красной Армии. Границу с Германией Красная Армия нарушить не может, она ждет удобного момента. Как только Красная Армия займет Варшаву и в Польше будет создана Советская Республика, революция перекинется в Германию. Поэтому нам необходимо откомандировать на родину партийных товарищей, чтобы они, в нужный момент, смогли помочь необходимыми указаниями. В Германии не хватает руководящих кадров»[1]. Делегаты конференции разделились на две группы: первая выступала за немедленную отправку в Германию как можно большего числа немцев-коммунистов. Представители второй группы, напротив, считали, что основной задачей бывших военнопленных – членов РКП(б) является восстановление советской экономики для подъема революционного движения в Европе. Они заявляли: «Если мы направим всех коммунистов [за границу], то немсекции будут не нужны»[2].

Такое развитие событий совершенно не входило в планы руководства ЦБ немсекций, выступавшего за централизованное расселение военнопленных, желавших остаться в России, и создание для них особых поселений. Именно на 1-й Всероссийской конференции немсекций РКП(б) впервые было заявлено о необходимости кардинальной перестройки всей их деятельности, а именно – о работе среди немцев-колонистов[3]. С этой целью при ЦБ было создано отдельное подразделение, отвечавшее за координацию идеологической работы в немецкой деревне. «Мы поняли, что должны изменить сферу нашей деятельности, – прозвучало на конференции. – Основной упор нашей работы мы должны перенести на жителей немецких колоний [...]. Наша цель, в короткие сроки, подготовить самих колонистов для агитационно-пропагандистской работы и создать условия для организации их собственных партийных ячеек [...]»[4]. Важное заявление по вопросу переориентации

---

[1] Протокол совещания делегатов, от 2.07.1920 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 37. – Л. 4об. Ср.: Вступительное слово тов. Геванд [Gewand], от 16.08.1920 г. // Там же. – Л. 67.

[2] Протокол совещания делегатов, от 2.07.1920 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 37. – Л. 9.

[3] Новые задачи немсекций РКП(б), от 20.08.1920 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 37. – Л. 105. См. также: Стенограмма дискуссии 2-го заседания, от 17.08.1920 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 37. – Л. 44а.

[4] Речь тов. Геванд [Gewand] по оргвопросу, от 20.08.1920 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 37. – Л. 90. См. также: Новые задачи немсекций РКП(б), от 20.08.1920 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 37. – Л. 105.

немецких секций сделал также руководитель ЦБ Шефер, заметивший, что работа с колонистами являлась давнейшей «мечтой» ЦБ, осуществлению которой мешало руководство самого ЦК РКП(б): «Наша работа среди колонистов была связана с различными трудностями. В первую очередь, сам российский ЦК требовал от нас заниматься только военнопленными, работу с колонистами ЦК хотел взять на себя. Сейчас точка зрения ЦК изменилась […]. Работа с колонистами должна вестись осторожно, мы должны постараться не делать ошибок, т. к. у нас еще нет подходящих и достаточно подготовленных для этой деятельности агитаторов […]»[1]. Шефер прекрасно понимал, что работа в немецких селениях требовала агитаторов совершенно иного толка – крестьян, а не промышленных рабочих, тем более иностранных, весьма далеких от понимания психологии колониста-собственника, его насущных проблем и чаяний. Неудивительно, что среди выступавших нередко раздавались пессимистические нотки в отношении «нового» задания ЦК РКП(б): «Чтобы немецких колонистов расположить к коммунизму, необходимо говорить с ними о проблемах на селе. Для этого мы должны сами разбираться в этих вопросах, включая общие проблемы сельскохозяйственного развития России»[2]. Остается добавить, что ЦБ немсекций, получив «мандат доверия» ЦК РКП(б) на работу с колонистами, даже не знало их точной численности в РСФСР[3]. Справедливости ради необходимо отметить, что планы руководства ЦБ немсекций в 1920–1921 гг. были более реалистичными, чем их будущих последователей, попытавшихся за короткий срок советизировать немецкую деревню: «Работа среди колонистов сложна, и ей будет сопутствовать много разочарований. Ее успехи будут видны не сразу […]. Нужны десятилетия, чтобы добиться позитивных изменений. Нас не должны пугать безразличие и враждебность [колонистов], наоборот, мы должны еще более активно работать среди них […]. Мы не должны пока агитировать за коммунизм, вполне достаточно совместной работы в вопросах советского строительства»[4].

---

[1] Стенограмма дискуссии 2-го заседания, от 17.08.1920 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 37. – Л. 46.

[2] Там же. – Л. 44а.

[3] Стенограмма Первой Всероссийской конференции немсекций РКП(б), от 17.08.1920 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 37. – Л. 35.

[4] Новые задачи немсекций РКП(б), от 20.08.1920 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 37. – Л. 105.

Первая всероссийская конференция немецких секций закончилась избранием нового ЦБ, состоявшего из пяти членов (Альбрехт, Курц, Шефер, Геванд, Хурка) и двух кандидатов в члены ЦБ (Поппер и Кляйн). Руководителем ЦБ был избран Вильгельм Курц, а его секретарем – Рудольф Хурка[1]. За исключением Шефера, все члены бюро прибыли в Москву из российской глубинки. Если до середины 1920 г. ЦБ немсекций практически не занималось проблемами организации немецких коммунистов на уровне РСФСР, а в основном замыкалось только на Москву и окрестности, то с августа 1920 г. его деятельность приняла совершенно иной характер как основного координатора работы всех немецких партийных подразделений во всероссийском масштабе, куда сходились «все нити духовных, политических и организационных связей…».

В соответствии с решениями 1-й Всероссийской конференции немсекций РКП(б) в 1920–1921 гг. произошло кардинальное изменение целей и задач не только самого ЦБ, но и его региональных секций: «Работа с военнопленными отступила на задний план, все силы были брошены на работу с немецкими колонистами». Вся использовавшаяся ранее тактика работы немсекций с военнопленными для воздействия на колонистов не подходила, поэтому ЦБ было вынуждено вырабатывать совершенно иные подходы для «политического перевоспитания» немецкой деревни. В первую очередь эти изменения отразились на издаваемой под его руководством периодике, служившей основным инструментом «пробуждения» у колонистов коммунистических идеалов[2]. Делегаты 1-й Всероссийской конференции немсекций РКП(б) отмечали: «Мы должны создать такую крестьянскую газету, в которой колонист кроме политической информации смог бы получать сельскохозяйственные и технические советы, а также различный развлекательный материал. В такой мешанине он смог бы лучше “переваривать” наши политические идеи»[3].

Первые приемы деятельности среди немецких колонистов были опробованы в Сибири, где после разгрома Российской армии адмирала А.В. Колчака находилась основная часть коммунистов-военнопленных. В январе 1921 г. немсекция при Сибирском бюро ЦК РКП(б) в соот-

---

[1] Заведывание литературным отделом ЦБ взял на себя Поппер. См.: Доклад ЦБ немсекций при ЦК РКП(б) за период с 1.09.1920 г. по 1.08.1921 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 57. – Л. 1а.

[2] См., к примеру: Резолюция о ближайших задачах немецких секций РКП(б), от 12.08.1921 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 57. – Л. 169.

[3] Стенограмма дискуссии 2-го заседания, от 17.08.1920 // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 37. – Л. 62.

ветствии с решениями 1-й Всероссийской конференции немсекций начала интенсивную пропаганду среди крестьян, признав ее не менее важной, чем ставку на мировую революцию. Однако наладить планомерную работу помешали продолжавшаяся эвакуация военнопленных, текучка и нехватка руководящих кадров, а главное – резкое сокращение общего числа немсекций. Серьезным препятствием для военнопленных-коммунистов явилось незнание особенностей культуры и быта немецких колонистов, особенно – меннонитов (6; 8).

Параллельно с ликвидацией множества немецких партсекций, созданных для обслуживания военнопленных, происходило создание новых, ориентированных только на работу с колонистами. Секретарь ЦБ немсекций при ЦК РКП(б) В.А. Курц, характеризуя этап 1920–1921 гг., отмечал: «Политизация “отсталых” колонистов явилась основным средством спасения наших секций […]»[1]. Необходимо иметь в виду, что члены немецкого ЦБ приступили непосредственно к работе лишь к концу 1920 г., когда все они перебрались на жительство в Москву. Несмотря на общее разочарование работников ЦБ решениями X съезда РКП(б), направленными на сужение прав и обязанностей национальных секций, вся их работа была начиная с весны 1921 г. сконцентрирована на организации новых немсекций РКП(б). Так, к примеру, именно в это время члены ЦБ немсекций разработали схему организационного построения немсекций снизу доверху, которая была представлена в ЦК РКП(б). Однако, несмотря на все усилия руководства ЦБ, она так и не была утверждена. По словам секретаря ЦБ Курца, «после окончания X-го съезда партии, деятельность ЦБ и региональных секций замерла, а к маю [1921 г.] наступил настоящий кризис. Все наши идеи и предложения не находили поддержки в бюрократических кабинетах работников ЦК […]»[2].

Курс на мировую революцию и революцию в странах Запада, в первую очередь в Германии, придававший особый вес немсекциям РКП(б), постепенно терял свою актуальность[3], что тут же отразилось на статусе ЦБ. Все предложения и обращения его членов к руководству ЦК РКП(б) подолгу оставались без ответа или вообще игнорировались. В период 1920–1921 гг. в Москву поступил огром-

---

[1] Доклад ЦБ немсекций при ЦК РКП(б) за период с 1.09.1920 г. по 1.08.1921 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 57. – Л. 2.

[2] Там же.

[3] Протокол 2-й Всероссийской конференции немсекций РКП(б), от 11.08.1921 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 57. – Л. 23; Выписка из доклада о работе Мариупольской немсекции РКП(б), май 1921 г. // Там же. – Д. 255. – Л. 26.

ный поток жалоб немецких коммунистов на противодействие их работе со стороны русскоязычных комитетов РКП(б). Неудивительно, что руководство ЦБ забрасывало ЦК РКП(б) письмами о тяжелом положении немсекций в регионах, предлагая различные пути выхода из сложившегося кризиса.

Больной точкой ЦБ немсекций при ЦК РКП(б) также являлось установление «интернациональных контактов» между колонистами и их пролетарскими «сородичами» в западноевропейских странах. Не раз заявлялось, что «международная работа […] очень нужна, она должна стать основной задачей ЦБ в России. Благодаря этому мы сможем более широко развить интернациональное мировоззрение в среде немецкого населения РСФСР»[1]. Вместе с тем право установления зарубежных контактов имело исключительно руководство ЦК РКП(б), но не ЦБ немсекций. Последнему оставалось только довольствоваться разовой информацией из-за границы посредством связи через военнопленных и отдельных коммунистов и возможностью делать заказы на покупку политической литературы в Германии[2]. Все попытки установления самостоятельных контактов через голову ЦК РКП(б) с компартией Германии закончились неудачей, как и установка «прямой» связи с австрийской компартией.

Вместе с тем период с лета 1920 г. до осени 1921 г. был весьма важным для ЦБ немсекций в организационном плане. Именно в это время произошло создание основной сети немецких секций в общероссийском масштабе. «Мы передаем новому ЦБ хорошо отлаженный “аппарат”, который находится в тесном контакте с региональными секциями, – отмечало руководство ЦБ в своем отчете ко 2-й Всероссийской конференции немсекций РКП(б) (август 1921 г.), – ЦБ, это мозг живого организма […]»[3]. При этом руководство ЦБ немсекций имело мужество в открытую обвинять ЦК РКП(б) в отсутствии действенной помощи: «Мы – всего лишь отдел, точнее подотдел ЦК, поэтому вся наша работа с немецким населением зависит от того, насколько ЦК тормозит или поддерживает наши идеи и инициативы. В ходе нашей деятельности, мы, к сожалению, весьма часто сталкивались с большим со-

---

[1] Доклад ЦБ немсекций при ЦК РКП(б) за период с 1.09.1920 г. по 1.08.1921 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 57. – Л. 17.

[2] Как правило, литература из Австрии и Германии предназначалась не для агитации и пропаганды среди общей массы колонистов, а только для партийных функционеров.

[3] Доклад ЦБ немсекций при ЦК РКП(б) за период с 1.09.1920 г. по 1.08.1921 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 57. – Л. 17.

противлением […], но не со стороны всего ЦК, а его отдельных отделов или его руководящих работников»[1].

На состоявшейся в августе 1921 г. 2-й Всероссийской конференции немсекций РКП(б) делегаты подвергли острой критике бюрократизм партийных и советских органов на всех уровнях, отмечая сложное взаимоотношение немсекций с русскоязычными парткомитетами, как правило, выступавшими против любых инициатив немецких коммунистов. Жалобы на нехватку кадров на местах в связи с эвакуацией военнопленных и использование немцев – членов РКП(б) «не по назначению» прозвучали из уст практически всех выступавших делегатов. На конференции также довольно широко дискутировался вопрос о разделении полномочий и обязанностей между немсекциями и партийными комитетами. Часть делегатов открыто заявила, что секциям нужна полная власть, а не ее крохи, ограниченные рамками агитации и пропаганды. Неявка представителя ЦК РКП(б) на конференцию всероссийского масштаба, несмотря на заблаговременное приглашение, также вызвала множество вопросов о роли и авторитете немецкого ЦБ. «Отсутствие представителя от ЦК РКП(б) обозначает его недоверие нам», – прямо заметил один из делегатов конференции[2]. Несмотря на критику эффективности совместной работы представителей немсекций с русскими парторганизациями, включая сам ЦК РКП(б), делегаты в целом поддержали курс ЦК партии на работу в немецких колониях. В принятой ими резолюции указывалось: «Немецкое население России, благодаря обособленности своего языка, равно как и особых экономических условий, исключенное из общего развития революционной жизни, оставалось на протяжении периода преобразования старого общественного строя в новый без достаточного революционного просвещения. Так как РКП не в состоянии провести эту работу без вспомогательного аппарата немецких секций, то 2-я Всероссийская конференция немецких секций поручает новому ЦБ объединить все немецкие секции в единый Центральный орган, управляемый ЦБ немецких секций при ЦК РКП»[3].

---

[1] Доклад ЦБ немсекций при ЦК РКП(б) за период с 1.09.1920 г. по 1.08.1921 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 57. – Л. 17.

[2] Протокол 2-й Всероссийской конференции немсекций РКП(б), от 14.08.1921 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 57. – Л. 32.

[3] Постановление о работе среди немецких колонистов России, от 12.08.1921 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 57. – Л. 173.

Весьма проблематичной оставалась для руководства ЦБ немсекций подготовка партийных кадров непосредственно для работы в колониях. Несмотря на то что уже к августу 1920 г. в ведении ЦБ немсекций при ЦК РКП(б) находилось три крупных партийных школы (Москва, Омск, Ташкент) и несколько мелких, разбросанных по всей РСФСР, распределение немецких партийных работников вплоть до конца лета 1921 г. проходило под единым лозунгом: «На Запад!»[1]. Основная масса немецких коммунистов покидала Россию, ссылаясь на свою «историческую миссию» по подготовке мировой революции и полное незнание психологии российских немцев. «Наши товарищи, как правило, бывшие военнопленные, далеки от жизни немецких колоний, – констатировали и сами члены ЦБ немсекций, – а следовательно, не могут стать их полноценными членами […]»[2]. Единственным реальным источником для пополнения партийных кадров могло стать только местное население, поэтому особое внимание ЦБ уделило работе с колонистской молодежью. Вторая всероссийская конференция немецких секций РКП(б) еще раз указала на обязательность всех немцев-коммунистов в возрасте до 20 лет параллельного членства в комсомоле. «Цель работы среди говорящей по-немецки молодежи – воспитание и подготовка новых сил для коммунистической партии», – подчеркивалось в ее резолюции о работе среди молодых колонистов[3]. По мнению руководства ЦБ, эту цель можно было достичь двумя путями – путем повсеместного учреждения немецких комсомольских ячеек и общим политпросвещением детей и подростков. На конференции четко прозвучало, что прямое управление и контроль за молодежными немсекциями находятся не в компетенции немсекций РКП(б), а в руках организованных в нисходящем порядке соответствующих комитетов и отделов КСМ. Острой критике подвергли делегаты и совместную работу в этом направлении с русскоязычными партийными и комсомольскими комитетами[4]. К активизации работы среди немецкой молодежи призвал секретарь ЦБ

---

[1] Речь тов. Геванд [Gewand] по оргвопросу, от 20.08.1920 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 37. – Л. 91. Так, к примеру, к 1920 г. в Омской партшколе обучалось уже 70 курсантов. См.: Стенограмма дискуссии 2-го заседания, от 17.08.1920 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 37. – Л. 49.

[2] Стенограмма дискуссии 2-го заседания, от 17.08.1920 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 37. – Л. 49.

[3] Тезисы о работе среди молодежи в немецких колониях, от 12.08.1921 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 57. – Л. 174.

[4] Протокол 2 Всероссийской конференции немсекций РКП(б), от 15.08.1921 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 57. – Л. 36.

немсекций при ЦК РКП(б) Курц, заявивший по этому поводу следующее: «Наш главный “материал” не старое поколение, посещавшее церковную школу. Основное наше внимание должно быть сконцентрировано на молодежь, которую мы можем, не только быстро, но и легко воспитать в нашем духе […]»[1].

Грандиозным планам ЦБ немецких секций образца 1921 г. так и не удалось сбыться, а рекрутировать кадры из молодежи немсекциям РКП(б) получалось с большим трудом. Коммунистический союз молодежи не смог завоевать популярность среди немецких детей и подростков, вынуждая работников немсекций прибегать к специфическим методам работы с немецкой молодежью – созданию неполитических структур под крышей КСМ: спортивных, литературных, драматических кружков, музыкальных объединений и др.

Таким образом, в начале 1920-х годов произошло кардинальное изменение целей и задач не только самого ЦБ немсекций при ЦК РКП(б), но и всех немецких секций на местах. Работа с австро-венгерскими и германскими военнопленными, «потенциальными проводниками мировой революции», потеряла свою актуальность, а на первый план была выдвинута задача агитационно-пропагандистской деятельности среди немцев-колонистов. С этого времени ЦБ немсекций окончательно заняло нишу политического комиссара, «центрального координатора и наблюдателя» за деятельностью всех немецких подразделений РКП(б)/ВКП(б) во всероссийском масштабе. В связи с тем что аппарат немецких секций РКП(б)/ВКП(б) на местах был малочислен, его работники не могли результативно проводить запланированные Москвой акции по «советизации» немецкого крестьянства, действенно противостоять деятельности религиозных общин и активно влиять на жизнь и быт «герметичной» немецкой деревни. К концу 1920-х годов, когда в политике, идеологии и экономике советского режима произошли кардинальные изменения, руководство ЦК ВКП(б) перестало нуждаться в деятельности национальных секций (включая немецкие), ставших своеобразным тормозом процесса советизации и унификации жизни национальных меньшинств[2].

---

[1] Протокол 2 Всероссийской конференции немсекций РКП(б), от 15.08.1921 г. // РГАСПИ. – Ф. 549. – Оп. 4. – Д. 57. – Л. 102.

[2] О реорганизации аппарата ЦК ВКП(б) // Партийное строительство. – 1930. – № 2(4). – С. 70–72.

Список литературы

1. *Бруль В.* Коммунистическая партия Советского Союза (КПСС) // Немцы России: Энциклопедия. – М., 2004. – Т. 2. – С. 155–163.
2. *Греков Н.В.* Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь [Сб. ст.] / Сост. и науч. ред. П.П. Вибе. – Омск: Омский государственный историко-краеведческий музей, 1997. – С. 154–180.
3. *Дикс Р.* Из истории деятельности немецкой группы РКП(б) (1918–1921 гг.) // Октябрьская революция и пролетарский интернационализм. – М.: Наука, 1970. – С. 368–384.
4. *Костюшко И.И.* Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы). – М.: Институт славяноведения РАН, 2001. – 222 с.
5. *Ли Ван Чон*. От Ленина к сталинизму, 1917–1939. – М.: Институт российской истории РАН, 1997. – 458 с.
6. *Панина Т.С.* Немецкие общественные организации в Оренбуржье (1918–30 гг.) // Немцы Оренбуржья: Прошлое, настоящее, будущее: Сб. ст. / Сост. В.В. Амелин. – М.: Обществ. акад. наук рос. немцев, 1998. – С. 138–150.
7. *Савин А.И.* Немцы Западной Сибири (конец 1919 – 1928 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2003. – 28 с.
8. *Савин А.И.* «Приводные ремни масс»: Немецкие секции ВКП(б) и немецкоязычная партийная печать в Сибири в 1920-е гг. // Немецкий этнос в Сибири: Альм. гуманит. исслед.: (Философия, социология, история, право, филология и др.). – Новосибирск: Гуманитарные технологии, 2000. – Вып. 2. – С. 133–144.
9. *Шлейхер И.И.* Пленные Первой мировой войны и немцы-колонисты в Сибири // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект: Материалы междунар. конф., Анапа, 26–30 сент. 1997 г. – М.: Готика, 1998. – С. 205–228.
10. *Brandes D., Savin A.* Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat, 1919–1938. – Essen: Klartext, 2001. – 495 S. – (Veröffentlichungen zur Kultur und Geschichte im östlichen Europa; Bd. 19).
11. *Connor W.* The national question in Marxist-Leninist theory and strategy. – Princeton (N.J.): Princeton univ. press, 1984. – XVII, 614 p.
12. *Martin T.* The affirmative action empire: nations and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. – Ithaca; L.: Cornell univ. press, 2001. – XVII, 496 p.: ill. Русский перевод: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Пер. с англ. О.Р. Щёлоковой. – М.: РОССПЭН: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. – 662 с.: ил.
13. *Pinkus B., Fleischhauer I.* Die Deutschen in der Sowjetunion: Geschichte einer nationalen Minderheit im 20. Jahrhundert. – Baden-Baden: Nomos, 1987. – 599 S.: Ill.
14. *Schleicher J.* Reichsdeutsche und österreichische Kommunisten und die Anfänge der Sowjetisierung der sibiriendeutschen Dörfer (1919–1921) // Forschungen zur Geschichte und Kultur der Rußlanddeutschen. – Essen, 1996. – H. 6. – S. 28–42.

Т.М. Фадеева

СТОЛЕТНЯЯ ГОДОВЩИНА РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (Обзор)

«Журнал современной истории» посвятил свой специальный выпуск[1] 100-летию русской революции 1917 г., пересмотру ее влияния и последствий с точки зрения так называемого «ревизионистского» подхода. Подборка статей спецвыпуска, указывается во введении, имела целью «сделать вклад в историографические дебаты о русской революции, предлагая новые темы с широким географическим охватом, преодолевая “русско-центричный фокус” направленности исследований о 1917 годе». Автор введения (4) – Мэри Нейбургер, профессор истории, директор Центра российских, восточноевропейских и евразийских исследований университета Техаса, соиздатель журнала.

Большевистская революция 1917 г. была, несомненно, одним из самых важных событий современной истории. Революция и так называемый «советский эксперимент» преобразили не только Российскую империю, но и мир. И однако эта революция потерпела поражение, основанная ею система – СССР и Восточный блок – рухнула под собственной тяжестью в 1989–1991 гг. вместе с марксизмом-ленинизмом. Остатки системы еще существуют в различных формах (Северная Корея, Куба, Китай). Однако с академической точки зрения коммунизм, или марксизм-ленинизм, в отличие от капитализма, является закрытой главой истории. Распад советского блока даже поспешили объявить «концом истории». Последнее уступило место более скромному заявлению, согласно которому 1989–1991 гг. обозначили конец «краткого XX века». Иначе говоря, бесславный конец этого политического эксперимен-

[1] Journal of contemporary history. – 2017. – Vol. 52, N 4.

та привлек внимание и даже симпатию к его сложному началу. Поэтому 100-летняя годовщина Октябрьской революции дает подходящую возможность пересмотреть сложившиеся представления о событиях, положивших начало «коммунистическому столетию». Шейла Фицпатрик, профессор университетов Сиднея и Чикаго, в статье, посвященной историографическим дебатам, советско-русским и англо-американским, предлагает рассматривать русскую революцию как «сложный 20-летний период, включающий в себя десятилетия 1920-х и 1930-х годов» (1, с. 816). Другие авторы выходят за пределы этого периода, рисуя долгосрочное воздействие революции на отдельных личностей и политические движения.

Не претендуя на «глобальное» освещение периода, авторы статей стремятся дать свежий транснациональный подход к сложным вопросам, связанным с 1917 годом. Литература по данной проблематике огромна – статьи, спецвыпуски журналов, академические конференции и тома исследований. Как верно замечает Фицпатрик, эти материалы преобладают за пределами бывшего СССР и Восточного блока, где столетие 1917 года многих вывело из равновесия. Путинская Россия, замечает она, переживает момент серьезного замешательства по вопросу, как отпраздновать событие, оставившее такое спорное наследие. Вне России наследие не менее спорно и едва ли подходит для публичного чествования. Но оно обладает мобилизующей силой для академических трудов, и можно видеть, что статьи и конференции множатся. Все это, полагает Нейбургер (4), способствует дальнейшему развитию историографии, которая далека от состояния спячки. После радости от «победы Запада» 1989–1991 гг. история триумфально двинулась вперед, охватывая и 1917 год. Крах коммунизма только укрепил нарратив «холодной войны», который включает в себя и «тоталитарную модель», определяя русскую революцию как «переворот, рожденный из террора и перешедший в трагедию» (4, с. 809). С появлением доступа к архивам появилось немало работ по 1920-м и 1930-м годам, и это окончательно повлияло на «ревизионистское» направление исследований, которое поднимало серьезные вопросы, связанные с тезисом «октябрьского переворота».

В статьях затронут материал, рисующий сложные реакции зарубежных путешественников в ранний СССР. Несомненно, высказывания многих из них были наивными либо они видели то, что им показывали и что они сами хотели видеть. Но не все визиты были тщательно отрежиссированы. Одни жили в советской стране подолгу, другие путешествовали по своей инициативе. Исследования таких

«политических паломничеств» показывают, что не все были «одурачены». Так, в статье Максима Матусевича (3) показано, что афроамериканцы приезжали в СССР в поисках общества, где не было расового разделения. Для многих из них Советский Союз 1920-х и 1930-х годов выигрывал от сравнения с Америкой. Еще большее впечатление это производило на посетителей из колоний. С точки зрения СССР визиты зарубежных коммунистов и «попутчиков» были необходимы как подтверждение советских нарративов о «международном братстве» и расовом равенстве. В статьях Матусевича, Лизы Киршенбаум и др. описаны торжественные встречи и публичность, расточаемые наиболее знаменитым иностранцам. Даже рядовые коммунисты, приезжавшие на учебу в Международной ленинской школе (МЛШ) Коминтерна и Коммунистическом университете тружеников Востока, участвовали в игре.

Коминтерн играл центральную роль в организации и координации действий новых компартий, которые росли как грибы после дождя, по выражению М. Нейбургер. «Мнение, что Коминтерн был простым “рупором Москвы”, оспаривается с ревизионистской точки зрения авторов статей, согласно которой он состоял из сложных, ворчливых и неуступчивых лиц, ценимых за их ум и профессионализм. Руководство и делегаты Коминтерна не были “простыми павлинами” Советов: они помогали готовить мировую революцию самым реальным образом» (4, с. 813).

Взятые в целом статьи спецвыпуска дают возможность проследить нити революционных связей, шедшие через Петроград, Москву, Одессу, Софию, Берлин, Женеву, Мадрид, Нью-Йорк, Мехико и др. Через Коминтерн зарубежные коммунисты делились опытом и определяли подходящий момент для дальнейших революционных действий. Когда казалось, что революционная волна теряет свой напор, зарубежные коммунисты порой жертвовали собственными жизнями за свои идеалы. Болгарские коммунисты, например, принимали участие в неудачном восстании в 1923 г. по настоянию Коминтерна. Это обеспечило им избавление от чисток 1930-х годов (5). Советская поддержка Гоминьдана в Китае в 1924–1927 гг. соответствовала коминтерновской политике «единого фронта» и широких союзов против «мирового империализма».

Как пишет Киршенбаум, Испания «стала новой линией фронта в мировой революции», необходимость которого настоятельно ощущалась по мере подъема фашизма на европейском континенте (2). Хотя все эти революции потерпели поражение, но, по крайней мере в политическом плане, они отметили вехи и дали

мучеников «мировой революции». Советские жертвы и успехи в борьбе с фашизмом во Второй мировой войне дали «второе дыхание» революции, способствуя ее распространению в Восточной Европе, Китае и других местах планеты.

Русская революция встречала особенно сильный отклик на периферии. Действительно, революционный пыл смешивался с жаждой модернизации среди испанцев, болгар, мексиканцев, китайцев, индусов, южноафриканцев. В статьях Киршенбаум и Нейбургер, посвященных коммунистам Испании и Болгарии, речь идет об «окраинах Запада» в культурном и экономическом отношениях. На окраинах, в маргинальных обществах ярче бросаются в глаза темные стороны и лицемерие капитализма и демократии (4, с. 814). Возможно, как и в России, «агония отсталости» в какой-то мере объясняет привлекательность коммунизма для отсталой периферии, далекой от индустриального ядра, откуда, согласно Марксу, должен был исходить импульс коммунистической революции.

Свой ответ на сложный вопрос о значении русской революции дает Шейла Фицпатрик: «Когда в 1972 г. Чжоу Эньлая спросили об успехе Французской революции, он ответил, что еще рано об этом судить. В определенном смысле это верно в отношении крупных исторических событий, поскольку на наше понимание влияют текущие обстоятельства. Вопреки заявлению Франсуа Фюре “революция завершилась”, Французская революция стала предметом острых споров в годовщину ее 200-летия в 1989 г. 30 лет назад русские/советские исследователи считали, что знают о революции 1917 года всё, но в настоящий момент они в этом не уверены, возможно, под влиянием шока от распада Советского Союза» (1, с. 831).

Рассматривая эволюцию интерпретации русской революции, Фицпатрик отмечает, что «тоталитарная модель» советской системы, широко распространенная, однако, не была единственной. Основной вызов такой интерпретации исходил от теории модернизации. Последняя рассматривала советскую систему в более широких сравнительно-исторических рамках обществ, переходных от традиционных (феодальных, аграрных) к современным индустриальным системам. Она подразумевала понятие прогресса, отчасти связанное с марксистским мышлением, и сторонники этого подхода, «ревизионисты», рассматривали СССР не столь негативно, как представители «тоталитарной школы». Хотя понятие модернизации не присутствовало в советском дискурсе, «преодоление отсталости» и «построение социализма» являлось его социально близким эквивалентом, считает Фицпатрик.

Основные дебаты между «ревизионистами» и сторонниками тоталитарной модели развернулись в 1960–1970-е годы. «Новые социальные историки» стремились писать историю «снизу вверх», а не наоборот. Ревизионистский вызов внес раскол и повлек ряд взаимных обвинений. Русская революция 1917 г. стала одной из первых горячих точек противоборства. В описании Р. Пайпса, «ревизионисты бросали вызов всей предшествующей интерпретации. Согласно им, крах царизма был неизбежен, независимо от участия страны в войне, из-за нищеты и тяжелого положения масс. Захват власти большевиками не был результатом заговора меньшинства: большевики воплощали желание простого народа, под нажимом которого они взяли власть и создали правительство советов» (цит. по: 1, с. 819).

Распад СССР в 1991 г. открыл архивы, в том числе ЦК партии, для западных исследователей. Но это не оказало непосредственного влияния на изучение русской революции, которая перестала быть «горячей точкой» советской истории. «Во-первых, исчезновение советского режима устранило необходимость обсуждать Октябрь 1917 г. в терминах его легитимности. Во-вторых, раздельное изучение истории России советской и императорской, включая радикальный разрыв 1917 г., ушло в прошлое. Исследователи соблюдали принцип преемственности вопреки революционному разрыву, а Первая мировая война стала рассматриваться как часть “кризисного континуума”» (1, с. 824).

В России развал СССР вызвал историографический кризис экзистенциального толка среди исследователей, журналистов и общества по отношению к русской революции. Одни пытались, игнорируя революционный переворот, связать нынешнюю Россию с предреволюционным порядком. Царил дух национальной ностальгии по монархии. Стало модным придерживаться взгляда, выдвинутого еще историками эмиграции, согласно которому поздний царский период был временем ускоренного экономического развития и культурного расцвета, нарушенного Первой мировой войной. Российские историки, находившие в себе силы писать о революции, в основном рисовали картину насилия и террора (красного и белого) в годы Гражданской войны, которую Владимир Булдаков определил как «новую Смуту», сравнив со Смутой XVII в. и другими случаями русского «бунта»[1].

---

[1] *Булдаков В.П.* Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 1997. – 373 с.

«Постсоветская Россия нуждалась в поучительном прошлом, но русская революция едва ли могла дать такой материал», – считает автор. «В противовес Сталину, который занял свое место в постсоветской национальной истории как строитель нации, победитель во Второй мировой войне и лидер сверхдержавы, Ленин и революция с трудом находят свое место в нарративе. Действительно, революция была событием огромного мирового значения, и в этом смысле ее место в истории России велико. Но, с другой стороны, это была насильственная смена режима, сопровождавшаяся продолжительными общественными беспорядками, что само по себе плохо; еще хуже, что ее жертвами были царская семья, к которой русские испытывают ностальгическую привязанность, и Русская православная церковь, с которой Путин установил тесные связи. Можно, конечно, трактовать революцию просто как прелюдию к "гигантским достижениям" советской (сталинской) эры, но это не решает проблему, следует ли сожалеть о революции или рукоплескать ей» (1, с. 827). Сергей Нарышкин, как президент Русского исторического общества, надеялся извлечь из празднования годовщины морально-воспитательный «урок» на будущее столетие, напоминая гражданам о ценности единства, гражданского согласия, способности общества к компромиссам и недопущения расколов в форме гражданской войны. Это подразумевало осуждение революции. Но министр культуры Владимир Мединский выдвинул идею «примирения» в качестве ведущей темы празднования столетней годовщины революции. «Однако платформа примирения достаточно проблематична: она может объединять, но в той же мере и раздражать сторонников обеих сторон. Речь Мединского 2015 г. вызвала критику слева и справа» (1, с. 828).

В статье Максима Матусевича, профессора истории в Университете Сетон Холл (Саут-Ориндж, Нью-Джерси), руководителя междисциплинарной программы российских и восточноевропейских исследований, на архивных документах американского консульства в Риге межвоенного периода показана одна из привлекательных сторон советского режима, а именно – отсутствие расовой сегрегации – в глазах чернокожих граждан США. При отсутствии официальных дипломатических отношений между США и СССР (до 1933 г.) дипломатическая миссия в Риге играла важную роль в связях между Вашингтоном и Москвой. Находясь всего в 200 милях от российской границы, она выполняла большую работу по выдаче американских паспортов и виз, кроме того, регулярно докладывала о советских делах и поведении американских и западных визитеров

в СССР. Фактически ее статус состоял в том, чтобы служить основным местом контактов между Востоком и Западом.

Для молодых дипломатов назначение в Рижское консульство было важной ступенью в их карьере; здесь в 1920–1930-е годы «оттачивали дипломатические зубы» два будущих посла в СССР – Джордж Кеннан и Чарльз Болен (3, с. 833). В эти же годы здесь трудился Бернард Гуфлер, будущий посол США в Финляндии и глава американской миссии в Восточном Берлине. А летом 1939 г., в канун Второй мировой войны, 22-летний выпускник Гарварда Джон Кеннеди останавливался в консульстве в ходе краткого визита в Латвию (там же). Консульство стало местом, где служащие и посетители стремились понять и сформулировать значение советского эксперимента, природу «нового общества» и его «вызовы американской исключительности и предполагаемому моральному превосходству» (3, с. 834). Советская приверженность антирасизму и пролетарскому интернационализму, безразличному к цвету кожи, учитывая сложную американскую историю расовой дискриминации, привлекала внимание консульских служащих, равно как и изменение взглядов и опыта чернокожих американцев после пребывания в Советском Союзе. В ходе формальных бесед служащих консульства с афроамериканцами становилось ясно, что последние видят в советском обществе убежище от расовых унижений и что пропагандистские усилия СССР успешно выявляют раны западного расизма, которым противостоят марксистско-ленинские принципы расовой эмансипации и включенности в общество. Так, в своих воспоминаниях чернокожий американский коммунист Гарри Хейвуд описывал Ригу как «известный шпионский центр», как «фабрику лжи», заполненную антисоветскими экспертами, создающими искаженный образ Советского Союза. С ним беседовал «джентльмен с Юга», дипломат консульства, который выразил сомнения, может ли этот «черный» быть аккредитованным журналистом «цветной газеты» «Амстердам ньюс», а также выразил подозрения, что его поездку финансировали Советы. Разговор «белого южанина», дипломата, и молодого черного радикала, «потомка рабов из Омахи», ярко выявил дилемму американских расовых отношений и классового неравенства (3, с. 835). Растущее число историков и литературных критиков начало обращать внимание на историю советских попыток привлечь сочувствующих и «попутчиков» и на отклики, которые это находило в среде африканских и афроамериканских радикалов и интеллектуалов. Расширяя границы «черной Атлантики», новое

поколение исследователей включило в сферу «борьбы за эмансипацию» Россию и Советский Союз.

Вслед за распадом СССР архивы, особенно архив Коминтерна, дали материал для исследований отношений между антирасистским Советским Союзом и западными расовыми меньшинствами, включая население колоний. Эти работы подчеркивают вклад советской антирасистской и антиколониальной агитации в рост самосознания расовых меньшинств. «Совсем не обязательно быть коммунистом, – отмечает автор статьи, – чтобы оценить вклад безразличного к цвету кожи эгалитаризма и расовой солидарности московских коминтерновских школ, распространяемого в западном мире советской пропагандой и ее местными сторонниками» (3, с. 835). Автор приводит ряд примеров, когда писатели и журналисты-афроамериканцы возвращались из СССР, полные самых радужных впечатлений о «новом мире». Отчеты рижского консульства не случайно подчеркивали связь между расовой принадлежностью и радикализмом. По-видимому, пишет автор, для ряда афроамериканцев их собеседование в консульстве после поездки в СССР становилось «возвращением к реальности», точкой перехода в «расово разделенную и одержимую расовым вопросом» Америку. Однако «они возвращались домой после пребывания в советской стране с приподнятым настроением, с чувством самоценности, менее смирными и менее готовыми вернуться к статусу граждан второго сорта» (3, с. 846). Отчеты консульства США в Риге дают содержательный комментарий к состоянию расовых отношений в трудовой Америке. Они также являются свидетельством привлекательности Советского Союза для многих афроамериканцев, причем эта привлекательность зачастую имела мало связи с марксизмом-ленинизмом как таковым, но прежде всего с советской приверженностью антирасизму. В этих отчетах можно найти безошибочные следы использования расы как политической категории, поскольку цвет кожи приезжающих делал их политически и идеологически подозрительными. Это автоматическое отождествление черного с красным, ассоциация расового различия с левацкой политикой становится характерной чертой, предваряющей наступление идеологических битв в течение «холодной войны», по мнению автора, продолжающихся по сей день (3, с. 852).

Мэри Нейбургер рассматривает роль и значение русской революции 1917 г. для болгарских левых сил, прежде всего «особые отношения» болгарских и российских левых и конкретные пути и способы, по которым происходил обмен людьми, идеями, мате-

риалами, причем как по земле, так и по Черному морю. Вклад болгарских левых в мировой революционный процесс во многом превышал в пропорциональном отношении как размер, так и международное значение Болгарии, поэтому автор предлагает рассматривать болгарский фактор шире, как «балканский».

Вплоть до недавнего времени русская революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война объяснялись и понимались прежде всего как внутрироссийские события, хотя и с явным международным измерением. Новые исследователи уделяют внимание субъективному пониманию революции со стороны отдельных коммунистических образований, взаимодействию национальных и интернациональных чувств. В частности, определенному пересмотру подвергается серьезный вопрос, в какой мере левые силы находились под влиянием Москвы.

Только горстка болгар была в Петрограде в 1917 г., но такие видные фигуры, как Кристиан Раковский, и менее известные, как В. Геров, поддерживали связь с Советской Россией с южного фланга, участвуя в Гражданской войне против белых. В статье приводится воспоминание о словах русского офицера, участника русско-турецкой войны 1877–1878 гг., освободившей Болгарию от османского ига. Он сказал: «Мы освободили вас, но кто освободит нас?» Для Раковского, как и для многих, симпатии к России разделились: они адресовались не к царской России и «царю-освободителю», а к российскому народу, интересы которого представляли левые силы (5, с. 880).

Балканские войны (1912–1913) и Первая мировая война имели катастрофические последствия на болгарском и русском фронтах, способствуя радикализации политики. Победа большевиков в Петрограде в 1917 г. вдохновила «тесняков» Благоева, ряды которых быстро росли в конце войны. Небольшое число болгар принимали непосредственное участие в событиях февраля и октября 1917 г. Мемуары одного из них, В. Герова, ярко рисуют его отношение к Октябрьскому перевороту как исполнение пожелания его отца, участника битвы на Шипке в войне 1877–1878 гг. Он цитирует письмо отца от 1915 г.: «Помни и до конца дней своих не забывай, что находишься в братской стране, народ которой проливал свою кровь за наше освобождение от турецкого ига. Мы в долгу перед ними за это. Я думаю также о международном положении и грядущих событиях, в которых ты должен принять участие в стране наших русских братьев» (цит. по: 5, с. 881). «Для Герова, как и для Раковского и многих других, болгарский политический долг России мог быть

наилучшим образом выполнен освобождением их русских братьев от царизма, но также и от западного империализма. Для сторонников большевиков это означало участие в глобальной революции в Петрограде и за его пределами, во вновь созданных революционных штаб-квартирах» (5, с. 882). Первой организованной группой зарубежных социалистов в Петрограде стал болгарский комитет под руководством В. Герова, тепло принятого Лениным. Это стало живым доказательством глобальной природы революции, ее «интернационального» характера. Ту же роль играл Коминтерн, или III Интернационал, одним из членов-основателей которого на его первом конгрессе в марте 1919 г. был Раковский, представлявший Федерацию балканских коммунистических партий, а также болгарскую и румынскую компартии. Генсек болгарской компартии Васил Коларов и Георгий Димитров постоянно перемещались по Черному морю между Варной и Одессой по нелегальному каналу, ставшему одной из артерий революционного обмена партийцев, оружия и печатного революционного материала между Болгарией и Советской Россией (5, с. 882).

Волнения на Балканах, казалось, подтверждали представление большевиков о том, что русская революция станет искрой революции мировой. Д. Благоев и его «тесняки» стремились придать стихийным волнениям координированный характер. В декабре 1917 г. около 10 тыс. болгарских рабочих заполнили улицы Софии, призывая к миру и революции. Партийные ячейки среди солдат распространяли огромное количество брошюр, призывов, газет; тираж «Работническо дело» вырос с 2000 до 11 500 экз. Толпы женщин, поощряемые «тесняками», громили магазины и продовольственные склады. По словам Благоева, «империалистическая война» превращалась в «войну социальную». В 1919 г. «тесняки», переименованные в Болгарскую коммунистическую партию (БКП), заняли на парламентских выборах второе место после Болгарского земледельческого национального союза (БЗНС) А. Стамболийского. Режим Стамболийского боролся с забастовками, используя армию, войска союзников и собственную «оранжевую гвардию».

«Болгары (и Болгария) играли прямую и в значительной мере непризнанную роль в Гражданской войне на территории Украины. Кристиан (Христо) Раковский, которого Ленин вызвал в Москву в начале 1918 г., был ключевой фигурой в этом отношении, его интеллектуальные и политические таланты имели широкое признание. Ленин назначил Раковского председателем Совета народных комиссаров Украины в 1919–1923 гг., фактически сделав его главой раз-

дираемого войной региона» (5, с. 884). Этническое разнообразие юга России отражало балканскую мозаику, которую Раковский хорошо понимал. Он боролся с «буржуазным украинским национализмом», но при этом привносил свое ви́дение Балканской федерации на многонациональную Украину.

Автор, опираясь на мемуары некоторых членов БКП, подробно описывает масштабы деятельности «нелегального черноморского канала» между Варной и Одессой, включая покупку в 1922 г. большого парохода «Иван Вазов», совершавшего рейсы Варна–Одесса с оружием, продовольствием и литературой. Тем же путем прибывали волонтеры, желавшие играть активную роль в защите первого пролетарского государства и отдать «болгарский долг русскому народу» (5, с. 885). Тем же путем около 30 тыс. солдат Белой армии Врангеля вместе с офицерами прибыли в Болгарию, превратив страну в своего рода базу контрреволюционной деятельности против коммунистов.

БКП подверглась суровой критике со стороны Коминтерна и смене руководства: во главе партии встал Георгий Димитров, сменивший престарелого Благоева. Полагая, что государственный переворот создал кризис власти, ЦК БКП (тесняки) в начале августа 1923 г. утвердил курс на вооруженное восстание. Произошел ряд мятежей и выступлений с призывом создавать «республику рабочих и крестьян». Вооруженные силы нового премьер-министра А. Цанкова подавили протесты. К 29 сентября практически не осталось ни одного очага сопротивления. Руководство в составе Коларова, Димитрова и Герова спаслось, перейдя болгаро-сербскую границу. Число погибших составило, по данным компартии, около 5 тыс. человек. На основании принятого в начале 1924 г. Закона о защите государства БКП и другие учрежденные ею организации были запрещены.

«Восстание 1923 г. фактически потерпело поражение, но оно доказало болгарскую лояльность Москве и Коминтерну. Оно также стало важной частью нарратива БКП о правительственных репрессиях и коммунистических жертвах, об изгнании и о наступающей борьбе против фашизма. 1923 год стал последней надеждой Болгарии стать частью мировой революции, которая должна была последовать за русской революцией 1917 г.» (5, с. 888). Репрессии усиливались, и большая часть руководства БКП нашла прибежище в СССР, впрочем, достаточно опасное.

В целом, однако, БКП лишь частично пострадала от жестких сталинских чисток зарубежных компартий благодаря Димитрову,

ставшему выдающейся и влиятельной фигурой левых сил межвоенного периода. Он состоял в Коминтерне с его основания, руководил его западноевропейским бюро в Берлине в 1922–1933 гг. В 1933 г. нацисты обвинили его в поджоге рейхстага, причем этот инцидент использовался как предлог для введения авторитарного правления. На суде в Лейпциге Димитров отверг ложные обвинения, что принесло ему славу в кругах, выходящих за пределы левых сил. Став главой Коминтерна в критические 1934–1943 гг., Димитров играл важную роль в политике «народного фронта против фашизма». При этом он отнюдь не был простым рупором Сталина и Коминтерна, как ранее считали западные историки. В последних работах отмечается, что он имел значительную автономию в формулировании этой политики, используя свой опыт на Балканах. Димитров много работал над созданием союзов с националистически ориентированными революционными организациями в регионе, с тем чтобы использовать их «революционный потенциал».

«Болгарский фактор в Русской революции 1917 г., – пишет в заключение автор, – заслуживает серьезного пересмотра, как нечто большее, нежели примечание в истории этих поистине интернациональных событий. Болгарские левые силы насчитывали долгую историю включенности в российский и европейский марксизм, с влиятельными (даже критическими) мыслителями и политическими лидерами как до, так и после 1917 г. “Особые отношения” между Болгарией и Россией были усилены событиями этого года, которые были прочитаны, поняты и задействованы болгарами в своем понимании. Болгарский “долг” царской России за “освобождение” нередко переосмысливался как долг “спасти русский народ”. В свою очередь, Советская Россия была понята как лучшая надежда мировой революции, как проект, в котором Болгария играла ключевую роль – на Украине и за ее пределами» (5, с. 891).

В статье Лизы Киршенбаум, профессора истории Университета Уэст-Честера (США), исследуются связи между испанскими коммунистами и русской революцией 1917 г. в период от основания Второй испанской республики в 1931 г. и до военного переворота в июле 1936 г. Автор показывает, что революционная Испания не только широко заимствовала советский опыт, но и «сама стала эмоциональной сердцевиной международного коммунистического проекта» (2, с. 892). За этим стояла сложная революционная сеть, обеспечивая взаимодействие на различных уровнях, и в этой перспективе «мировая революция» может быть понята не

только как «вера», пришедшая из России, но также как живая реальность, сформированная разнонаправленными институциональными и личными обменами, в которых доминировал СССР.

В 1931 г. Испания и ее компартия стали привлекать усиленное внимание Москвы. Летом 1931 г. известный журналист, корреспондент «Правды» Михаил Кольцов наносит краткий визит в Мадрид и Севилью и печатает отчет о поездке. Осенью того же года другой советский журналист Илья Эренбург, обычно пребывающий в Париже, проводит два месяца в Испании. В серии статей он критикует слабости «буржуазной» республики, восхищается стойкостью и благородством простых испанцев. В 1934 г. в советских газетах было описано восстание в Астурии, шахтерском районе на севере Испании, получившем массовую поддержку рабочего класса. Восставшие захватили город Овьедо, создали революционную коммуну, которая продержалась две недели и была подавлена правительством.

В статье, опубликованной в «Известиях» от 7 ноября 1934 г. – в 17-ю годовщину большевистской революции, – Эренбург представил восстание как вдохновленное советским примером и продолжающее победоносную русскую революцию. «По мере того как испанские рабочие присоединялись к коммунистическому пантеону, циркуляция людей, идей, символов и ценностей между Испанией и Советским Союзом становилась всё более тесной и сложной» (2, с. 895). Автор опирается на недавнюю работу о Коминтерне, трактующую его как «сложную», «изменчивую» международную организацию со множеством ответвлений, которые обычно изучаются изолированно, в отрыве от секретного мира коминтерновского аппарата в Москве.

В области культурной пропаганды автор статьи сосредоточивается на фигурах писателей Рафаэля Альберти и Марии Терезы Леон – двух выдающихся и влиятельных коммунистов-интеллектуалов Испании. Альберти, получивший испанскую национальную литературную премию в 1925 г., в возрасте 23 лет, за первую книгу стихов «Моряк на суше», являлся знаменитым поэтом-сюрреалистом, прежде чем стал коммунистом. Мария Леон, оставившая мужа и двух детей, стала женой Альберти в 1932 г. и придерживалась более радикальных позиций. Вместе они побывали в Советском Союзе в 1932 г. и по возвращении стали «критическими посредниками в распространении советской культуры» (2, с. 895). Более того, супружеская пара стала своего рода важной эмблемой испанского дела, путешествуя в СССР ради укрепления пролетарской солидарности с Испанией.

История участия Альберти и Леон в просоветских революционных организациях художников, писателей и интеллектуалов высвечивает сложную проблему «увлечения левой западной интеллигенции сталинским Советским Союзом». Автор стремится подчеркнуть, что попытки организации интеллектуалов – как ораторов на съездах писателей или представителей Международной красной помощи – были лишь одной ветвью более широкой, сложной, часто подпольной коминтерновской операции, включавшей не только знаменитых поэтов и писателей, но и, в гораздо большем числе, обычных мало просвещенных работников. Рядовые испанские коммунисты, ездившие в ранние 1930-е годы в Москву, в Международную ленинскую школу (МЛШ), самый престижный институт Коминтерна по тренировке зарубежных кадров, приобретали совсем другой опыт и впечатления, нежели Альберти и Леон. Тем не менее и те и другие были реальной и активной частью обширного мира Коминтерна. Их сопоставление позволяет увидеть Коминтерн не только как централизованный иерархический институт, руководимый из Москвы, но и как разнообразную живую реальность, заключенную в разнонаправленную сеть мелких организаций.

Левые испанские интеллектуалы воспринимали Россию как видение будущего. Подобно России, Испания была отсталой, крестьянской страной, «не совсем европейской». В 1922 г. левый интеллектуал Риккардо Баэза писал: «Располагаясь между Европой и Африкой, подобно России, находящейся между Европой и Азией, ни Испания, ни Россия не являются вполне западными нациями. Такое радикальное сходство влечет за собой определенные проявления братства судьбы» (2, с. 895). В 1934 г. Альберти и М. Леон снова вернулись в СССР как испанские представители на Первый съезд советских писателей. Тем временем в Испании произошел переворот, по возвращении им грозил арест, и, не доезжая Испании, супруги Альберти остановились в Париже, а затем перебрались в Америку, где выступали в защиту шахтеров Астурии. Тем временем сами рабочие – участники забастовок ехали в Москву, где становились слушателями Международной ленинской школы. Это учебное заведение Коминтерна было основано в 1926 г. с целью обучения деятелей революционного движения зарубежных стран, а точнее, считает Киршенбаум, «с целью превратить зарубежных коммунистов в большевиков» (2, с. 904).

В МЛШ число испанских представителей особенно выросло после 1934 г., после разгрома революционного движения в Астурии.

В Ленинской школе бывшие инсургенты попали в ветвь Коминтерна, которая действовала согласно иным нормам, нежели ветвь революционных интеллектуалов. Отбор в кадровую школу Коминтерна был строгим: предпочтение отдавалось рабочим крупных предприятий. Кандидаты в слушатели МЛШ должны были продемонстрировать свою активную роль в революционном движении (организация забастовок, демонстраций и т. п.) или профсоюзной работе. Требования к уровню грамотности были невысокими: умение читать и писать, способность к обучению и знания в области современной политики. При этом слушатели не обладали информацией непосредственно из других стран и были вынуждены довольствоваться сведениями, прошедшими коминтерновскую цензуру. Они не имели права сообщать кому-либо, включая родных и близких, об учебе в школе. Партии должны были отправлять студентов на обучение конспиративно, а для большей секретности учащимся давали псевдонимы.

Киршенбаум приводит примеры работы «оценщиков» и выставляемых ими «оценок» отдельным слушателям. Такие оценки, на взгляд автора, демонстрируют, что не всех испанских товарищей удавалось «перековать по большевистскому образцу».

Список испанцев, посещавших Ленинскую школу в 1936 г., показывает, что большинство студентов, прибывших в 1935 г., оставили ее в 1936 г., предположительно после победы Народного фронта на выборах в феврале. В немногих случаях, когда удавалось обнаружить следы их позднейшей деятельности, слушатели школы, в том числе и те, кто не вполне соответствовал «школьным стандартам хорошего большевика», оставались верны делу. Многие были расстреляны.

Взгляд на Коминтерн с этих различных точек зрения освещает способы и пути, с помощью которых он создавался, превращая абстракцию международной солидарности в живую реальность. Для писателей революционные связи создавались в дружеском и творческом обмене, основанном на приверженности социалистической революции и пролетарскому искусству. В Москве студенты Ленинской школы сплачивались в многонациональный многоязычный институт, который, с одной стороны, стремился превратить их в большевиков, а с другой – учил их применять теорию в специфических обстоятельствах своих стран, говорить напрямую с трудящимися у себя дома. Испанским студентам советовали «брать пример с Долорес Ибаррури, чьи речи демонстрировали, как перевести изучаемое в школе на

язык, понятный массам» (2, с. 912). Так местные заботы становились частью глобальной стратегии.

Наконец, осмысление «международного коммунизма», состоящего из множественных сетей и различных уровней, помогает понять, как русская революция, даже ставшая сталинской ортодоксией, продолжает вдохновлять народы в мире.

Список литературы

1. *Fitzpatrick Sh.* Celebrating (or not) the Russian Revolution // Journal of contemporary history. – 2017. – Vol. 52, N 4. – P. 816–831. – DOI: 10.1177/0022009417723975.
2. *Kirschenbaum L.A*. The Russian revolution and Spanish communists, 1931–35 // Journal of contemporary history. – 2017. – Vol. 52, N 4. – P. 892–912. – DOI: 10.1177/0022009417723974.
3. *Matusevich M*. Blackness the color of red: negotiating race at the US legation in Riga, Latvia, 1922–33 // Journal of contemporary history. – 2017. – Vol. 52, N 4. – P. 832–852. – DOI: 10.1177/0022009417723976.
4. *Neuburger M*. The 100th anniversary of the Russian revolution: Introduction // Journal of contemporary history. – 2017. – Vol. 52, N 4. – P. 807–815. – DOI: 10.1177/0022009417722400.
5. *Neuburger M.* The Bulgarian factor in Russia's revolutionary era, 1917–23 // Journal of contemporary history. – 2017. – Vol. 52, N 4. – P. 874–891. – DOI: 10.1177/0022009417722398.

Голдин В.И.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛЕТ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ. – Мурманск: МГГУ, 2012. – 333 с. (Реферат)

В монографии д. и. н., профессора Северного (Арктического) федерального университета, ведущего научного сотрудника Мурманского государственного гуманитарного университета В.И. Голдина анализируется отечественная и зарубежная историография Гражданской войны в России. Особое внимание автор уделяет новым направлениям и подходам в исследовании этого сложного и драматического исторического периода.

Голдин отмечает, что в конце XX – начале XXI в. новые поколения историков активно изучают Гражданскую войну, в последние десятилетия защищено более ста докторских и несколько сот кандидатских диссертаций (с. 6). Кроме многочисленных монографий и статей выходят энциклопедические издания, историографические работы, проводятся международные конференции. В Архангельске, Екатеринбурге, Мурманске, Нижнем Новгороде и некоторых других городах страны сложились и продуктивно работают научные школы, использующие новые исследовательские и методологические подходы к изучению этой темы.

Автор отмечает положительный вклад иностранных историков (прежде всего из США и Великобритании), заметно расширивших и обновивших сферы исследований революции и Гражданской войны в России. Новые социальные историки привлекли внимание к взаимосвязям социальных процессов с политическими, а также к отношениям, складывающимся между партиями и массовыми общественными движениями. Иностранные историки на протяжении многих десятилетий изучают историю российских

партий, примером тому может служить целое направление по исследованию меньшевиков и меньшевизма, его основы заложены американским историком Л. Хеимсоном. В последние десятилетия по этой теме были выполнены несколько российско-американских научно-издательских проектов.

Книгу американского исследователя П. Холквиста[1] Голдин называет примером новой политической истории, ставящей в центр исследования политические практики и политический дискурс. «В основе авторской концепции лежит тезис о преемственности политики насилия, сформированной в годы Первой мировой войны и характерной для всех воющих держав, которая была усилена в революционную эпоху и в Гражданскую войну. Эта преемственность отмечалась автором и в действиях элит, и в функционировании государственности» (с. 13). В отечественной историографии Голдин особо отмечает исследования В.П. Булдакова, посвященные революционному насилию, психологии и психопатологии масс, террору и революционному хаосу.

В сфере внимания новых культурных историков – взаимодействие и противоборство старой и новой культуры, взаимоотношения революции и культуры, возникновение и действие новых культурных тенденций и ориентиров. Голдин отмечает, что, с одной стороны, в последние годы отечественные историки стали интересоваться темой «интеллигенция в годы Российской революции и Гражданской войны» (И.Е. Казанин и др.). Но, с другой стороны, пока нет фундаментальных обобщающих работ по этой теме.

Изучение истории Гражданской войны связано с историей Первой мировой войны и историей революций 1917 г. Голдин показывает, что подходы к исследованиям этих процессов изменились. В постсоветской историографии появилась тенденция рассматривать Февральскую и Октябрьскую революции как единый революционный процесс, «или же они [революции] оценивались как два своеобразных пика в этом едином процессе. В связи с этим его предлагалось именовать Российской/Русской или Великой Российской революцией 1917 года или рассматривать ее в более широких временны́х рамках – 1917–1920, 1917–1922, 1917–1929 годов и др.» (с. 24). В 2007 г. в связи с 90-летием революции 1917 г. прошел ряд научных

[1] *Holquist P.* Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis 1914–1921. – Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 2002. – IX, 359 p.: ill.

конференций по этой теме, а среди обобщающих работ автор выделил сборник ИНИОН РАН «1917 год. Россия революционная»[1].

Историки разделились в мнениях о том, когда началась Гражданская война и что считать ее началом. Многое зависит от того, пишет В.И. Голдин, что авторы понимают под гражданской войной и в какой мере они отличают ее от других форм борьбы – вооруженного конфликта, восстания и пр. Голдин считает, что не следует говорить о конкретной дате начала Гражданской войны, еще никому не удалось аргументированно отстоять ту или иную дату и связать ее с конкретным событием. Более корректным он считает говорить «о стадиях “вхождения” или “вползания” России в Гражданскую войну, растянутости этого процесса в пространстве и времени» (с. 35–36).

Перерастанию революции в Гражданскую войну способствовали разные события, процессы, столкновения революционных и контрреволюционных сил, иностранная интервенция и т.п. По мнению Голдина, в 1918 г. принципиально изменился характер Гражданской войны. «На смену так называемой “малой” и очаговой гражданской войне летом этого [1918] года пришла широкомасштабная гражданская война, и именно военный фактор, военное противоборство стали определять и подчинили себе всю жизнь российского общества. В эту борьбу были втянуты все классы, социальные группы и слои населения» (с. 89).

В 1990-е годы в зарубежной и отечественной историографии стала утверждаться точка зрения о необходимости рассматривать Гражданскую войну как совокупность нескольких (иногда их насчитывают до десятка) войн и говорить о гражданских войнах. При этом речь идет не только о фронтовых действиях, но и о ситуации за линиями фронтов, о территориях, контролируемых противниками. Автор приводит мнение американского историка Р. Уэйда, отметившего, что в гражданских войнах переплелись военные, экономические, национальные и международные конфликты. К ним следует добавить создание «новой большевистской социально-экономической системы, включавшей в себя сильные элементы классовой борьбы, которая подкрепляла военное противостояние (и усиливала его)» (цит. по: с. 93). К тому же, пишет американский историк, велись войны между различными национальными силами, между большевиками и разными национальными группами. Российский историк, академик Ю.А. Поляков тоже отметил многосоставность, разноплановость Гражданской войны.

[1] 1917 год. Россия революционная. – М.: ИНИОН РАН, 2007. – 198 с.

По существу, она «состояла из ряда больших и малых войн… Крестьяне восставали и против красных, и против белых, местные правительства – национальные и региональные – создавали свои вооруженные силы, возникающие национально-государственные образования вели борьбу против красных, против белых и между собой, сталкивались убеждения и предубеждения, вековые традиции и новейшие идеи, которые, едва появившись, уже овладевали массами» (цит. по: с. 94).

С темой Гражданской войны в России неразрывно связана тема истории партий, речь идет как о новом взгляде на историю партии большевиков[1], так и о сложных, противоречивых отношениях, временных союзах и коалициях большевиков и оппозиционных партий. На эту тему выпущены не только многочисленные статьи и монографии (С.В. Холяев, А.Ю. Суслов и др.) но, что не менее важно, сборники документов и архивных материалов.

Острые дискуссии вызывает тема «культура и гражданская война». Часть историков, отмечает Голдин, вообще считает невозможным говорить о каких-либо положительных изменениях в области культуры в годы войны. Но некоторые иностранные историки (К. Рид, Ш. Плаггенборк и др.) занялись изучением переплетений и взаимодействий культуры и политики, формированием новых культурных ориентиров, мифов, архетипов.

Отдельно Голдин рассматривает Белое движение и Белую Россию – темы, вызывающие пристальное внимание историков в последние десятилетия. Среди обобщающих, комплексных исследований историк выделяет работу А.И. Ушакова по историографии антибольшевистского движения; монографию челябинского историка Е.В. Волкова, посвященную восприятию и эволюции Белого движения в культурной памяти советского общества; книгу В.Ж. Цветкова, анализирующую генезис, эволюцию и сущность понятий «Белое дело» и «Белое движение»[2] (с. 215–217). Из множества сюжетов можно еще отметить исследования об адмирале А.В. Колчаке и Восточном фронте (А.В. Ганин, С.И. Константинов),

---

[1] *Павлюченков С.А.* Орден меченосцев: Партия и власть после революции, 1917–1929. – М.: Собрание, 2008. – 463 с.

[2] *Ушаков А.И.* Современная российская историография антибольшевистского движения в годы Гражданской войны в России. – М.: АИРО-XX, 2004. – 96 с.; *Волков Е.В.* «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. – Челябинск: Челябинский дом печати, 2008. – 300 с.: ил.; *Цветков В.Ж.* Белое дело в России, 1917–1918 гг.: Формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. – М.: Посев, 2008. – 636 с.

монографию В.Д. Зиминой, посвященную формированию, особенностям и отличительным чертам политических режимов белых[1].

Историки плодотворно изучают региональные аспекты Гражданской войны: архангельские историки занимаются темой сопротивления революции на севере и востоке; ряд исследователей (Л.И. Футорянский, А.В. Ганин) обратились к истории казачества, Белому движению на Юге России, Добровольческой армии.

Международные аспекты Гражданской войны изучаются отечественными и зарубежными историками. Обстоятельным академическим исследованием, выполненным на глубокой источниковой и историографической базе, Голдин считает книгу Д. Дэвиса и Ю. Трани[2]. «Монография посвящена “первой холодной войне”, а именно наследию Вудро Вильсона в советско-американских отношениях в период, непосредственно предшествовавший Российской революции 1917 года, и главным образом в эпоху международной интервенции в Гражданской войне в России» (с. 131). Голдин подчеркивает, что авторы тщательно изучили не только англоязычные, но и русскоязычные архивные материалы, научные работы.

Тема национально-этнических войн и конфликтов освещается в работах историков из стран ближнего зарубежья, геополитические проблемы Закавказья рассматриваются в работах азербайджанских историков (Р.С. Мустафа-Заде, Дж.П. Гасанлы); востоковед М.А. Персиц занимается деятельностью большевиков на восточном направлении (страны Средней Азии).

Как уже говорилось ранее, современные историки рассматривают Гражданскую войну как совокупность целого ряда переплетающихся войн, вооруженных восстаний, повстанческого движения, заговорщицкой и подпольной деятельности. В подобном контексте изучаются проблемы крестьянской войны как составного элемента Гражданской войны (Т.В. Осипова); крестьянская война в масштабе революции (В.В. Галин). В монографии П.Ф. Алешкина и Ю.В. Васильева дана комплексная характеристика крестьянской войны, направленной против Советского государства[3]. «Авторы оценивают эту крестьянскую войну, как

---

[1] *Зимина В.Д.* Белое дело взбунтовавшейся России. – М.: РГГУ, 2006. – 465 с.

[2] *Дэвис Д., Трани Ю.* Первая холодная война: Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – 479 с.

[3] *Алешкин П.Ф., Васильев Ю.В.* Крестьянская война в России в условиях политики военного коммунизма и ее последствий (1918–1922). – М.: Голос-Пресс, 2010. – 576 с.

“внутренний фронт” Гражданской войны в России и раскрывают широкий комплекс ее политико-идеологических, социальных, экономических и иных проблем. В монографии анализируется процесс трансформации протестных явлений в крестьянскую войну, и большая часть их исследования посвящена апофеозу этой войны в конце 1920 – начале 1921 годов» (с. 175).

Истории Красной армии посвящены, вероятно, тысячи работ отечественных и зарубежных ученых. Но до сих пор находятся новые аспекты и темы. В книге М.А. Молодцыгина[1] «представлен широкий комплекс проблем: судьба старой армии и первые шаги по формированию новой армии; переход от изначальных теоретических замыслов и “романтических” представлений о ней к формированию регулярной Красной Армии; ее строительство в условиях начального периода, а затем и широкомасштабной фронтовой гражданской войны; опыт добровольчества и мобилизаций в РККА…» (с. 237). Внимание историков привлекает роль военных специалистов царских времен в формировании РККА. Например, между израильским историком В.В. Каминским и московским исследователем А.В. Ганиным развернулась дискуссия по проблемам сотрудничества бывших офицеров Генерального штаба с советской властью. В работах таких исследователей, как И.Е. Молоков, М.А. Персиц, В.Л. Генис и др., показана деятельность военных частей Красной армии за пределами страны (на территориях Польши, Персии, Китая, Монголии).

Вопрос о дате окончания Гражданской войны также вызывает споры исследователей. Голдин приводит разные точки зрения: например, Гражданская война, в узком смысле слова, длилась с начала лета 1918 г. до конца 1920 г., «когда именно военное противоборство сторон было главным и определяющим жизнь страны фактором, и ему были подчинены все вопросы жизни государства, общества, граждан». Но продолжает автор, «в большинстве современных российских и зарубежных изданий 1921 и 1922 годы включаются в хронологические границы Гражданской войны в России, ибо противоборство с использованием оружия, вооруженных сил продолжалось и в ряде случаев носило острый характер» (с. 169).

Подводя итоги масштабного историографического анализа работ по истории Гражданской войны, Голдин отмечает как достижения, так и проблемы в изучении этой сложной, комплексной и до сих пор политически острой темы. В частности, автор указывает

---

[1] *Молодцыгин М.А.* Красная Армия: Рождение и становление, 1917–1920 годы. – М.: ИРИ РАН, 1997. – 231 с.

на недостаточность оригинальных, выполненных на современной теоретико-методологической базе, использующих новые подходы и вводящих в оборот источники обобщающих работ. Хотя следует отметить, что плодотворно развиваются такие направления, как история антибольшевистского и Белого движений, история партий и политическая история, аграрная и крестьянская история. При этом изучается общероссийская и региональная проблематика. Недостаточно хорошо исследованы некоторые проблемы социальной истории: история интеллигенции, средних городских слоев, заметно снизился интерес к истории рабочего класса. Глубокий кризис, по словам автора, переживает история национальной политики и этнических групп. Этап отрицания разработок советских времен пройден, пишет Голдин, но пока нет новых перспективных обобщающих исследований.

Сложная ситуация сложилась и в области культурной истории. С одной стороны, признает автор, в последние десятилетия вышло значительное количество изданий, в том числе и переводных, но, с другой стороны, «говорить о серьезной изученности этой обширной тематики не приходится. <…> Следует признать, что за рубежом издано значительно больше глубоких и оригинальных исследований культуры революционной эпохи и Гражданской войны книжного формата и с использованием новых теоретико-методологических подходов, чем в постсоветской России» (с. 262).

В целом, как полагает Голдин, необходимо объединить усилия историков разных направлений, применять новые теоретико-методологические подходы, глубже и тщательнее изучать архивные материалы для создания глубоких комплексных работ не только научного, но и научно-популярного характера.

Ю.В. Дунаева

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ 1917–1921 гг.: ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ПРОБЛЕМЫ МЕМОРИАЛИЗАЦИИ «КРАСНОГО» И «БЕЛОГО» ДВИЖЕНИЯ: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16–17 июня 2016 г.). – М.: [Б. и.], 2016. – 364 с. (Реферат)

16–17 июня 2016 г. в г. Омске состоялась международная научно-практическая конференция «Гражданская война в России (1917–1922): историческая память и проблемы мемориализации “красного” и “белого” движения». Центральной темой конференции стал поиск коммеморативных практик, которые позволят современному российскому обществу осознать масштаб национального раскола столетней давности. По мнению составителей сборника материалов конференции, осознание Гражданской войны как «всеобщей национальной трагедии» не позволит этим «страшным событиям повториться вновь» (с. 10). Революция и Гражданская война 1917–1921 гг. остаются одним из главных «конфликтных полей» современного российского политического дискурса. Однако на современном этапе изучения Гражданской войны в России ключевые выводы по-прежнему сильно зависят от политических взглядов отдельных авторов и тенденциозного подбора источников в угоду политическим целям.

От «политизации истории» в первую очередь страдают научные изыскания. Идеализация основных противоборствующих сторон – красных и белых – препятствует разработке источниковой базы и появлению новых выводов из, казалось бы, «заезженных» историографических вопросов. О.С. Поршнева и М.А. Фельдман отметили, что своего исследователя еще ждут такие вопросы, как «изменение социокультурного облика региональных элит» и «последствия наложения большевистского утопизма на традиционные

жизненные практики населения». Кроме того, дальнейшей разработки требуют проблемы «соотношения индивидуального и коллективного военного опыта», национально-религиозные аспекты гражданского противостояния в России, проблемы «чтения» военной и гражданской символики красных и белых (с. 39).

Недостаточная разработка указанных проблем и вопросов приводит зачастую к весьма спорным решениям в области увековечения памяти жертв и отдельных участников Гражданской войны. Устанавливаемые памятники всё чаще несут в себе не столько память, сколько манифест, не содействуют примирению, а наоборот – подрывают любые его зачатки. Как отмечают авторы, процесс мемориализации красного и белого движения в настоящее время «концептуально не обоснован», происходит хаотично и только усиливает напряженность в обществе. В качестве примера приведена ситуация с оттягиванием установки в Омске памятника адмиралу А.В. Колчаку, который до сих пор хранится в Подмосковье. Дальнейшие события – демонтаж мемориальной доски А.В. Колчаку в Петербурге и новые требования сноса памятника ему же в Иркутске – наглядно демонстрируют актуальность темы памяти о Гражданской войне 1917–1921 гг. для современного российского общества.

Во многих материалах конференции отмечен рост «реваншизма» в современной мемориализации участников Гражданской войны. Новые памятники, обелиски и восстановленные захоронения словно «отвоевывают» территорию, утраченную сто лет назад. Д.А. Алисов посетовал на игнорирование мнения историков, а зачастую – на полную антиисторичность новой памяти о Гражданской войне. Он подверг критике «безоглядную мемориализацию» Белого движения и отметил, что преступления правительства А.В. Колчака до сих пор остаются в «народной памяти». По мнению Алисова, без определения концептуальных задач и общественно значимых целей проведение мемориализации «будет наталкиваться на сопротивление масс и служить не гражданскому миру, а расколу российского общества» (с. 23).

В качестве иллюстрации к своим выводам Д.А. Алисов упомянул дискуссии о переименовании станции московского метро «Войковская» в 2015 г. Обсуждение возникшей проблемы (отсутствие рядом с «Войковской» других топонимов для названия новой станции Московского центрального кольца) быстро перетекло в жаркие политические споры, касавшиеся не только личности самого П.Л. Войкова, но и природы большевистского режима. Д.А. Михай-

лов и В.А. Саляева усмотрели в дискуссиях вокруг «Войковской» новое «столкновение конкурирующих исторических дискурсов», которое, в свою очередь, есть признак обострения политической борьбы и поляризации общества (с. 55). На этом фоне проблема переименований советской топонимики приобретает в последние годы особую актуальность и остроту. Оживленные дискуссии вызвала проблема переименования улиц в честь героев и жертв Гражданской войны, а также возвращения улицам их исторических названий. К примеру, К.В. Демьянов отметил, что массовое переименование улиц г. Омска в честь местных участников Гражданской войны привнесло в топонимию города «огромное количество антропонимов». Демьянов посетовал на то, что Омск до сих пор «не признает участников Белого движения как часть своей истории», в топонимике сохраняется «однобокий взгляд на историю», противоречащий «принципу формирования локальной исторической памяти» (с. 154).

Значительное внимание было обращено на региональный аспект мемориализации Гражданской войны – в местных памятных датах, праздниках, ежегодном чествовании местных героев и жертв. На примере Омска Е.А. Красильникова выделила несколько этапов в формировании советской «политики памяти» о Гражданской войне в Сибири. На первом этапе (начало 1920-х годов) «акцентировалась проработка прошлого на уровне локальных событий и процессов». Это время характеризуется «обилием мемориальных инициатив» (с. 33) по сохранению памяти о местных сражениях, жертвах и героях времен Гражданской войны. Многие инициативы поддерживались омскими властями. На втором этапе (середина 1920-х годов) эти сюжеты сохранялись, но скорее как деталь к фону, как проявление общих тенденций, которые намечала официальная советская историография. Уже с конца 1920-х годов местным памятным датам и героям Гражданской войны в Сибири придавалось всё меньше значения. Завершился этот процесс на третьем этапе (в годы Великой Отечественной войны), когда «образы локальной истории Гражданской войны» были окончательно вытеснены «образами, связанными с общесоветским историческим нарративом» (с. 34).

Не осталась без внимания и судьба советских памятников героям и жертвам Гражданской войны. Так, В.М. Шиловский осветил сюжет о мемориализации жертв антиколчаковского восстания в Новониколаевске 7 декабря 1919 г. под руководством полковника А.И. Иваникина. Согласно официальной трактовке, жертвами подавления восстания стали 104 «борца за советскую власть».

22 января 1920 г. они были похоронены в братской могиле на центральной площади Новониколаевска, после чего сразу стали появляться идеи монументального оформления нового «места памяти». Первоначальный проект памятника предполагал установку «колоссального светильника из цветного стекла, напоминающего ракету». Однако за отсутствием достаточных средств могильный памятник выполнили в виде бетонной руки, держащей факел, «на долгие годы ставший символом Новосибирска» (с. 81). В советский период памятник неоднократно реставрировался, однако в 1990-е годы был заброшен и сейчас нуждается в капитальном ремонте.

Такие случаи ныне отнюдь не единичны: многие памятники и мемориалы героям и жертвам Гражданской войны находятся в неудовлетворительном состоянии, фактически забыты местными властями, а население сегодня уже мало что знает о смысле этих памятников и людях, которым они посвящены. Причины такого положения называются разные: одни исследователи видят в этом сознательную политику властей, «чувствующих себя наследниками белого адмирала» (с. 103). В.Л. Кургузов, к примеру, отметил «идеализацию» образа белогвардейцев в массовом сознании и осудил попытки установки памятников атаману Г.М. Семёнову – «кровавому палачу рабочих и крестьян», а также А.В. Колчаку, который так и не был оправдан за военные преступления, но из которого «у нас сегодня сотворили икону великомученика» (с. 63). К.А. Голодяев, со своей стороны, посетовал на недостаточное внимание властей к жертвам «красного террора», в частности – в Новосибирске. По его мнению, «сегодня, когда идет открытая реабилитация сталинизма, организация мемориала жертв гражданских войн XX в. – дело крайне насущное и необходимое» (с. 274).

Другие исследователи отмечают общее падение интереса общества к Гражданской войне, что напрямую сказывается на политике властей. Не приветствуя снос старых, советских памятников, С.С. Тихонов сомневается в практической необходимости новых. По его данным, в Омске на сегодня «мемориализируют Гражданскую войну и связанные с ней и после нее события» пять объектов, по два памятника – жертвам «белых» и «красных», один сквер «Борцов революции» на ул. Ленина, а также Центр изучения истории Гражданской войны. «Исчерпаны ли возможности этих объектов в проведении мемориальных мероприятий или людям уже некуда ступить, чтобы отдать дань памяти героев?» – задался вопросом С.С. Тихонов (с. 67).

Отдельное внимание было обращено на иностранную интервенцию, точнее – на память об интервентах в СССР и постсоветской России. Е.В. Волков и П.Ф. Назыров проследили эволюцию образа чехословацкого корпуса в отечественной культуре и историографии. Авторы отмечают, что образ чехов в значительной степени зависел от политической конъюнктуры и взгляд на них изменился с резко отрицательного в сталинский период до сдержанно-нейтрального после вхождения Чехословакии в орбиту влияния Советского Союза. В современной России «возобладал плюрализм мнений» относительно чехословацкого корпуса, однако преобладают негативные оценки. С одной стороны, чехов обвиняют в активном участии в интервенции, с другой – в выдаче «красным» А.В. Колчака и в хищении золотого запаса России (с. 240). Столь же противоречивые оценки преобладают и по отношению к другим интервентам – корейцам (В.А. Гайкин), полякам (О.А. Озерова), американцам (А.Е. Левинтов).

Несколько докладов были посвящены отражению Гражданской войны в массовой культуре – советских и белоэмигрантских журналах (Е.А. Алелькина, Е.Ю. Волошина, А.В. Ляпина), в книгах и брошюрах 1918–1922 гг. (М.И. Савршуева), в музейных коллекциях советских времен (М.Р. Каюмова). Так, А.В. Ляпина на примере пионерского журнала «Костер» показывает, какое важное место занимали образы «красных командиров» в советской пропаганде времен Великой Отечественной войны. Очерки о полководцах Красной армии были призваны культивировать в сознании подрастающего поколения «положительный образ героев Гражданской войны», их профессиональные и человеческие качества (с. 126). М.Р. Каюмова на примере экспозиции Карельского краеведческого музея продемонстрировала взаимосвязь между репрезентацией участников Гражданской войны и политической конъюнктурой. С развенчанием культа личности И.В. Сталина из коллекции музея изымались его документы и цитаты, с началом реабилитации жертв политических репрессий экспозиция «стала более нейтральной», из нее исчезли «яркие эмоциональные индикаторы» белогвардейцев и белофиннов. Наконец, с распадом СССР тематика Гражданской войны в Карелии оказалась на периферии, в том числе и исследовательского интереса (с. 137).

Схожая судьба постигла и многие «человеческие» образы героев и жертв Гражданской войны – с окончанием советской эпохи они ушли на периферию общественного внимания. Н.Ж. Беляева обратила внимание на образ Домны Каликовой – 22-летней девушки,

которая в конце 1919 г. вступила в Красную армию, была взята в плен и замучена белогвардейцами. В последующие годы предпринимались попытки мемориализации Каликовой в массовой культуре – по подсчетам автора, за советский период ей были посвящены три картины, восемь скульптурных композиций, мозаичный портрет и театральная постановка. Последние на данный момент шаги в мемориализации «героини Коми народа» почти совпали со временем распада СССР – в 1987 г. был выпущен роман Г.А. Федорова «Когда наступает рассвет», в центре которого была поставлена история подвига Домны. Вместе с прекращением идеологического контроля интерес к «народной героине» быстро пропал и до сих пор не воспроизведен в каких-либо художественных формах. Тем не менее по образу Домны Каликовой можно проследить изменения в подходах к репрезентации героев Гражданской войны. Если в 1940–1950-е «брала верх литературность, в 1960-е – историчность, еще позднее – образность, мифологичность, позволявшие художникам весьма вольно обыгрывать исторические реалии в пользу новых пластических решений» (с. 160).

Образ белых и красных в фильме «Чапаев» проанализировали С.П. Бычков и О.В. Гефнер. По их мнению, фильм братьев Васильевых «вышел далеко за рамки агитационного и идеологического фильма». Белые офицеры уже в эмиграции в середине 1930-х годов ходили смотреть «Чапаева», потому что в образе Бороздина они «видели самих себя». Фильм «ярко высветил основной спектр проблем Гражданской войны, ее типажей и особенностей и стал художественным памятником эпохе» (с. 216). Этими качествами, по мнению Д.И. Петина и М.М. Стельмака, не обладает современная кинокартина «Адмирал». Рассчитанный на «облегченное восприятие», этот фильм «показал не А.В. Колчака, а некий собирательный идеал белого офицера». Тем не менее заслуга «Адмирала» в том, что он сумел привлечь общественное внимание к «исторической проблеме Гражданской войны» (с. 344).

И.К. Богомолов

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабенко Оксана Васильевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. http://inion.ru/about/personalities/babenko-oksana-vasilievna/

Богомолов Игорь Константинович – кандидат исторических наук, научный сотрудник центра россиеведения ИНИОН РАН. http://inion.ru/about/personalities/bogomolov-igor-konstantinovich/

Большакова Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, зав. сектором истории России отдела истории ИНИОН РАН. http://inion.ru/about/personalities/bolshakova-olga-vladimirovna/

Дённингхаус Виктор – заместитель директора Института культуры и истории немцев в Северо-Восточной Европе при Гамбургском университете. V.Doenninghaus@ikgn.de

Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. http://inion.ru/about/personalities/dunaeva-iuliia-viacheslavovna/

Коновалов Вадим Сергеевич – научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. http://inion.ru/about/personalities/konovalov-vadim-sergeevich/

Любин Валерий Петрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. http://inion.ru/about/personalities/liubin-valerii-petrovich/

Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. https://michael-mints.ru

Фадеева Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. http://inion.ru/about/personalities/fadeeva-tatiana-mikhailovna/

Шевырин Виктор Михайлович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН. http://inion.ru/about/personalities/shevyrin-viktor-mikhailovich/

Эман Ирина Евгеньевна – научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН.

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Сборник статей, обзоров и рефератов

Оформление обложки И.А. Михеев
Компьютерная верстка Н.В. Афанасьева
Корректор В.И. Чеботарева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П. 5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 30/XII – 2018 г. Формат 60x84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная
Усл. печ. л. 13,8 Уч.-изд. л. 12,0
Тираж 300 экз. (1–100 экз. – 1-й завод)
Заказ № 156

Институт научной информации
по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий
Тел. / Факс: (925) 517-36-91
E-mail: inion@bk.ru

Отпечатано по гранкам ИНИОН РАН
ООО «Амирит»
410004, Саратовская обл., г. Саратов
ул. Чернышевского, д. 88, литера У